И. И. САЛАДКОВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЕЛОРУССИИ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(конец XIX—начало XX в.)

МИНСК 1957

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ЛЕНИНА

И. И. САЛАДКОВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЕЛОРУССИИ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(конец XIX—начало XX в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕЛГОСУНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ЛЕНИНА
МИНСК 1957

Под общей редакцией Председателя Госплана Белорусской ССР, кандидата экономических наук С. Н. МАЛИНИНА

I. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ БЕЛОРУССИИ

До Великой Октябрьской социалистической революции Белоруссия в экономическом и культурном отношении являлась одной из отсталых и угнетенных национальных окраин бывшей царской империи. Реакционная национальная политика царизма всячески задерживала развитие производительных сил Белоруссии, обрекала ее на отсталость и держала на положении аграрного придатка развитых в промышленном отношении центральных районов России. Искусственно тормозя развитие промышленности на окраинах страны, царское правительство рассматривало их, в том числе и Белоруссию, как рынок сбыта товаров, вырабатываемых в промышленных районах Российской империи.

Однако эта политика не в состоянии была приостановить процесс развития промышленного капитализма в народном хозяйстве Белоруссии, которое являлось составной частью народного хозяйства всей России и развивалось в тесной связи с ее экономикой.

С повсеместным развитием капитализма в России рос численно и выделялся своими боевыми, революционными качествами промышленный пролетариат, способный повести за собой на революционную борьбу многомиллионные массы крестьянства и добиться свержения господства эксплуататорских классов.

После отмены крепостного права, в Белоруссии, как и в других районах России, происходило довольно быстрое развитие капитализма. Одновременно с увеличением количества промышленных предприятий формировались и росли кадры белорусского пролетариата, представлявшего собой органическую часть общероссийского рабочего класса.

Однако, выступавшие тогда на арене политической борьбы народники, вопреки очевидным фактам, отрицали развитие капитализма в России. Они утверждали, что в России якобы нет почвы для капитализма, в виду отсутствия достаточно емкого

внутреннего рынка, что она может миновать капиталистический путь развития, что главную роль в революции будет играть не рабочий класс, а крестьянство, что Россия придет к социализму не через диктатуру пролетариата, а через крестьянскую общину, которая, по их мнению, являлась зародышем и базой социализма.

Такие же глубоко ошибочные взгляды были присущи и народническим кружкам, существовавшим в 70-х годах в Минске, Могилеве, Гродно и других городах Белоруссии, которые разделяли программу и тактику организации «Народная воля», поддерживали тесную связь с народниками Петербурга и других городов России. Выходцами из Белоруссии были такие видные деятели «Народной воли», как И. Гриневицкий и Г. Гельфман.[1]

Осенью 1879 г. народниками в Минске была создана подпольная типография, в которой печатались их прокламации. В этой же типографии было напечано три номера газеты «Черный передел» — органа народнической организации.

Кружок народнического направления в Минске издал в 1884 г. несколько номеров нелегальной газеты «Гомон» на белорусском языке. Инициатива издания этой газеты принадлежала группе студентов-белорусов, обучавшихся в Петербургском университете. Во втором номере газеты «Гомон», выпущенном в свет 15 ноября 1884 г., были сформулированы основные программные задачи народников, действовавших на территории Белоруссии. В своей программе «гомоновцы» ложно утверждали, что якобы из белорусского крестьянства «не выделяются кулаки». Как и другие народники, они отрицали наличие классового расслоения в деревне и в то же время отличались национальной ограниченностью, проповедуя необходимость борьбы только «за местные интересы белорусского народа».

---

[1] Игнатий Иохимович **Гриневицкий** (1856—1881 гг.) происходил из семьи мелкопоместного дворянина-шляхтича Минской губернии. Будучи студентом Петербургского технологического института, он в 1879 г. вступил в партию «Народная воля», активно вел народническую пропаганду среди рабочих и студентов, а также был одним из организаторов первой подпольной газеты на русском языке, издававшейся для рабочих, под названием «Рабочая газета». Гриневицкий принимал деятельное участие в подготовке убийства царя Александра II. Когда 1 марта 1881 г. бомба, брошенная народовольцем Н. И. Рысаковым, не причинила вреда царю, то Гриневицкий подбежал почти вплотную к Александру II и бросил вторую бомбу, взрывом которой царь был убит, а сам он смертельно ранен.

Геся Мееровна **Гельфман** родилась в 1855 г. в гор. Мозыре Минской губернии, в семье лесного промышленника. Принимала активное участие в деятельности партии «Народная воля» и в подготовке убийства царя Александра II. Судилась по процессу «первомартовцев» и была приговорена к повешению. Этот приговор был заменен вечной каторгой. Умерла Гельфман в 1882 г. в тюрьме.

В 80—90-х годах народнические кружки в Белоруссии, как и в других местностях России, явно перешли на позиции либерализма. Совершенно отказавшись от всякой революционной борьбы с царским правительством, они проповедывали примирение и соглашение с царизмом, выступали как идеологи кулачества, выражали его классовые интересы.

Разоблачение антимарксистских взглядов народников, их идейный разгром был осуществлен В. И. Лениным. Уже в своих первых произведениях «По поводу так называемого вопроса о рынках» (1893 г.), «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894 г.) и других В. И. Ленин решительно разоблачает философские, экономические и политические воззрения народников как фальшивых «друзей народа», прикрывающихся флагом социализма, а на деле идущих против народа.

Неоценимое значение в деле защиты и обоснования марксистской программы революционной борьбы в России, в деле завершения идейного разгрома народничества имеет гениальный труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», вышедший в свет в 1899 г. В этом выдающемся произведении творческого марксизма дан глубокий анализ экономики России, вскрыты экономические основы классовых противоречий и классовой борьбы, заложены научные основы программы, стратегии и тактики марксистской революционной партии в России.

На этой книге воспитывались десятки тысяч революционеров. Изучая книгу Ленина, они ясно видели, что Россия уже вступила на путь капиталистического развития, и задача революционеров состоит в том, чтобы опереться на такую, до конца последовательную революционную силу, порождаемую развитием капитализма, как рабочий класс, всемерно развивать его классовое сознание, способствовать его организации, помочь ему создать свою революционную, марксистскую партию. Воспринимая ленинские идеи как руководство к действию, революционные силы России приходили к выводу о необходимости создать и укрепить союз рабочего класса с трудящимся крестьянством для победоносной борьбы против царизма и капитализма.

В произведении «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин неопровержимо обосновал то положение, что роль пролетариата в общественном развитии неизмеримо более значима, чем его численность в общей массе населения. «Тот анализ общественно-хозяйственного строя,—писал Ленин в 1907 г. в предисловии ко второму изданию книги,—и, следовательно, классового строения России, который дан в настоящем сочинении на основании экономического исследования и критического разбора статистических сведений, подтверждается теперь открытым политическим выступлением всех классов в ходе революции. Вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата.

Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения.»[1]

В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» отмечал, что с падением крепостной системы происходил усиленный приток рабочих на фабрики и заводы, а развитие промышленного капитализма пошло довольно быстро, несмотря на остатки крепостничества, еще тормозившие этот процесс. За 25 лет, с 1865 по 1890 г., количество рабочих на одних только крупных фабриках, заводах и железных дорогах, по подсчетам В. И. Ленина, увеличилось с 706 тыс. до 1432 тыс.[2] Таким образом, число рабочих на крупных капиталистических предприятиях за указанные годы увеличилось более чем вдвое. Оно возрастало гораздо быстрее городского населения.

Еще более быстрыми темпами развивалась крупная промышленность в 90-х годах прошлого столетия. К концу 90-х годов количество рабочих на фабриках, заводах, в горной промышленности и на железных дорогах России выросло до 2792 тыс.

Развитие капитализма в России оказывало огромное влияние на экономику Белоруссии. Как и в России, в Белоруссии развивалась капиталистическая промышленность, расширялась торговля, возникали монополистические объединения, росли города, увеличивался численно и закалялся в борьбе против эксплуататоров современный промышленный пролетариат.

Подтверждением сказанному могут служить следующие фактические данные. Если в 1871 г. в Могилевской губернии было всего лишь 279 промышленных заведений, производивших изделия, не облагаемые акцизом, а количество постоянных рабочих не превышало тысячи человек, то уже через десять лет — в 1881 г. промышленных заведений в указанной губернии насчитывалось 1034. На них было занято 4362 постоянных рабочих и мастеров, принесших чистой прибыли их владельцам в сумме 1 762 023 руб.[3] В 1907 г. в той же Могилевской губернии насчитывалось 3 480 промышленных заведений, на которых было занято 12 709 рабочих, произведших промышленной продукции на сумму 11 956 942 руб.[4].

Преобладающее большинство промышленных заведений Могилевской губернии, как и всей Белоруссии, состояло в 70—80-х годах из мелких ремесленно-кустарных мастерских. Но уже и тогда появлялись, хотя и в небольшом количестве, довольно крупные промышленные предприятия. Одно из таких

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 9.

[2] См. там же, стр. 436.

[3] См. «Опыт описания Могилевской губернии», под ред. А. С. Дембовицкого, кн. 2, Могилев, 1884, стр 171, 202, 203.

[4] Подсчитано по материалам обзора Могилевской губернии за 1907 г.

предприятий—Добрушская писчебумажная фабрика князя Паскевича (Гомельский уезд, Могилевская губерния) в 1881 г. дала чистого дохода 320 000 руб., т. е. больше, чем вместе взятые кожевенные, круподерные, маслобойные и сукновальные предприятия, которых насчитывалось 655, с количеством рабочих 937.[1]

В среднем на каждое предприятие в Могилевской губернии в 1881 г. приходилось всего лишь по 4,2 рабочих и мастеров. В то же время на Добрушской писчебумажной фабрике работало 352 постоянных рабочих и 2 мастера. По своему устройству и техническому оборудованию фабрика стояла в первом ряду подобных предприятий не только в Белоруссии, но и всей России. Стоимость паровых машин и разных механизмов, выписанных из-за границы, которыми была оснащена фабрика, оценивалась в 296 689 руб. Здесь вырабатывались самые разнообразные сорта писчебумажных изделий. Построенная в 1871 г. фабрика непрерывно расширялась. В 1879 г. ею было выработано 103 579 пудов разных сортов бумаги на сумму 490 049 руб. Выработанные фабрикой изделия в 1881 г. оценивались суммой в 551 594 руб. Готовая продукция, кроме местного рынка, сбывалась в Москве, Харькове, Варшаве, Одессе, Ростове-на-Дону, Тифлисе и других городах.

С 1831 г. в Гомеле существовал сахарный завод, принадлежавший также князю Паскевичу. На заводе работали 13 мастеров и 225 постоянных рабочих. Завод давал валового дохода до 50 000 руб. в год. В 1882 г. он был закрыт и на его месте возник новый соломенно-массный завод, приносивший чистой прибыли до 90 000 руб. в год, хотя численность рабочих сократилась до 60 и мастеров — до 5 человек. Все оборудование этого завода князем Паскевичем было приобретено в Германии.[2]

Из других предприятий Могилевской губернии, действовавших в 1881 г., следует отметить проволочно-гвоздильный завод, принадлежавший белорусскому капиталисту Оршанского уезда Михаилу Попову. На заводе было занято 73 постоянных рабочих и мастеров. Его валовой доход в 1881 г. составил 50 976 руб., а основной и оборотный капитал—почти 150 000 руб. Завод вырабатывал проволоку разнообразных сортов и размеров, в том числе и телеграфную, а также гвозди и пружины для мебели. Построенный в 1875 г. завод постоянно увеличивал выпуск вырабатываемой продукции. Так, в 1877 г. было выработано 28 769 пудов изделий, в 1878 г.—40 099, в 1879 г.—50 120 и в 1880 г.—62 490 пудов. Продукция, выпускаемая заводом, нахо-

---

[1] Исчислено по материалам книги «Опыт описания Могилевской губернии», под ред. А. С. Дембовицкого, кн. 2, Могилев, 1884, стр. 213, 217, 218.

[2] См. «Опыт описания Могилевской губернии», под ред. А. С. Дембовицкого, кн. 2, стр. 273, 274 и 188.

дила сбыт не только на местном рынке, но также вывозилась в Москву, Киев и другие города России.[1]

Литейно-механическое производство Могилевской губернии в 1880 г. находилось в зачаточном состоянии и было представлено тремя небольшими заводами. На одном из них (более крупном) чугунно-литейном заводе при Горы-Горецком земледельческом училище работало 59 мастеров и постоянных рабочих. Завод изготовлял плуги, веялки, приспособления для мельниц, кухонные плиты и другие предметы домашнего обихода. В 1880 г. завод выпустил всего лишь на 4320 рублей всей продукции.

Развитие промышленности, рост рабочего класса и увеличение промышленной продукции—все эти факторы имели место и в других губерниях Белоруссии.

Если в 1861 г. в пяти белорусских губерниях[2] числилось всего 892, в подавляющем большинстве мелких, фактически кустарно-ремесленных предприятий, на которых работало 11 263 рабочих, то уже в 1901 г. только таких промышленных предприятий, которые состояли под надзором фабричной инспекции, насчитывалось почти 1600 и на них было занято 48 590 постоянных рабочих.[3]

Одним из ярких показателей развития промышленности является значительно более быстрый рост городского населения по сравнению с сельским. В произведении «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин подсчитал, что если с 1863 по 1897 г. по 50 губерниям Европейской России все население увеличилось на 53,3%, а сельское—на 48,5%, то городское население увеличилось на 97%.

Из приводимых В. И. Лениным данных видно, что в шести Западных губерниях (Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской и Ковенской) все население за указанные годы (1863—1897) увеличилось с 5 548,5 тыс. до 10126,3 тыс., т. е. на 82%. Соответственно сельское—на 81% и городское—на 96%.[4]

---

[1] См. «Опыт описания Могилевской губернии», под ред. А. С. Дембовицкого, кн. 2, стр. 267, 269.

[2] В состав белорусских, или Северо-западных губерний входили Витебская, Виленская, Гродненская, Минская и Могилевская. Территория их охватывала современную территорию Белоруссии, а также ряд уездов с преобладающим русским, польским или литовским населением. Территория таких уездов, как Белостокский, Бельский и Сокольский Гродненской губернии; Виленский, Двинский, Лютинский, Невельский, Режецкий и Себежский Витебской губернии; Виленский, Свенцянский и Трокский Виленской губернии—в границы современной Белоруссии не входят.

[3] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. II (1772—1903 гг.), Минск, 1940, стр. 700 и т. III (1900—1917 гг.), изд АН БССР, 1953, стр. 76.

[4] См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 490, 495.

В 1897 г. в белорусских губерниях процент городского населения был почти такой же, как в среднем по 50 губерниям Европейской России (11,8% и соответственно—12,76%). Процент городского населения по сравнению с сельским был даже выше в белорусских губерниях, чем в группе промышленных и неземледельческих губерний, куда входили Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Тверская и Ярославская губернии.

Что касается столичных губерний (Петербургской и Московской), а также прибалтийских (Курляндской, Лифляндской и Эстляндской), то процент городского населения в белорусских губерниях по сравнению с ними был гораздо ниже (56,2%—в столичных губерниях и 25,3%—в прибалтийских).[1]

Из приведенных данных видно, что Белоруссия по проценту городского населения находилась далеко не на последнем месте среди ряда районов Российской империи, что отвлечение земледельческого населения в города шло здесь довольно быстро.

Не говоря уже о том, что наиболее быстрый рост населения происходил в таких сравнительно крупных белорусских городах, как Минск и Витебск (в 1897 г. в Минске проживало 90 912 чел., а в Витебске 65 871), даже в таком небольшом уездном городе, как Пинск Минской губернии, где в 1897 г. насчитывалось 28 368 жителей,[2] наблюдалось значительное увеличение количества городских жителей за счет промышленных рабочих. Пинск до 80-х годов истекшего столетия был одним из важных торговых белорусских городов. Через его пристань по водным путям с Украины проходило много грузов с зерном и другими сельскохозяйственными продуктами. С развертыванием в стране железнодорожного строительства Пинск становится промышленно-торговым центром Белорусского Полесья. В нем, как и в других городах, начинает развиваться промышленность. Уже в 1901 г. в Пинске было 54 промышленных предприятия, на которых было занято свыше 4 тыс. рабочих. Наряду с мелкими предприятиями в городе были и такие, как мастерские Полесских железных дорог, где работало до 1500 рабочих, фанерно-лесопильный завод—700 рабочих, спичечная фабрика—500 рабочих, судостроительный завод—160 рабочих и т. д.[3]

В 90-х годах прошлого столетия Белоруссия, так же как и вся Россия, переживала промышленный подъем, который был вызван в первую очередь усиленным железнодорожным строительством. Как известно, значительная часть построенных в дореволюционной России железнодорожных магистралей про-

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 495.

[2] См. «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», т. XXII, 1897, стр. 1 и т. V, стр. 1.

[3] Д. Дудкоў, Рабочы і сялянскі рух у Беларусі ў 70—90 гг. XIX стагоддзя «Большэвік Беларусі» № 6, 1946, стар. 44.

ходила через территорию Белоруссии, что имело большое значение для развития ее экономики.

Первая железная дорога, проложенная через территорию Белоруссии,—Петербургско-Варшавская, была построена еще в 1862 г. Вслед за этим был построен ряд железнодорожных магистралей, соединяющих белорусские губернии с Москвой, Прибалтикой, Украиной, центральными губерниями и западной границей России. Риго-Орловская, Московско-Брестская, Либаво-Роменская и Полесская железнодорожные линии были построены еще в 70—80-х годах прошлого столетия. Эти магистрали проходили через такие города Белоруссии, как Витебск, Полоцк, Брест, Гомель, Речица, Пинск, Лунинец, Барановичи, Лида и др. В 90-х годах была построена железнодорожная линия Гродно—Сувалки, Белосток—Беловеж и в конце 90-х годов—железная дорога Петербург—Одесса, которая проходила через Витебск, Оршу, Могилев и Жлобин. В конце XIX столетия Белоруссия по густоте железнодорожной сети занимала одно из первых мест среди других районов России (на первом месте тогда находилась Польша). На одну тысячу квадратных верст приходилось: в Гродненской губернии—37,6 верст железнодорожного пути, Витебской—28,8, Виленской—28,8, Могилевской — 16,5 и Минской — 14,1. В 1912 г. по пяти белорусским губерниям длина железнодорожной сети составляла 5401 версту.[1]

Сравнительно густая железнодорожная сеть на территории Белоруссии, как и развивавшееся железнодорожное строительство, играло важную роль в экономическом развитии дореволюционной Белоруссии. Такие белорусские города, как Минск, Витебск, Орша, Гомель, Жлобин, Гродно, Барановичи и другие, являлись крупными железнодорожными узлами, связанными с важнейшими экономическими центрами страны—Москвой, Петербургом, Киевом, Варшавой, а также крупными портами Балтийского моря—Ригой и Либавой. Это обстоятельство способствовало вовлечению экономики Белоруссии в рыночные отношения, содействовало развитию единого всероссийского внутреннего рынка.

Подтверждением сказанному могут служить следующие факты. Уже в 1891 г. по Московско-Брестской, Либаво-Роменской и Полесской железным дорогам было перевезено почти 4,5 млн. пудов зерна и более 3 млн. пудов лесоматериалов, а всего на сумму в 5 млн. руб.[2] О весьма значительном движении грузов через железнодорожные станции, находившиеся на территории Белоруссии, свидетельствуют данные транспортной статистики о грузообороте за 1912 г. В указанном году желез-

---

[1] Подсчитано по материалам «Ежегодника России» за 1914 г., отд. XI, Спб., 1915, стр. 13.

[2] См. «Столетие Минской губернии», стр. 92.

нодорожными станциями, находившимися на территории Белоруссии, было принято и отправлено следующее количество грузов в пудах:

Таблица 1

Наименование груза	Прибыло	Отправлено
Рожь	350 471	537 855
Пшеница	10 386	15 677
Овес	373 966	190 335
Ячмень	82 612	277 024
Пшеничная мука	1 232 890	193 000
Прочие хлебные грузы . . .	1 180 390	1 315 540
Хлебные грузы вообще . . .	3 230 716	2 459 431
Предметы животноводства , .	143 681	157 347
Рыбные грузы	457 127	58 399
Продукты садоводства и огородничества	88 743	175 356
Продукты технич. переработ. .	699 549	517 073
Лесные грузы	8 954 707	44 970 091
Итого	16 805 238	50 867 628[1]

Наличие довольно густой железнодорожной сети на территории Белоруссии способствовало росту ее городов, содействовало подвижности населения, притоку его в города, передвижению массы отходников и рабочих из одного района в другой.

Несмотря на то, что царское правительство, строя железные дороги на территории Белоруссии, игнорировало интересы развития ее производительных сил и руководствовалось, прежде всего, военно-стратегическими целями, а также интересами расширения сельскохозяйственного экспорта России,—нельзя не отметить весьма важного значения этого процесса для развития экономики дореволюционной Белоруссии. Он привлекал огромные крестьянские массы из белорусских деревень на строительные работы, а также вызывал большой спрос на местные строительные материалы, необходимые для прокладки железнодорожных путей, не говоря уже о том, что построенные железные дороги связывали районы Белоруссии с отдаленными рынками, усиливали их торговые связи и тем самым ускоряли процесс капиталистического развития этих районов. Можно без преувеличения сказать, что строительство железных дорог на территории Белоруссии было весьма ярким проявлением прогрессивного влияния более развитой экономики России на экономическое развитие Белоруссии.

[1] См. «Белорусская Социалистическая Советская Республика в 1922—1923 гг.», стр. XII. Составлено под ред. секретариата ЦИК и СНК БССР, Минск, 1924.

Промышленный кризис 1900—1903 гг. вызвал повсеместное сокращение промышленного производства в стране, в том числе и в белорусских губерниях. В годы кризиса в Белоруссии закрылось свыше 500 преимущественно мелких промышленных предприятий, а количество рабочих, занятых на предприятиях и состоявших под надзором фабричной инспекции, сократилось на 4 тыс. человек. Наибольшее сокращение производства и увеличение числа безработных (за указанные годы) произошло в Гродненской и Виленской губерниях. Например, в 1901 г. в Гродненской губернии насчитывалось 493 промышленных предприятия, состоявших под надзором фабричной инспекции, а в 1903 г. их осталось 435, т. е. уменьшилось на 58. В Виленской губернии было закрыто 107 предприятий и выброшено на улицу 1925 рабочих. Почти 1000 рабочих оказались безработными в Гродненской губернии.[1]

Сокращение промышленного производства имело место и в других губерниях. 9 апреля 1903 г. старший фабричный инспектор сообщал в министерство торговли и промышленности, что «почти все 377 разнородных по производству промышленных заведений Минской губернии, подчиненных надзору фабричной инспекции, с контингентом рабочих в 9100 человек, пережили за последних два года промышленный застой».[2]

О кризисном состоянии экономики Минской губернии свидетельствует также резкое сокращение кредитных операций Минского отделения государственного банка. С 1899 по 1901 г. учетные операции отделения сократились с 22 млн. руб. до 10 млн. руб., т. е. более чем в два раза. За эти же годы почти вдвое сократились обороты Минского товарищества винокуренных заводчиков.[3]

После кризисных годов и сравнительно непродолжительного периода депрессии происходило дальнейшее развитие промышленности Белоруссии. Количество предприятий обрабатывающей промышленности уже к 1908 г. на территории Минской, Витебской и Могилевской губерний (без Гомельского уезда) возросло на 14,5%, количество рабочих — на 34%, а валовая продукция—на 91,7%. Последняя за период с 1900 по 1908 г. в среднем на одно предприятие увеличилась с 27,5 тыс. до 45,8 тыс. руб. в год.[4]

За время с 1908 по 1912 г. количество предприятий обрабатывающей промышленности на территории Белоруссии возросло на 11,4% и рабочих—на 25,1%. Впереди по развитию

---

[1] Исчислено по материалам «Сводов отчетов фабричных инспекторов» за 1901 и 1903 г.

[2] ГА Минской области, ф. 311, д. 214, л. 5.

[3] ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 405, л. 38.

[4] См. «Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет», под ред. Варзара, Струмилина и др., т. I, ч. II, 1929, стр. 108.

промышленности шла Витебская губерния, где прирост численности рабочих составил 30,9%, за нею следовала Минская губерния, достигшая прироста рабочих до 28,4%, Гродненская—26,2%, Виленская—25,1% и Могилевская—14,5%.[1]

По данным статистического справочника за 1914 г., составленного под редакцией Шарого (см. стр. 200—201), количество промышленных предприятий обрабатывающей промышленности по 50 губерниям Европейской России за четырехлетие (1908—1912 гг.) увеличилось на 11,7%, а число рабочих—на 19,3%. Следовательно, темпы численного роста промышленных предприятий по пяти белорусским губерниям почти не отставали в то время от общего роста указанных предприятий по Европейской России, а увеличение численности рабочих в Белоруссии было даже несколько выше.

В 1913 г., т. е. к началу первой мировой войны, в Витебской, Виленской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях насчитывалось 1306 промышленных предприятий, состоявших под надзором фабричной инспекции. На них было занято 60 790 постоянных рабочих.[2]

В 1913 г. только на предприятиях цензовой промышленности Белоруссии (в ее современных границах, т. е. исключая такие крупные промышленные районы, как Белосток, Бельск, Вильно и др.) было занято 38 546 рабочих. Таких предприятий насчитывалось до тысячи, а их валовая продукция составляла 139,3 млн. руб. (в неизменных ценах 1926—1927 гг.), т. е. по сравнению с 1903 г. возросла более чем в два раза.[3]

Кроме того, большое количество рабочих трудилось на железнодорожном и водном транспорте, на лесоразработках и лесосплаве, а также в многочисленных мелких кустарно-ремесленных мастерских, разбросанных по всей территории Белоруссии. Количество таких рабочих в 1913 г. исчислялось десятками тысяч человек.[4]

Приведенные фактические данные о количестве рабочих и объеме промышленного производства показывают, что дореволюционная Белоруссия, являвшаяся частью Российской империи, сравнительно быстро шла по капиталистическому пути развития, что и в Белоруссии в лице промышленного пролетариата имелась та реальная сила, которая совместно с общероссийским пролетариатом была способна объединить вокруг себя широкие массы крестьянства для успешной борьбы против царского самодержавия, помещиков и капиталистов.

---

[1] «Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР», изд. АН БССР, Минск, 1949, стр. 7.

[2] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 81.

[3] См. «Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР», стр. 7—10.

[4] С. Малинин, Развитие промышленности Белорусской ССР, Госиздат БССР, 1948, стр. 22.

По уровню промышленно-капиталистического развития Белоруссия не являлась самой отсталой национальной окраиной дореволюционной России. Более передовая экономика России весьма положительно влияла на рост экономики Белоруссии, которая, оказавшись вовлеченной в общий поток промышленно-капиталистического развития, усваивала технические достижения и организацию промышленности центральных районов России. В тезисах к X съезду РКП(б), составленных И. В. Сталиным и утвержденных Центральным Комитетом партии, по вопросу «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», Белоруссия, наряду с Украиной, а также незначительной частью Азербайджана и Армении, отнесена к числу более передовых национальных окраин России, «прошедших в той или иной степени период промышленного капитализма».[1]

Характерная особенность экономического развития дореволюционной Белоруссии прежде всего состояла в том, что она в общей экономике России определилась как район, поставлявший на внутренний и внешний рынки лесоматериалы, продукты сельского хозяйства, сельскохозяйственное сырье и полуфабрикаты. В связи с тем, что на территории Белоруссии не было найдено залежей каменного угля, нефти, железной руды, цветных металлов и других полезных ископаемых, необходимых для развития соответствующих отраслей промышленности, здесь развивалась, главным образом, пищевая и деревообрабатывающая отрасли промышленности. Значительный удельный вес занимала также бумажная, спичечная, стекольная, текстильная отрасли и промышленность строительных материалов.

Цензовая промышленность Белоруссии (в ее современных границах) по количеству рабочих и выпуску валовой продукции в 1913 г. характеризуется данными, приведенными в табл. 2 (стр. 15).

Из приведенной таблицы видно, что первое место по количеству рабочих и выпускаемой продукции в 1913 г. занимала пищевая промышленость, которая, кроме винокурения, была представлена мукомольным, пивоваренным, маслобойным, дрожжевым и картофелеобрабатывающим производствами. На втором месте находилась деревообрабатывающая, затем стекольная, текстильная и бумажная промышленности. Развитию перечисленных отраслей промышленности способствовало наличие соответствующих местных сырьевых ресурсов и дешевой рабочей силы.

Такое однобокое развитие экономики Белоруссии в значительной степени было обусловлено реакционной политикой царизма, искусственно задерживавшего развитие крупной про-

[1] И. В. Сталин, Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии, Соч., т. 5, стр. 24.

Таблица 2[1]

Отрасли промышленности	Число рабочих	В % к итогу	Валовая продукция в неизмен. ценах 1926/27 г. в тыс. руб.	В % к итогу
Вся цензовая промышленность Белоруссии	38 546	100,0	139 302	100,0
В том числе:				
Пищевая	9 899	25,7	49 374	35,5
Деревообрабатывающая	6 473	16,8	21 233	15,2
Бумажная	3 042	7,9	12 839	9,2
Текстильная	3 695	9,6	9 220	6,6
Стекольная	3 813	9,9	11 683	8,4
Спичечная	2 365	6,1	2 536	1,8
Кожмех и обувн.	1 149	3,0	8 856	6,4
Металлообраб.	2 536	6,6	6 104	4,4
Производ. строііматер.	2 249	5,8	7 280	5,2
Полиграфическая	887	2,3	2 970	2,1
Лесохимическая	782	2,0	2 574	1,8
Торфодобывающая	446	1,2	405	0,3

мышленности на окраинах. На неоднократные ходатайства промышленников о разрешении строить крупные предприятия на территории Белоруссии, царские чиновники обычно отвечали, что «...развитие промышленности и создание промышленных центров в западном крае, неспокойном ...близком к Западной границе—нежелательно».[2]

Кроме того, капиталисты сами предпочитали развивать такие отрасли промышленности, которые не требовали больших затрат и в то же время обеспечивали им получение максимальной прибыли. Сооружение и техническое оснащение небольших по размерам лесопильных заводов и мелких предприятий легкой промышленности обходилось капиталистам сравнительно недорого. При наличии дешевой рабочей силы и необходимой местной сырьевой базы эти предприятия приносили огромные прибыли их владельцам.

Одним из основных природных богатств Белоруссии является лес. По данным «Ежегодника России», в 1909 г. общая площадь лесов, состоявших под надзором лесоохранного управления, в пяти белорусских губерниях составляла 6 771 625 десятин.[3] Лесные богатства служили основной сырьевой базой

[1] См. «Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР», стр. 9 и С. Малинин, Развитие промышленности Белорусской ССР, стр. 17.

[2] Цитируется по книге «География Белорусской ССР», Минск, 1952, стр. 111.

[3] Подсчитано по материалам «Ежегодника России» за 1911 г., Спб., 1912, стр. 134—135.

для таких отраслей промышленности Белоруссии, как деревообрабатывающая, спичечная, лесохимическая, бумажная и производство строительных материалов. В них в 1913 г. было занято 38,6% всего состава рабочих цензовой промышленности. Валовая же продукция, выпускаемая этими отраслями в 1913 г., составляла 46 462 тыс. руб., или 59,5% продукции, выпускаемой всей цензовой промышленностью Белоруссии в ее современных границах.

В последнее десятилетие перед первой мировой войной наблюдался некоторый рост металлообрабатывающей промышленности в Витебской и Минской губерниях и образование здесь соответствующих кадров промышленного пролетариата. Однако необходимо учитывать, что эта отрасль промышленности в Белоруссии занимала весьма небольшой удельный вес. В 1913 г. в ней было занято всего лишь 2536 рабочих, или 6,6% по отношению ко всему составу рабочих. Эта отрасль промышленности в 1913 г. выработала продукции на сумму 6104 тыс. руб., что составляло только 4,4% к общему итогу валовой продукции, выпускавшейся всей цензовой промышленностью на территории современной Белоруссии.

О резком отставании указанной отрасли промышленности дореволюционной Белоруссии свидетельствуют и такие факты. В пяти белорусских губерниях (в прежних границах) в 1910 г. насчитывалось всего лишь 68 металлообрабатывающих предприятий, на которых было занято 3013 рабочих. В то же время по всей России предприятий по обработке металла и производству машин было 2087, с общим числом рабочих более 280 тыс.[1]

Отличительной особенностью промышленности Белоруссии было наличие подавляющего большинства мелких и средних предприятий. Так, на 282 различных предприятиях Минской губернии было занято в 1913 г. 12 848 рабочих. В среднем на одно предприятие приходилось примерно по 45 рабочих. В то же время в Минской губернии было 84 таких предприятия (лесопильные, кожевенные, крахмальные заводы и паровые мельницы), на каждом из которых было занято в среднем по 5 человек.[2]

На 106 промышленных предприятиях Витебской губернии в 1913 г. работало 8440 рабочих. В среднем на одно предприятие, включая подростков и малолетних, приходилось по 79 человек. В самом Витебске в 1913 г. было более 50 мел-

---

[1] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 73.

[2] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, д. 79, л. 11, 15. «Список промышленных заведений Минской губ. за 1913 г.».

ких предприятий, на которых работало 386 рабочих, т. е. в среднем 7 человек на одно предприятие.[1]

Особенно много мелких предприятий (за исключением Гомельского уезда) было в Могилевской губернии. В начале 1914 г. по пяти уездам этой губернии (Быховскому, Мстиславскому, Оршанскому, Рогачевскому и Сенненскому) насчитывалось всего 1408 различных промышленных предприятий, на которых работало 4720 человек, т. е. примерно по 4 рабочих на одном предприятии.[2]

Из 38 546 рабочих, занятых в цензовой промышленности всей Белоруссии в ее современных границах, в 1913 г. 17 636, или 45,8% работали на предприятиях; насчитывающих 50 и менее рабочих. Значительной была также группа предприятий среднего размера. В группе предприятий от 50 до 100 работало 3853 рабочих, или 10%, а на предприятиях от 100 до 500 работало 10 864 чел., или 28,1%.[3]

В среднем на одно предприятие в Белоруссии в 1913 г. приходилось по 38 рабочих. Но в то же время в белорусских городах и селениях, хотя и в небольшом количестве, имелись довольно крупные капиталистические предприятия. Например, на бумажной фабрике в Добруше (Гомельский уезд) и табачной фабрике «Неман» в Гродно было занято по 1400 рабочих. Каждое из этих предприятий выпускало готовой продукции в год более чем на 3 млн. руб. в довоенных ценах. На льнопрядильной фабрике «Двина» в Витебске работало 1200 рабочих и работниц. Это промышленное предприятие выпускало продукции на 1800 тыс. руб. в год. На стекольном заводе «Неман» (Лидский уезд) работало свыше тысячи человек и на стекольном заводе «Новка» (Витебский уезд) — 500 рабочих.

В Белоруссии находились такие довольно крупные предприятия спичечной промышленности, как фабрика «Прогресс-Вулкан» в Пинске и «Виктория» в Борисове, на которых было занято по 500 рабочих, «Везувий» в Гомеле с 400 рабочими и «Молния» в Мозыре—350 рабочих.

Сравнительно крупными предприятиями на территории Белоруссии были и такие, как машиностроительный завод Якобсона, Лившица и К° в Минске, а также проволочно-гвоздильный завод в селении Барань Оршанского уезда, на которых работало по 350 рабочих, а также ряд других предприятий.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16. д. 80, л. 6, 8. «Сводный список промышленных предприятий по Витебской губернии за 1913 г.».

[2] Подсчитано по ведомостям «О фабрично-заводских промышленных заведениях» по отдельным уездам Могилевской губ. ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, д. 98, лл. 8, 72—74; д. 97, лл. 17, 86 и д. 99, л. 142.

[3] Эти и последующие данные, характеризующие состояние промышленности на территории современной Белоруссии, заимствованы из книги «Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР», изд. АН БССР, Минск, 1949.

На рубеже XIX и XX столетий Белоруссия вместе со всей Россией вступила в высшую и последнюю стадию развития капитализма—в эпоху империализма. «Империализм,—по определению В. И. Ленина,—есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами».[1]

Сущностью империализма является господство монополий, которым свойственно стремление к получению максимальной, монопольно-высокой прибыли путем эксплуатации широких масс трудящихся. Это обстоятельство в сильнейшей степени обостряет основное противоречие капитализма—противоречие между трудом и капиталом, между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

В экономике Белоруссии, как части России, несмотря на общую технико-экономическую отсталость и наличие сильнейших пережитков крепостничества, также имелись элементы монополистического капитализма. Они проявлялись в концентрации производства и в создании акционерных обществ, которыми накануне первой мировой империалистической войны было охвачено значительное количество предприятий различных отраслей промышленности.

По данным сборника «Акционерно-паевые предприятия России» за 1912 г., на территории Белоруссии (в ее современных границах) действовал ряд акционерных обществ, в которые входили до 20 промышленных и коммунальных предприятий. В Гродно функционировало акционерное общество табачной фабрики Шерешевского с основным капиталом в 2 млн. руб.; в Дубровно Могилевской губернии—а/о Днепровской мануфактуры с основным капиталом свыше 1 млн. руб.; в Гомеле—а/о Суражской бумаго-картонной фабрики с основным капиталом в 500 тыс. руб.; в Витебске—а/о городских водопроводов с основным капиталом в 550 тыс. руб.; в Минске—а/о спичечной фабрики «Молния» с основным капиталом в 300 тыс. руб. и крахмально-паточного завода «Сокол» с основным капиталом в 150 тыс. руб.; в Пинске—а/о спичечной фабрики «Прогресс-Вулкан» с основным капиталом в 300 тыс. руб. и др.

Ряд промышленных и коммунальных предприятий входил в состав общероссийских акционерных обществ. Например, Минская конно-железная дорога принадлежала Московскому акционерному обществу городских и пригородных конно-железных дорог, располагавшему основным капиталом в 2 млн. руб. Лесным хозяйством Минской губернии распоряжалось Москов-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 253.

ское лесопромышленное товарищество с основным капиталом в 2 млн. руб. Минский паточный завод входил в состав Рижского акционерного общества по производству крахмала и патоки под названием «Просвет». Это общество располагало основным капиталом в 600 тыс. руб. Гродненским водопроводом распоряжалось акционерное общество водоснабжения, правление которого находилось в Петербурге.[1]

В промышленность Белоруссии проникал также иностранный капитал. Еще в 1875 г. германский подданный Франц Лекерт построил довольно крупный пивоваренный завод в Могилеве, оборудованный совершенной по тому времени техникой. Здесь была установлена паровая машина, предназначенная для водоснабжения всей территории завода и просушки солода, устроена паровая мельница и т. д. Не выдержав конкуренции, два более мелких пивоваренных завода, действовавших в Могилеве, закрылись и, таким образом, все пивоварение в Могилевской губернии оказалось сосредоточенным в руках Лекерта. Вскоре свою продукцию Лекерт стал вывозить в Черниговскую, Полтавскую и другие губернии, вытесняя там своих конкурентов. Чтобы удешевить производство пива, Лекерт приобрел плантации в Слуцке и Горках, где для его завода выращивался хмель. В 1881 г. завод принес владельцу чистой прибыли 62 160 руб.[2]

Иностранные акционерные компании и товарищества на территории Белоруссии распоряжались наиболее крупными предприятиями. Так, льнопрядильной фабрикой «Двина», где в 1913 г. работало 1200 рабочих, владело бельгийское акционерное общество, правление которого находилось в гор. Генте. Бельгийскому акционерному обществу, правление которого находилось в городе Брюсселе, принадлежал и витебский трамвай. Иностранным капиталистам принадлежал также судостроительный завод в Пинске (владелец О'Брион де Ласси), сенопрессовальный завод в урочище Кривой Гиров Гомельского уезда (владелец Я. Я. Макнодальд), игольная фабрика «Ликсна» Дисненского уезда (владелец Плятер Зиберг), льнопрядильная фабрика в Высочанах, с годовым производством продукции свыше 400 тыс. руб. (владелец — австрийский подданный Этрих), лесопильный завод в Бобруйске, с годовым производством продукции около 300 тыс. руб. (владелец—германский подданный) и ряд других.[3]

В экономике Белоруссии в начале XX столетия стали играть заметную роль банки. Они финансировали промышленные

---

[1] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, стр. 68—70.

[2] См. «Опыт описания Могилевской губернии», под ред. А. С. Дембовицкого, кн. 2, стр. 174.

[3] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, стр. 58—60, а также С. Малинин, Развитие промышленности Белорусской ССР, стр. 22.

предприятия, выдавали ссуды торговым объединениям, в их руках находилась значительная часть акций различных акционерных обществ. Крупнейшие банки России имели свои отделения в ряде городов Белоруссии. Так, Азово-Донской коммерческий банк, складочный капитал которого в 1912 г. составлял 30 000 000 рублей, имел свои отделения в Минске, Могилеве и Пинске. Эти отделения вели учет и переучет векселей, выдавали ссуды промышленникам, производили покупку и продажу ценных бумаг, выдачу ссуд под залог недвижимого имущества, подписку на займы, платежи в России и за границей, комиссионную продажу товаров и другие операции. Русско-Азиатский банк (складочный капитал 35 000 000 руб.) имел свои отделения в Витебске, Гомеле и Минске, Соединенный банк (складочный капитал 30 000 000 руб.) имел свои отделения в Бобруйске, Витебске и Могилеве. Во многих белорусских городах имели свои отделения и такие банки, как Могилевский, Белорусский коммерческий и Виленский частный коммерческий банки и другие.[1]

Кроме отделений центральных банков России, в городах Белоруссии имелись и местные банки, производившие все банковские операции. Например, в Минске местные банки располагали довольно крупным капиталом и производили ряд банковских операций, дававших возможность контролировать все основные стороны экономики города. Складочный капитал наиболее крупного в Минске коммерческого банка в 1903 г. состоял из 4000 акций на сумму в 1 000 000 руб. и запасного капитала в 102 000 руб., а его оборот в 1903 г. достиг в Минске около 303 млн. руб. и в отделениях, находившихся в других городах Белоруссии, — почти 261 млн. руб.[2]

Перед началом первой мировой войны в Белоруссии имелись элементы сращивания банков с промышленным капиталом. Гродненские текстильные предприниматели в 1913 г. создали объединение картельного типа для регулирования цен по продаже выпускаемых товаров.[3]

Ряд спичечных фабрик Белоруссии («Двина», «Виктория», «Молния», «Прогресс-Вулкан» и др.) входили в общероссийский спичечный синдикат. Как видно из постановления комитета фабрикантов при Минском отделении Северного банка от 6 августа 1905 г., владельцам вышеуказанных спичечных фабрик было разрешено «на основании § 7 договора, продать с уступкой от нормальных цен до 40 копеек на 1000 коробок количества спичек, сверх пятипроцентного запаса, преимуще-

---

[1] См. «Акционерно-паевые предприятия России», М., 1912, а также «Материалы и документы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 147—148.

[2] ГА Минской области, ф. 342, оп. 1, св. 4, д. 287, л. 28—29.

[3] См. «Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР». Изд. АН БССР, Минск, 1949, стр. 12.

ственно в местах сбыта, не вошедших с банком в соглашение фабрикантов,по возможности удерживая цены на рынках, где преимущественно встречаются фабриканты, вошедшие в соглашение с банком».[1] Этим же постановлением на владельца спичечной фабрики «Березина» был наложен штраф в сумме 1264 руб. за нарушение установленных комитетом фабрикантов цен и условий продажи спичек.

Перечисленные факты не только подтверждают наличие связи между промышленным и банковским капиталом, но также указывают на возрастание господствующей роли банков в отдельных отраслях производства на территории Белоруссии.

Приведенные данные показывают, что закономерности, присущие экономическому развитию России эпохи империализма, характерны были и для Белоруссии, где складывался и развивался монополистический капитализм, происходил процесс концентрации производства и централизации капитала. Отличительной особенностью было лишь то, что в силу экономической отсталости Белоруссии этот процесс не получил здесь такого ярко выраженного характера, как это имело место в более развитых промышленных районах России.

Как известно, Россия по концентрации промышленности и рабочего класса шла впереди даже по сравнению с более развитыми в промышленном отношении капиталистическими странами. Например, в 1910 г. на мелких и средних предприятиях (до 500 рабочих) в России работало 46,6%, а в США—67% общего числа рабочих. В то же время на крупных предприятиях (свыше 500 рабочих) в России было занято 53,4%, в США—только 33%.[2]

Концентрация же промышленности в дореволюционной Белоруссии не только по уровню, но и по темпам развития значительно отставала от центральных промышленных районов России, что в значительной степени обусловливалось реакционной политикой царизма, который искусственно задерживал развитие промышленности на окраинах.

Фактические данные о процессе концентрации промышленности в дореволюционной Белоруссии с 1903 по 1913 г. показывают, что при ее абсолютном росте удельный вес крупных предприятий (свыше 500 рабочих) в общем производстве за указанный период не только не увеличился, а даже уменьшился (с 20% в 1903 г. до 16,1% в 1913 г.). Что касается средних предприятий (с количеством рабочих от 100 до 500), то в 1903 г. там было занято 20,4%, а в 1913 г.— 28,1%. Если число рабочих, занятых в 1903 г. в крупной и отдельно в сред-

---

[1] ГА Минской области, ф. 608, д. I, л. 3.

[2] П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, Госиздат, 1952, стр. 283.

ней промышленности принять за 100, то увеличение за десятилетие (1913 г.) составляет: по крупной промышленности—130,5%, по средней—224%.[1]

Несмотря на сравнительно быстрое развитие промышленного капитализма в предвоенные годы, дореволюционная Белоруссия в экономическом отношении сильно отставала от уровня промышленного развития России и особенно от ее центрально-промышленного района. Например, стоимость годовой продукции обрабатывающей промышленности по всей России в 1908 г. составляла на душу населения 30 руб., а по центрально-промышленному району,—куда включались Владимирская, Калужская, Костромская, Московская,Нижегородская, Смоленская, Тверская и Ярославская губернии,—82 руб. В то же время по таким белорусским губерниям, как Минская, Могилевская и Витебская, стоимость годовой продукции обрабатывающей промышленности на душу населения едва достигала 6 руб. В 1913 г. по этим белорусским губерниям доля промышленной продукции в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства составляла лишь 24,9, а по всей России этот процент равнялся 42,1.[2]

В том же году в указанных белорусских губерниях на душу населения производилось всего лишь 0,9 *квтч* электроэнергии, а по всей России—13,7 *квтч,* т. е. в 15 раз больше.[3]

Производство средств производства во всей продукции цензовой промышленности в белорусских губерниях составляло в 1913 г. только 27,6%, а по всей России—40,7%. Если по всей России в том же году машиностроительные предприятия производили продукции в среднем на душу населения на 4,8 руб., то в Белоруссии, соответственно, только на 0,4 руб., т. е. в 12 раз меньше.[4]

Технически слабо оснащенные заводы Белоруссии не могли выпускать сколько-нибудь сложные машины. Самый крупный машиностроительный завод в Минске, принадлежавший а/о «Якобсон, Лившиц и К°», производил оборудование для винокуренных, крахмальных, мукомольных и лесообрабатывающих предприятий. Необходимое для промышленности более или менее сложное оборудование ввозилось в Белоруссию в основном из-за границы.

Отличительной чертой, характеризовавшей общее техническое состояние промышленности дореволюционной Белоруссии,

---

[1] С. Малинин, Развитие промышленности Белорусской ССР, Госиздат БССР, 1948, стр. 9.

[2] См. «История БССР», т. I, Минск, 1954, стр. 340 и «Белорусская ССР. Очерки экономической географии», Минск, 1953, стр. 74.

[3] См. «Основные итоги развития народного хозяйства БССР за 2-ю пятилетку и наметки на 3-е пятилетие», Минск, 1939, стр. 97.

[4] С. Малинин, Развитие промышленности Белорусской ССР, Госиздат БССР, 1948, стр. 15—16.

была крайне низкая механизация производственных процессов и примитивные методы производства.

За исключением металло- и деревообрабатывающей, пищевкусовой, текстильной и бумажной промышленности, а также электростанций, все остальные отрасли, главным образом, базировались на ручном труде. Почти все работы на кирпичных, стекольных, кожевенных и других заводах проводились ручным способом. Достаточно сказать, что в такой отрасли промышленности, как силикатная, энерговооруженность труда (отношение мощности двигателей к числу рабочих) составляла всего лишь 0,23%. Число же рабочих в этой отрасли промышленности по отношению к общему количеству рабочих, занятых в цензовой промышленности, составляло 14,2%.[1]

Если накануне первой мировой войны энерговооруженность труда во всей промышленности России составляла 0,8 *квтч* на один час рабочего времени, то в подавляющем большинстве отраслей промышленности Белоруссии этот показатель примерно доходил до 0,4—0,5 *квтч*. На каждом среднем цензовом металлообрабатывающем предприятии Белоруссии в 1913 г. мощность двигателей составляла в среднем не более 37 л. с., а в этой же отрасли промышленности России уже в 1910 г. средняя мощность одного двигателя на каждое предприятие равнялась 60 *л. с.*[2]

Положение рабочего класса Белоруссии было исключительно тяжелым. Он подвергался тройному гнету—российских и иностранных капиталистов, а также местной буржуазии—белорусской и еврейской. Условия труда рабочих были еще более тяжелыми, чем в промышленных районах России.

Из своих предприятий с отсталым примитивным оборудованием капиталисты стремились выжать как можно больше прибыли, они подвергали рабочих жестокой эксплуатации, создавали для них нечеловеческие условия труда. Рабочим приходилось работать в темных, грязных и сырых полуподвальных помещениях, при почти полном отсутствии механизации трудоемких процессов. Техника безопасности находилась в самом запущенном состоянии. Все это превращало труд рабочего в тяжелое бремя и являлось причиной огромного количества несчастных случаев и мучительных профессиональных заболеваний. Кроме того, штрафы отнимали больше половины и без того низкой заработной платы.

Старая работница бывшей витебской льнопрядильной фабрики «Двина» (фабрика принадлежала бельгийскому акционерному обществу) Матрена Яковлевна Михайлова рассказы-

---

[1] См. «Промышленность БССР. Итоги и перспективы», Изд. ВСНХ БССР, Минск, 1928, стр. 11.

[2] См. ЦУНХУ Госплана СССР «20 лет Советской власти». Статистический сборник, Партиздат ЦК ВКП(б), 1938, стр. 21, а также С. Малинин, Развитие промышленности Белорусской ССР, стр. 19.

вает: «На бельгийских акционеров фабрики «Двина» я гнула спину 12 лет. Ватерный цех, в котором я работала, был все равно, как помойная яма,—невыносимая была сырость и грязь. Никакой вентиляции не было. За 11 часов работы без обеденного перерыва я должна была получать, как квалифицированная работница, от 30 до 40 копеек в день. Большая часть этого заработка шла на штрафы».[1]

Рабочий К. Школьник, ряд лет проработавший при парафиновой плите на спичечной фабрике «Березина», принадлежавшей капиталистам Лурье и Берману, рассказывал о том, как «охраняли» труд простого рабочего хозяева: «Работа была ручная, тяжелая. Рабочий день—13 часов. Проработав 6 лет, от непосильной работы, дыма, огня и газов я стал слепнуть. Врач дал записку, что на этой работе мне дальше работать нельзя. Пошел к хозяину, снял шапку и прошу дать мне другую работу. А Берман говорит: «Не можешь работать, не надо. Иди куда хочешь». А куда было пойти? Снова стал на работу у парафиновой плиты. Однажды во время работы я обжег себе руки расплавленной смолой. Пришлось обвязать их куском фартука и снова работать.»[2]

Исключительно тяжелые условия труда были на кожевенных заводах Белоруссии, имевших крайне примитивное и малопроизводительное оборудование, состоявшее из деревянных зольных и дубильных чанов, ручных катков и стругов. В акте санитарного осмотра минских кожевенных заводов отмечалось, что во всех заводских помещениях теснота и сырость, освещение слабое, воздух спертый, дворы заводов загрязнены.[3]

Условия труда рабочих на капиталистических предприятиях были так невыносимо тяжелы, что даже правительственные чиновники не могли умалчивать об этом в своих официальных отчетах. В описании Могилевской губернии отмечалось, что устройство табачной фабрики Симкина, Бейлина и Лившица в Могилеве и производство изделий в ней основано, главным образом, на силе и приложении физического труда рабочих. Фабрика в 1881 г. переработала продукции на сумму 171 тыс. руб. и принесла капиталистам чистой прибыли около 150 тыс. руб. Все же оборудование этой фабрики, включая ручные станки и чугунные набивные машинки, оценивалось немногим более одной тысячи рублей. Все эти незамысловатые аппараты приводились в движение руками рабочих, продававших свой труд за баснословно дешевую плату, доходившую до трех рублей в месяц у постоянных рабочих и до 4 коп. за сотню

[1] Цитируется по книге «Советская Белоруссия», Партиздат, Минск, 1937, стр. 20.

[2] Там же, стр. 21.

[3] ГА Минской области, ф. 295, д. 22, л. 51—53. Из акта санитарного осмотра комиссией под председательством минского губернского врачебного инспектора С. Урванцева.

папирос—у работавших сдельно. Рабочий день продолжался минимум 12 часов.

Никакой вентиляции на фабрике не было. Рабочим приходилось дышать воздухом, густо насыщенным табачной пылью, отравляюще действовавшей на человеческий организм. «По самому свойству труда,—говорилось в этом документе,—большей частью требующего согнутого положения организма, постоянно однообразных движений и развивающих одни органы тела рабочего в ущерб другим, рабочие, пробывшие на фабрике более или менее долгое время, особенно дети, выглядят жалкими, истощенными, с изнуренно-бледными лицами, лихорадочно блестящими воспаленными глазами и почти всегда с неровным, учащенным дыханием.»[1]

На многих фабриках и заводах широко применялся труд женщин и детей, которым капиталисты выплачивали более низкую заработную плату. В конце 90-х годов женщины составляли 14,2% всех рабочих промышленности Минской, Могилевской и Витебской губерний. Удельный же вес подростков и детей среди рабочих достигал 16,8%.[2] По данным фабричной инспекции, средняя поденная зарплата чернорабочего в 1907 г. составляла для взрослых мужчин 55 коп., для женщин за ту же работу—37 коп., а для подростков—от 12 до 21 коп.[3]

В корреспонденции из Минска, опубликованной в 1897 г. в непериодическом сборнике «Работник» (№ 3—4), сообщалось, что на трех местных табачных фабриках преобладал женский труд. Заработная плата была столь низка, что едва хватало на хлеб и квартиру. Девушки, проработавшие на фабриках около 7 лет, получали от 90 коп. до 1 руб. 20 коп. в неделю. Когда же рабочие потребовали увеличения заработной платы и объявили забастовку, то на помощь владельцам фабрик немедленно пришла полиция. Многих рабочих и работниц вызывали на допросы в полицейский участок, набрасывались на них с ругательствами и угрозами отправить в ссылку и на каторжные работы. «Одного рабочего, — говорилось в той же корреспонденции,—держали в участке несколько дней, где его мучили на допросах, а девушкам за это время пришлось выслушивать насмешки, ругательства и выносить оскорбления со стороны полиции».[4]

---

[1] «Опыт описания Могилевской губернии», под ред. А. С. Дембовицкого, кн. 2, Могилев, 1884, стр. 230.

[2] «Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР», Минск, 1949, стр. 22.

[3] Е. И. Бугаев, Советская Белоруссия. К тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, Госиздат БССР, Минск, 1947, стр. 14.

[4] «Работник» № 3—4, непериодический сборник, Издание «Союза русских социал-демократов», Женева, 1897, стр. 63. Инициатором издания сборника «Работник», выходившего в 1896—1899 гг. за границей, был В. И. Ленин.

Об условиях труда на Мозырской спичечной фабрике «Молния» большевистская газета «Правда» в июле 1912 г. писала: «Рабочих на этой фабрике около 500, большинство из которых семейные. Работают 12 часов в день. Обращение грубое. Хороший рабочий зарабатывает максимум 60—70 копеек в день и на эти деньги должен прожить со всей семьей».[1]

Еще более низкой была заработная плата у детей и подростков. Нередки были случаи, когда за 16—18-часовой рабочий день постоянно работающим на фабриках подросткам платили по 30—50 коп. в неделю. Даже буржуазная газета «Минский листок», которую никак нельзя заподозрить в стремлении «сгустить краски», в одной из своих корреспонденций писала: «На некоторых из здешних гильзовых фабриках большую часть рабочих составляют малолетние дети, труд которых эксплуатируется их хозяевами самым ужасным и бессовестным образом. За крайне тяжелую и изнурительную работу малолетнему рабочему платят от 30 до 50 коп. в неделю... Несчастные дети-труженики донельзя истощаются при работах на гильзовых фабриках, где они пребывают по 16—18 часов в сутки».[2]

На Пинской спичечной фабрике «Прогресс-Вулкан» из 674 рабочих в 1902 г. было 108 малолетних. На заседании Минского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия, происходившем 31 августа 1902 г., отмечалось, что работа в упаковочном отделении этой фабрики, «...где главным образом сосредоточены малолетние, является весьма утомительной даже и для взрослых».[3]

Исключительно низко оплачивался труд чернорабочих. Минским губернским по фабричным и горнозаводским делам присутствием на 1904—1907 гг. официально была установлена средняя поденная плата для чернорабочих в следующих размерах: для взрослых мужчин—65 коп. и женщин—45 коп.; для подростков-рабочих—50 коп. и работниц—30 коп.; для мальчиков и девочек 12—14 лет — 20—25 копеек.[4]

Еще более низкая поденная плата чернорабочего была установлена на 1904 г. специальным постановлением Витебского губернского по фабричным и горнозаводским делам при-

---

[1] «Правда» № 58 от 6 июля 1912 г.

[2] «Минский голос» № 39 за 1896 г.

[3] ГА Минской области, ф. 310, д. 43, л. 30.

[4] См. газету «Северо-Западный край» № 340 за 1903 г. В 1902—1905 гг. эта газета издавалась легально на русском языке в Минске. В ней перепечатывались отдельные произведения В. И. Ленина (разделы из брошюры «К деревенской бедноте» и др.), а также некоторые материалы из большевистской газеты «Новая жизнь». В газете «Северо-Западный край» была напечатана принятая II съездом РСДРП революционная программа партии, в которой выдвигалась как основная задача—борьба за диктатуру пролетариата. За революционную направленность газета подвергалась преследованиям со стороны царских властей.

сутствия. Для взрослых мужчин поденная плата была установлена в размере 60 коп., для женщин—35 коп. и для подростков (от 15 до 17 лет)—от 20 до 30 коп.[1]

На практике же владельцы предприятий зачастую выплачивали чернорабочим более низкую заработную плату, чем предусматривалось губернскими присутствиями.

Весьма тяжелым было положение многочисленной армии сезонных рабочих. «Целая категория рабочих,—писала в 1900 г. газета «Минский листок»,—с наступлением зимы остается без работы. Таковы: красильщики, печники, маляры и т. п. Летний заработок их весьма низкий. Зимой они голодают и мерзнут в буквальном смысле слова».[2]

В погоне за максимальной прибылью капиталисты не проявляли никакой заботы о технике безопасности на своих промышленных предприятиях. В результате отсутствия на фабриках и заводах приспособлений, ограждающих опасные места, было много случаев тяжелых увечий рабочих, нередко оканчивавшихся смертью. 9 января 1904 г. старший фабричный инспектор Могилевской губернии в своем донесении губернскому по фабричным и горнозаводским делам присутствию сообщал, что за вторую половину 1903 г. он обследовал 82 фабрично-заводских предприятия и «нигде не видел следа каких-либо приспособлений к ограждению опасных мест от несчастных случаев с рабочими».[3]

Как видно из отчетов фабрично-заводских инспекторов, в 1912 г. на предприятиях Виленской губернии было 96 несчастных случаев с рабочими, Витебской—62, Гродненской—214, Минской—195 и Могилевской—168. Из общего количества 735 несчастных случаев, имевших место в указанных губерниях, со смертельным исходом было 26.[4]

В белорусских губерниях средняя продолжительность рабочего дня в наиболее характерных отраслях промышленности (деревообрабатывающая, льняная и другие). достигала 11—12 часов, тогда как средняя продоложительность рабочего дня в крупной промышленности Европейской России была 9—10 часов. В большинстве же предприятий Белоруссии широко применялись сверхурочные работы, вследствие чего фактически рабочий день достигал 14—16 часов.

Среднегодовая заработная плата рабочих крупной промышленности белорусских губерний в 1913 г. была на 28,4%

---

[1] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 106.

[2] Газета «Минский листок» № 136 от 12 ноября 1900 г.

[3] ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 13, д. 180, л. 69. Сообщение старшего фабричного инспектора Могилевской губернии Метельского в Могилевское по фабричным и горнозаводским делам губернское присутствие.

[4] Подсчитано по материалам «Отчетов фабричных инспекторов за 1912 г.», Спб., 1913, стр. 216, 217.

ниже средней заработной платы по всей Европейской России и Кавказу, более чем наполовину (51%) ниже заработной платы рабочих Петербургской губернии. На металлообрабатывающих предприятиях по таким белорусским губерниям, как Могилевская, Витебская и Минская, она составляла 241 руб. и была на 44,5% ниже, чем во всей России, и на 56,8% ниже зарплаты рабочих Петербургской губернии. В 1914 г. среднегодовая зарплата рабочего в России составляла 271 руб., в Витебской же губернии она равнялась 148 руб., в Минской — 176 и в Могилевской—184 руб.[1]

И без того низкая заработная плата рабочих урезывалась системой всевозможных денежных штрафов, взимаемых на всех без исключения предприятиях. Достаточно сказать, что табель о взыскании штрафов фабрики сапожных колодок в городе Борисове включал 16 различных пунктов, а по некоторым предприятиям, как например, Ново-Борисовская спичечная фабрика «Березино», в 1914 г. в табель штрафов было включено 32 различных пункта. Штрафовали «за неповиновение старшим», «за дерзость и непослушание распорядителям» и т. д. В 1913 г. на одной только льнопрядильной фабрике «Двина» в городе Витебске было 3908 случаев наложения штрафов на рабочих. Всего же в 1913 г. по Витебской, Виленской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниям было подвергнуто штрафам 19 986 рабочих.[2]

«Штрафовали, — рассказывает в своих воспоминаниях старая работница Витебской льнопрядильной фабрики «Двина» Николаева,—за всякую мелочь. ...Запоем, бывало, или крикнем—штраф 99 копеек, отойдешь на минуту от станка по своим надобностям—опять штраф, и так без конца».[3]

В брошюре «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», написанной осенью 1895 г., В. И. Ленин указывал, что штрафы явились результатом полного развития капитализма и полного порабощения рабочих, что капиталисты «...превратили штрафы в средство понижения заработной платы рабочим, не ограничиваясь одним понижением расценки. Гнет капиталистов над рабочими,—подчеркивал В. И. Ленин, — дошел до своего высшего развития».[4]

В этой же брошюре В. И. Ленин отмечал, что закон о штрафах, изданный царским правительством 3 июня 1886 г. «только под давлением грозных рабочих восстаний», в начале распространялся на небольшую часть России, т. е. Петербургскую,

---

[1] Приводимые данные взяты из статистического сборника за 1913—1917. Труды ЦСУ, т. VII, вып. I, М., стр. 120 и книги «Социалистическое хозяйство БССР», Минск, 1949, стр. 21—22.

[2] См «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 93, 114.

[3] Журнал «Работница и колхозница Белоруссии» № 3 за 1931, стр. 7.

[4] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 56.

Московскую и Владимирскую губернии. Через пять лет после издания (1891 г.) закон был распространен на две губернии — Варшавскую и Петроковскую, а еще через три года (1894 г.) он был распространен дополнительно на 13 губерний, в число которых попала только одна белорусская губерния,—Гродненская. В остальных же губерниях капиталисты продолжали штрафовать рабочих без всяких ограничений.[1]

Одной из важных особеностей экономического развития Белоруссии являлось наличие большого количества мелких кустарно-ремесленных заведений, которые размещались преимущественно в ее городах и многочисленных местечках, где преобладало еврейское население. Достаточно сказать, что на территории Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний в 1898—1899 гг. насчитывалось 155 978 евреев-ремесленников. По отдельным губерниям количество ремесленников-евреев распределялось следующим образом: в Гродненской—44 829, Минской—35 587, Виленской—26 240, Могилевской—25 849, Витебской—23 473.[2]

В 1903 г. количество всех ремесленников в белорусских городах и местечках составляло 209 тыс. человек,[3] примерно 75% из них были евреи. Чрезмерное переполнение городов и местечек Белоруссии ремесленниками из числа еврейской бедноты в значительной степени явилось результатом реакционной политики царского правительства, которое устанавливало определенные границы районов России (черта оседлости), где разрешалось постоянное жительство евреям. В черту оседлости входили города и местечки Польши, Литвы, Белоруссии, Крыма, Бессарабии и некоторые районы Украины. Ограничение права постоянного жительства для еврейского населения было одним из орудий реакционной политики царизма—социального и национального угнетения, от которого главным образом терпела еврейская беднота, вынужденная в поисках хотя бы нищенского заработка заниматься производством различных кустарно-ремесленных изделий.

Только в городах на территории современной Белоруссии в 1904 г. по неполным данным насчитывалось 7857 ремесленных заведений, где было занято 38 100 ремесленников.[4] Однако основная масса их была сконцентрирована в селениях местечкового типа. Например, из 57 204 человек, работавших в ремесленно-кустарных мастерских Минской губернии, в 1913 г.

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр 52—53.

[2] «Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II, Выд. АН БССР, Мінск, 1940, стар. 740—741.

[3] См. Довнар-Запольский, «Народное хозяйство Белоруссии», Изд. Госплана БССР, 1926, стр. 163.

[4] Подсчитано по материалам статистического справочника «Города России в 1904 году», Спб. 1906, стр. 119—120.

в городах проживало 23 164, а в местечках—34 040.[1] В кустарно-ремесленных мастерских Белоруссии производились одежда, обувь, предметы домашнего обихода и несложный сельскохозяйственный инвентарь.

Происходившая повсеместно концентрация промышленности и капитала способствовала вытеснению мелкого производства, усиливала процесс расслоения среди ремесленников и кустарей. Небольшая часть кустарей превращалась в мелких капиталистов, применявших труд наемных рабочих, а основная масса их не выдерживала конкуренции с фабрично-заводским производством, разорялась и пополняла армию наемных рабочих.

Уже в конце XIX—начале XX столетия кустарно-ремесленное производство было тесно связано с рынком. Те времена, когда «Продукт труда ремесленника не появляется на рынке, почти не выходя из области натурального хозяйства крестьянина»,[2] остались давно позади. В произведении «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин подчеркивал, что, «придя раз в соприкосновение с рынком, он (ремесленник.—**И. С.**) переходит со временем и к производству на рынок, т. е. делается *товаропроизводителем*».[3]

Вырабатываемая продукция в кустарно-ремесленных мастерских сбывалась не только на местном рынке, но и вывозилась в значительном количестве в центральные и другие губернии России. Например, изготовлявшиеся гродненскими кустарями портняжные изделия вывозились в Нижегородскую и Владимирскую губернии, а также в Крым. Плуги и другие сельскохозяйственные орудия, производившиеся витебскими кустарями, вывозились в Могилевскую, Смоленскую, Псковскую и Курляндскую губернии.

Мелкие промыслы, указывал В. И. Ленин, неизбежно порождают особых торговцев — скупщиков, которые занимаются торговыми операциями по сбыту готовой продукции и закупке сырья и постепенно подчиняют своему влиянию мелких товаропроизводителей.[4] Этот процесс в развитии кустарно-ремесленного производства был характерен и для Белоруссии. Огромное количество кустарей белорусских городов и местечек сбывало свою продукцию через скупщиков, которые добивались монопольного положения в области сбыта, пользуясь им «для безмерного понижения той цены, которую он (скупщик.—**И. С.**) платит производителю».[5] Нужда заставляла кустарей брать на ка-

---

[1] Подсчитано по таблице, приведенной в «Документах и материалах по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 125.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 287.

[3] Там же, стр. 288.

[4] Там же, стр. 312

[5] Там же, стр. 319.

бальных условиях в кредит не только деньги, но и сырье, а также выполнять работы на дому по заказам скупщиков, превращавшихся в промышленных предпринимателей. Таким образом, кустари становились фактически наемными рабочими, работающими у себя на дому на капиталиста.

В 1913 г. минский полицмейстер сообщал фабричному инспектору, что «...каждый хозяин-оптовик имеет определенное число мастеров, доставляющих ему изделия своих подмастерьев за издавна установленную плату и переход к другому хозяину-оптовику по экономическим расчетам невозможен, так как последний не примет его к себе в виду солидарности и сплоченности хозяев-оптовиков. Последние диктуют мастерам цены за работу, ссужают их деньгами, устанавливают рыночные цены и вообще держат мастеров в достаточной зависимости от себя».[1]

Такая форма эксплуатации, как капиталистическая работа на дому, имела широкое распространение во многих городах и в особенности в небольших местечках Белоруссии, в которых преобладала еврейская ремесленная беднота. В мелких кустарных мастерских Минска, Витебска Гомеля, Слуцка, Дубровно, Сморгони и других городов и местечек, по заказам крупных магазинов и скупщиков, производились предметы домашнего обихода, одежда, обувь, выделка сукон и другие товары. Эта, по определению Ленина, «капиталистическая работа на дому» была связана с непомерной длительностью рабочего дня, чрезвычайными антигигиеническими условиями труда, исключительной нищетой работников, которым зачастую жилось еще тяжелее и хуже, чем наемным рабочим крупных предприятий.

Об условиях жизни и труда таких рабочих в местечке Наровль Минской губернии большевистская газета «Правда» писала: «Положение рабочих этого местечка очень незавидное: сапожники, портные работают с 7 часов утра до 10—12 часов вечера в маленьких душных комнатах, без всякого отдыха. Получают сапожники 3—4 руб. в неделю, а портные 5—6 руб. Тяжесть труда усугубляется еще постоянной задержкой заработной платы. Хозяева, объединившись в крепкий коллектив, эксплуатируют рабочих, как только могут».[2]

В корреспонденции из уездного города Мозыря Минской губернии «Правда» сообщала о тяжелых условиях труда и низкой заработной плате рабочих-кузнецов. «Тяжело живется здесь кузнецам,—писала «Правда».—Самый лучший мастер в кузнице зарабатывает 80 коп. — 1 руб. в день. Есть в кузницах еще так называемые «молотобойцы»—юноши 15—17 лет. Положение их очень печальное. Зарабатывают они 3—7 руб. в

---

[1] ГА Минской области, ф. 311, д. 246, л. 3.
[2] «Правда» № 58 от 6 июля 1912 г.

месяц на своих харчах. Работают в тесных кузницах при сильной жаре и сквозном ветре, от которого часто простуживаются. Работают по 13—15 часов в день... Многие из рабочих больны легочными болезнями, причиною развития коих служат частые переходы от тепла к холоду и вечные сквозняки».[1]

Газета «Правда» в № 66 от 14 августа 1912 г. сообщала о невыносимо тяжелых условиях труда и постоянных издевательствах над работницами шляпной мастерской в городе Гомеле, а «Минская Газета-копейка» писала о тяжелых условиях работы минских заготовщиков. Самый лучший заготовщик,— сообщала эта газета,—получает 5—6 руб. в неделю, а средний заработок заготовщика равняется 4 руб. Работа же в мастерских не из легких, «приходится постоянно иметь дело с кожей, среди душной, смрадной атмосферы, а если к тому прибавить, что приходится работать в полумрачных и маленьких жилищах, то картина получается полная».[2]

Фактических данных о низкой заработной плате, тяжелых условиях труда и грубом обращении с рабочими и работницами на кустарно-ремесленных предприятиях можно было бы привести бесчисленное множество. Все они свидетельствуют о том, как тяжело жилось рабочим, занятым в мелких кустарно-ремесленных мастерских, где зачастую трудовой день не ограничивался никакими правилами, а разобщенность рабочих по мелким предприятиям затрудняла им возможность организованно выступать на защиту своих интересов и вынуждала переносить притеснения и произвол, чинимый хозяевами.

Специфической особенностью рабочего класса Белоруссии был его многонациональный состав. Большинство рабочих здесь принадлежало к белорусской и русской национальностям. Однако вместе с ними работало много местных рабочих-евреев, некоторое количество украинцев, поляков и литовцев. Эту национальную пестроту стремились использовать в своих враждебных целях представители царского правительства в Белоруссии и различные националистические организации. Они умышленно разжигали национальную вражду среди рабочих, отвлекали их от революционной борьбы, проповедывали «классовый мир» с буржуазией. Особой активностью в этой враждебной деятельности отличались бундовцы, имевшие на территории Белоруссии большое количество своих организаций.

Вопреки усилиям всякого рода враждебных элементов, пытавшихся разобщить революционные силы при помощи националистической пропаганды, рабочие разных национальностей все теснее сплачивались под знаменем пролетарского интернационализма. В огромной степени этому способствовал

---

[1] «Правда» № 63 от 12 июля 1912 г.

[2] «Минская Газета-копейка» № 369 от 23 августа 1913 г.

приток в промышленность Белоруссии большого количества квалифицированных рабочих, прибывавших из крупнейших промышленных центров страны (Петербург, Москва и т. д.), являвшихся носителями боевых революционных традиций.

Так, в промышленных предприятиях Белоруссии с количеством от 6 до 1000 и более рабочих в 1902 г. насчитывалось 45 660 постоянных рабочих, из них, прибывших из центрально-промышленных и других районов России, а также с Украины, было 17 093, или 37,4%.[1] Процент таких рабочих по отдельным белорусским губерниям составлял: в Минской—43,8, Гродненской—43,4, Витебской—41,6, Виленской и Могилевской—25,2. При этом наибольшее количество прибывших рабочих приходилось на более крупные промышленные предприятия. Например, на Витебской льнопрядильной фабрике «Двина» работало 800 человек, прибывших главным образом из Московской и Петербургской губерний, что составляло 66,6% к общему количеству рабочих.[2]

Наличие значительного количества рабочих из промышленных районов России на фабриках и заводах Белоруссии способствовало укреплению дружбы русского, белорусского и других народов нашей страны, усиливало связь рабочих Белоруссии с рабочими других национальностей, а также приучало их к солидарности в совместной борьбе против социального и национального угнетения.

Вместе с развитием промышленного капитализма в Белоруссии, как и в других подобных ей окраинах России, росла местная национальная буржуазия, формировавшаяся из обуржуазившегося дворянства, разбогатевших ремесленников и торговцев. Например, в 1881 г. в Могилевской губернии насчитывалось 161 кожевенное предприятие. В числе владельцев этих предприятий было: белорусов и русских—101, евреев—54, поляков—5 и немцев—1. В подавляющем большинстве эти предприятия были кустарно-ремесленного типа, на которых работало по 6—8 человек.

Среди белорусских капиталистов были и такие, на предприятиях которых работало от 15 до 25 человек. К ним, например, можно отнести быховских промышленников Гончарова, Бобылева, Копыстенского—владельцев изразцовых и стекольных заводов.

В то же время были и такие белорусские капиталисты, как Слизень, владевший шелко-крутильной фабрикой в Новогрудском уезде Минской губернии, где в 1900 г. было занято

---

[1] Подсчитано по материалам статистики труда, составленным А. В. Погожевым в его книге «Учет численности и состава рабочих в России», Спб., 1906, стр. 95.

[2] А. В. Погожев, Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда, Спб., 1906, стр. 94—95.

125 рабочих, вырабатывавших готовой продукции на сумму 33 000 руб.

Из среды этих белорусских капиталистов выделялись крупные промышленники. В 1900 г. белорусский капиталист Краевский владел хрустальной фабрикой «Неман А» в урочище Устронь, хрустальной фабрикой «Неман Б» в Лидском уезде и стекольным заводом «Борисов» в Ново-Борисове. На этих предприятиях было занято 758 рабочих, вырабатывавших продукции на 501 527 руб. в год. Проволочно-гвоздильный завод Лазарева (Оршанский уезд Могилевской губернии) в 1910 г. вырабатывал готовой продукции на сумму 287 585 руб. На этом заводе было занято 169 постоянных рабочих. На льнопрядильной фабрике Володкевича (Лепельский уезд Витебской губернии) в 1910 г. было занято 397 рабочих. Фабрика вырабатывала готовой продукции на сумму 602 701 руб. В том же году на фанерно-лесопильном заводе Агаркова (Мозырский уезд) было занято 230 рабочих. Завод выпускал продукции на сумму 240 975 руб.[1]

Значительный процент среди местной буржуазии в Белоруссии составляла еврейская буржуазия, которая формировалась, главным образом, из разбогатевших торговцев и отчасти бывших ремесленников. Из 47 промышленных предприятий, на которых в 1910 г. работало по 100 и более постоянных рабочих,—15 принадлежало еврейским капиталистам. На спичечной фабрике «Виктория» в г. Борисове (владелец Соломонов) работало в 1910 г. 496 рабочих, на Пинской шпилечно-фанерной фабрике братьев Лурье было занято 462 рабочих, на спичечной фабрике «Прогресс-Вулкан» в Пинске (владелец Гальперин) работало 424 рабочих.[2]

В числе владельцев средних и крупных промышленных предприятий были и капиталисты-поляки. Так, в 1900 г. на суконной фабрике Скирмунта (Пинский уезд, м. Поржече) работало 258 человек, на табачной фабрике Шерешевского в г. Гродно в 1910 г. было занято 972 рабочих, выработавших продукции на 2 226 339 руб. На Добрушской фабрике князя Паскевича в том же году было занято 1276 рабочих, выработавших готовой продукции на сумму в 3 млн. руб.[3]

Все усиливавшаяся эксплуатация рабочих, произвол капиталистов и политическое бесправие трудящихся масс вели к обострению классовой борьбы, к сплоченности и организованности пролетарских рядов. Рабочий класс Белоруссии, как и всей России, все более и более убеждался в том, что улучшить положение трудящихся масс можно только путем организован-

---

[1] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 32, 33, 58 и 60.

[2] Там же, стр. 58—62

[3] Там же, стр. 32, 59 и 61.

ной революционной борьбы, путем свержения царизма и уничтожения капитализма.

II. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ БЕЛОРУССИИ

После отмены крепостного права развитие капитализма в Белоруссии, как и во всей России, происходило не только в городе, но и в деревне. Оно повсеместно сопровождалось усиленным классовым расслоением крестьянства на две антагонистические группы. Из наиболее зажиточных крестьян выделялась, хотя и немногочисленная, но зато экономически сильная деревенская буржуазия—кулачество. В то же время огромное количество крестьян разорялось. С каждым годом сокращалось число середняков и увеличивалась прослойка бедноты и батраков—деревенских пролетариев и полупролетариев.

Реформа 1861 г. была проведена царским правительством в соответствии с интересами крепостников-помещиков. Она сохранила такие значительные остатки крепостничества, как помещичье землевладение, отработки, выкупные платежи и т. д., которые являлись огромным препятствием на пути экономического развития страны.

В период, непосредственно примыкавший к началу первой русской буржуазно-демократической революции (1905 г.), общая земельная площадь на территории Белоруссии по отдельным губерниям распределялась следующим образом:

Таблица 3[1]

Губернии	Земли частнособственнических владений		Надельные (крестьянские) земли		Земли государственные, церковные и разных учреждений		Общая земельная площадь (в тысячах десятин)
	количест. земли	% к общей площади	количест. земли	% к общей площади	количест. земли	% к общей площади	
Витебская	2 134 517	52,6	1 593 147	39,3	326 559	8,1	4 054 223
Гродненская	1 203 444	36,7	1 517 164	46,3	557 810	17,0	3 278 418
Минская	5 256 977	65,6	1 945 998	24,3	810 478	10,1	8 013 453
Могилевская	2 303 740	56,1	1 619 346	39,5	181 719	4,4	4 104 805
Виленская	1 532 794	48,2	1 278 677	40,3	366 291	11,5	3 177 762
Итого	12 431 472	55,0	7 954 332	35,1	2 242 857	9,9	22628661

[1] Таблица составлена по материалам статистики землевладения за 1905 г., Спб., 1906 (Витебская губерния—вып. 27, стр. 10—11, Гродненская—вып. 11, стр. 10—11; Минская—вып. 19, стр. 10—11; Могилевская—вып. 13, стр. 10—11 и Виленская—вып. 34, стр. 10—11).

Приведенные данные показывают, что из 22 628 661 десятины больше половины, т. е. 55% принадлежало частным владельцам, преимущественно помещикам-дворянам, в руках которых находилось 84 130 имений с количеством земли в 12 431 472 десятины, а на долю 736 885 крестьянских дворов приходилось только около 8 млн. десятин, или 35,1% и притом худшей земли. Остальная земля в количестве 2 242 857 десятин, что составляло 9,9% всей земельной площади, распределялась так: земли казенные—1 678 823 десятины, удельные—170 467, церковные—152 839, монастырские—19 821, городские—100 635 и различных учреждений—14 272 десятины.[1]

Особенно большой удельный вес занимали помещичьи землевладения в таких губерниях, как Минская—65,6% всей земельной площади, Могилевская—56,1 и Витебская— 52,6%.

Одна из важных особеностей землевладения на территории Белоруссии заключалась в наличии сравнительно большого количества крупных помещичьих латифундий, что подтверждается следующими фактическими данными о распределении земли на территории Белоруссии между земельными собственниками в 1877 г.

Таблица 4[2]

Размер владений	Количество владельцев	% к общему числу владельцев	Площадь принадлежавшей им земли	% к общей площади
До 100 дес. включит.	39 249	82,8	711 872	6,4
От 100 до 500 дес.	4 808	10,2	1 147 105	10,3
От 500 до 2 тыс. дес.	2 307	5,0	2 266 794	20,3
От 2 тыс. до 10 тыс. дес.	865	1,8	3 395 921	30,5
Свыше 10 тыс.	147	0,3	3 625 993	32,5
Итого	47 376	100,0	11 147 685	100,0

В 70-х годах XIX столетия собственникам обширных земельных владений (латифундий) в Минской губернии принадлежало 78,4% частнособственнической земли, в Могилевской—59,4% и в Витебской—57,2%, что значительно превышало наличие латифундий в остальных районах Европейской России. По данным В. И. Ленина, во всех 50 губерниях Европейской России к началу XX столетия насчитывалось 699 крупных земельных собственников, владения каждого из них превышали 10 тыс. десятин.[3] Следовательно, на каждую губернию приходилось в среднем по 14 таких земельных собственников. В то

[1] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 170, 173.

[2] См. книгу Д. А. Дудкова «Аб развіцці капіталізма ў Беларусі ў 2-й палове XIX—пачатку XX стаг.», Мінск, 1932, стар. 28.

[3] См. В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 202.

же время в пяти белорусских губерниях было 147 земельных собственников (т. е. в среднем почти по 30 на каждую губернию), владения которых превышали 10 тыс. десятин.

Князь Витгенштейн имел на территории Белоруссии более 100 имений с общим количеством 711 844 десятины, польские графы Константин и Маврикий Потоцкие имели более 232 тыс. десятин. В одной только Минской губернии у польского князя Радзивилла было более 150 тыс. десятин, помещик Пусловский имел 90 тыс. десятин земли, помещик Скирмунт—47 тыс. десятин. 82 собственника обширных земельных владений (латифундий) Минской губернии в 1905 г. владели 1 824 699 десятинами земли. На каждого из таких владельцев приходилось примерно по 22 250 десятин. 30 крупных помещиков Мозырского уезда имели в три с лишним раза больше земли, чем все вместе взятые 19 092 крестьянских двора. Средний размер одной помещичьей латифундии составлял здесь около 3 тыс. десятин, тогда как на один крестьянский двор, если даже учесть все группы крестьян, включая и зажиточных, приходилось примерно 8 десятин земли. Огромное количество крестьянских дворов в Белоруссии имело наделы от 2 до 5 десятин.[1]

В то же время имелось большое количество крестьянских дворов, которые совершенно не имели земли. В начале 90-х годов прошлого столетия в пяти белорусских губерниях таких дворов насчитывалось 54 553, что составляло 8,8% к общему числу. Процент безземельных крестьянских дворов в Витебской губернии достигал 9,7, Виленской—9,6, Минской—8,3, Гродненской—7,5 и Могилевской—6,7.[2]

В проекте речи по аграрному вопросу во II Государственной думе, написанной в марте 1907 г., В. И. Ленин указывал, что «...тесно крестьянам именно потому, что слишком уже вольготно... расположились господа помещики. «Крестьянская теснота»,—это значит захват помещиками массы земель. «Крестьянское малоземелье», это значит помещичье многоземелье».[3] Эта ленинская оценка имеет непосредственное отношение и к Белоруссии. Наличие большого количества латифундий в Белоруссии оказывало самое губительное влияние на ее экономическое развитие, на состояние земледелия и уровень жизни трудящихся крестьян. Крестьянские массы Белоруссии, как и всей России, вели ожесточенную борьбу за ликвидацию крепостнических латифундий. В произведении «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин подчеркивал, что крестьянская

---

[1] См. «Белорусская ССР. Очерки экономической географии», Изд. АН БССР, Минск, 1949, стр. 75.

[2] См. «Временник Центрального статистического комитета» № 33, Спб., 1894, стр. 89.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 241.

борьба за землю есть прежде всего борьба за уничтожение этих латифундий.

В этом же произведении В. И. Ленин, подробно анализируя речи крестьян из белорусских губерний во II Государственной думе, делает вывод, что некоторые из них только на словах поддерживают старую власть, а на деле добиваются земли, ведут борьбу с помещиками и не согласятся «платить кадетских размеров выкуп». Такие «правые крестьяне», подчеркивал В. И. Ленин,—«...несомненно левее кадетов. Возьмите Петроченко (Витебской губ.). Он начинает с того, что «до смерти будет защищать царя и отечество» ...Но вот он переходит к вопросу о «малоземелье». «Сколько прений ни ведите,— говорит он,—другого земного шара не создадите. Придется, значит, эту землю нам отдавать.Здесь кто-то из ораторов указывал, что крестьяне наши темны и невежественны, и не к чему и бесполезно им давать много земли, так как она все равно пользы не принесет. Конечно, земля нам раньше мало пользы приносила, именно тем, у которых ее не было. А что мы невежественны, так мы ничего иного и не просим, как земли, чтобы по своей глупости в ней же ковыряться. Со своей стороны я думаю, что, конечно, дворянину и неприлично возиться с землей. Здесь говорилось о том, что частновладельческих земель нельзя коснуться по закону. Я, конечно, согласен с тем, что закона надо придерживаться, но для того, чтобы устранить малоземелье, нужно написать такой закон, чтобы все это и сделать по закону».[1]

Далее, В. И. Ленин приводит выступление крестьянина Шиманского из Минской губернии, который предлагал заставить помещиков «уступить крестьянам по справедливой оценке землю». Тех же помещиков, которые не согласны с этим, обложить прогрессивным налогом и таким образом принудить пойти на уступки. Другой крестьянин Мельник из Минской губернии предлагал включить в аграрную комиссию Государственной думы не менее 60% действительных крестьян, знающих людскую нужду и знакомых с тяжелым положением крестьянских масс. Надо выбрать тех людей,—заявлял он,—которые могут решить на благо народа этот вопрос практически. Это вопрос благосостояния крестьян и вообще бедного народа, а никакого политического значения в нем нет.

Несмотря на отсутствие последовательности и наличие наивной веры в возможность ликвидации крестьянского малоземелья при помощи «законных средств», в то время, даже в выступлениях правых крестьян, проявлялась решимость ограничить помещичье многоземелье насильственными средствами. Резюмируя эти выступления, В. И. Ленин писал: «Далеко влево пойдут эти правые крестьяне, когда контрреволюция по-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 348—349, 350.

кажет им политическое значение «вопросов благосостояния бедного народа!», а также указывал, что «нам (социал-демократам. **И. С.**) больше по дороге окажется, пожалуй, с «правым» крестьянином, чем с «либеральным», «демократическим» кадетом...»[1]

Наличие в Белоруссии крупного помещичьего землевладения и крестьянского малоземелья вынуждало трудящихся крестьян арендовать у помещиков землю на тяжелых условиях кабальных отработок, представлявших собою прямой пережиток феодального способа производства, замаскированную форму барщины. Виды отработок носили разнообразный характер и всею своею тяжестью ложились на плечи трудового крестьянства. Зачастую крестьяне арендовали крайне необходимые им земельные угодья, брали у помещика взаймы деньги или хлеб, обязываясь отработать своим трудом весь долг вместе с процентами. Отработки наиболее широко были распространены в Могилевской, Витебской и Минской губерниях Белоруссии, где крестьяне за аренду земли и натуральные долги отрабатывали определенное количество дней на помещичьих полях со своим инвентарем и тягловой силой.

Называя такой вид отработок «панщиной в XX веке», выходившая в Минске газета «Северо-Западная жизнь» сообщала, что владельцы имения Хворостов в Мозырском уезде «сумели так наделить своих рабов бесплодной землицей», что они после реформы 1861 г. «как в железное кольцо втиснуты со своими наделами во владения «панов-благодетелей» и теперь еще находятся в крепостном состоянии ...Дело в том,—разъясняла газета,—что крестьянские владения так расположены среди помещичьих», что обойтись без аренды выпасов для скота нет никакой возможности. В то же время помещица Нетунская, пользуясь безвыходным положением крестьян селений Хворостов, Челонец, Огарков и Ленино, предпочитает взимать за аренду «не монетой», а кровавым крестьянским трудом по удивительно низкой «панской расценке».

В счет погашения аренды крестьянину с лошадью или парою волов, в страдную летнюю пору засчитывалось 60 коп. за работу «от темна, до темна», а за работу осенью и зимой—не более 15 коп. В имени Хворостов, говорилось далее в газете, так много всевозможных натуральных повинностей, что своего хозяйства малосемейным крестьянам некогда смотреть, зато помещица, почти не имея постоянных рабочих, свое хозяйство «ведет изрядно».[2]

Крестьяне деревни Шинково Сенненского уезда Могилевской губернии в январе 1906 г. обращались к царю Николаю II

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 349—350.
[2] «Северо-Западная жизнь» № 107 от 1 июня 1913 г.

с жалобой, в которой писали, что их надельные земли расположены «...так, что нельзя обойтись без помещичьего пастбища и прогона на свое поле.» Далее в этом документе говорилось, что помещики заставляют арендовать отрезанные у крестьян земли, и при этом помещики не хотят, чтобы им платили деньгами, а принуждают отрабатывать по той цене, которую они назначают сами, т. е. «платят рабочему косцу 40 коп. в день, а женщине 25 коп. и харчи рабочего».[1]

На притеснения помещика Славинского жаловались в сентябре 1904 г. крестьяне деревни Плещевицы Оршанского уезда. Построив водяную мельницу на реке Друти, этот помещик затопил все сенокосы, принадлежавшие крестьянам. Кроме того, помещик самовольно требовал выплачивать ему по 10 руб. в год за земельный надел, а также заставлял каждый крестьянский двор «ежегодно отбывать бесплатно по 340 рабочих дней» за дозволение пасти на его земле крестьянский скот.[2]

В апреле 1905 г. крестьяне деревни Пилишино Горецкого уезда в своем прошении на имя царя сообщали, что отрезанные у них во время реформы 1861 г. до 300 десятин земли, они вынуждены арендовать у помещика Голынского, который не соглашается брать за аренду деньгами, а заставляет обрабатывать свои поля с приложением крестьянского сельскохозяйственного инвентаря и тягловой силы.[3]

Кроме того, на землях помещика Голынского вели отработки крестьяне четырех деревень Мстиславского уезда. По подсчетам их уполномоченных ежегодно затрачивалось 3706 рабочих дней без тягловой силы и 1868 рабочих дней с лошадьми. Дополнительно к отработкам крестьяне ежегодно выплачивали помещику деньгами в сумме 812 руб. С учетом затрачиваемого труда и выплачиваемых ежегодно денег, крестьяне окружающих деревень за 45 лет после отмены крепостного права уплатили помещику 1 399 993 руб.[4]

Отработки, по определению В. И. Ленина, являлись «хозяйственной сущностью крепостного строя», когда крестьянин «должен отработать те средства к жизни, которые он получил от помещика».[5]

При широком применении отработочной системы помещик выступал в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседних крестьян и приобретавшего их труд по исключительно низкой цене.

---

1 ЦГИАЛ, ф. 1412, оп. 242, д. 1231, л. 2. Жалоба крестьян д. Шинково Сенненского уезда Николаю II.

2 ЦГИАЛ, ф. 1214, оп. 242, д. 1213, л. 1—3. Жалоба крестьян д. Плешевицы Оршанского уезда Николаю II.

3 ЦГИАЛ, ф. 1412, оп. 242, д. 1200, л. 1—2. Прошение крестьян Николаю II.

4 ЦГИАЛ, ф. 1214, оп. 242, д. 1207, л. 1. Прошение уполномоченных крестьян Николаю II.

5 В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 449.

В белорусских губерниях широко применялись и такие разновидности отработок, как *испольщина* и *скопщина*.[1]

В статье «Крепостное хозяйство в деревне», написанной в апреле 1914 г., В. И. Ленин отмечал, что испольщина, обработка земли из половины урожая, или уборка сенокосов из третьей копны («на третьяк») представляет собой тоже прямой пережиток крепостничества. В этой же статье В. И. Ленин приводил данные, подтверждавшие, что к 1914 г. количество земель, обрабатываемых крестьянами исполу, в разных районах России достигало от 21 до 68% собственных крестьянских земель. Количество же испольных сенокосов было еще больше.[2] Обработка сдаваемых помещиками испольно земель велась в высшей степени неудовлетворительно. Земля засевалась плохими семенами и не удобрялась. Испольщина, как и скопщина, тормозила распространение травосеяния и применение удобрений, задерживала использование сельскохозяйственных машин и более совершенных сельскохозяйственных орудий.

В статье «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» В. И. Ленин отмечал, что в Могилевской губернии «всякое улучшение в хозяйстве тормозится неудобствами испольного хозяйства». Скопщина, подчеркивал В. И. Ленин, является одной из главных причин того, что «сельское хозяйство в Днепровском уезде находится в таком положении, что нечего и думать о каких-либо нововведениях и улучшениях».[3]

Все это свидетельствует о том, что отработочная система препятствовала развитию капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии, мешала внедрению передовой сельскохозяйственной техники, тормозила развитие производительности труда в земледелии, обрекала его на отсталость и застой.

Характерной особенностью сельского хозяйства дореволюционной Белоруссии было значительное распространение в нем такого пережитка крепостничества, как *сервитуты*, т. е. наличие таких помещичьих земельных угодий, которыми крестьянам предоставлялось право пользоваться для пастьбы скота, в качестве выгонов и т. д.

В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин отмечал, что «крестьянское хозяйство не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водопои, выгоны и пр. Без этих земель (или

---

[1] Испольщиной назывался такой вид отработок, при котором за арендуемую помещичью землю крестьянин отдавал половину снятого урожая. Скопщиной в ряде районов царской России называлась кабальная аренда, когда арендатор уплачивал землевладельцу «с копны» половину, а иногда и более половины получаемого урожая. (См. «Примечания» к 20 т. сочинений В. И. Ленина, стр. 453).

[2] См. В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 221.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 70.

сервитутов) крестьяне совершенно не в состоянии были вести самостоятельного хозяйства, и помещики имели таким образом возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработков».[1]

Всего по таким белорусским губерниям, как Минская, Гродненская, Виленская и Витебская в 1889 г. насчитывалось 108 999 крестьянских дворов, пользовавшихся сервитутными правами, что составляло 55,4% к общему количеству 196 605 крестьянских дворов, получивших наделы. Из общего количества дворов, пользовавшихся сервитутами, было 56 713 дворов, которые пользовались общими с помещиками пастбищами, и 56 947 крестьянских дворов, пользующихся правом выпаса скота в помещичьих лесах. Другими видами сервитутов (право на пользование лесными покосами, право заниматься рыбной ловлей на водах помещиков и т. д.) в указанных выше губерниях пользовалось 7274 крестьянских двора.[2]

Из общего количества 2465 помещичьих имений в Минской губернии в 1913 г. было 969 таких, в которых имелись сервитутные земли, а из числа 4835 деревень в том же году имели право на пользование сервитутами 1544 деревни.[3] Такая же картина наблюдалась и в других белорусских губерниях.

Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции крестьяне Белоруссии вели борьбу за переход сервитутных земель в свою собственность. В то же время помещики всячески стремились лишить крестьян пользования сервитутами, вынуждали их арендовать пастбища и другие земельные угодия на кабальных условиях.

В течение 17 лет длилась тяжба крестьян с острошицко-городокским помещиком за сервитуты. В 1905 г. крестьяне обращались к царю с просьбой предоставить им «право пользоваться сервитутной пастьбой для скота и выгоном ...Мы,—писали крестьяне,—настолько стеснены, что принуждены отказаться от ведения хозяйства и с сумами таскаться по миру, за неимением выгонов и пастьбы для скота».[4]

В мае 1905 г. крестьяне села Лучина Рогачевского уезда в своем прошении на имя могилевского губернатора писали, что помещик имения Заболотье Хрущев всячески притесняет их и запрещает пасти скот на сервитутных участках. В категорической форме крестьяне заявляли, что в случае дальнейших

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 160.

[2] Подсчитано по таблицам, приведенным в «Документах и материалах, по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 214. В общее количество крестьянских дворов, пользовавшихся сервитутами, по Витебской губернии включены данные только по 4 уездам: Лютинскому, Режицкому, Двинскому и Дриссенскому.

[3] ЦГИАЛ, ДП, 4 д-во, д. 40, ч. 1, л. 125. Донесение минского губернатора министру внутренних дел.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 63, д. 375, л. I. Прошение крестьян царю Николаю II от 24 июня 1905 г.

неуступок со стороны помещика, они будут вынуждены продолжать самовольную пастьбу скота на сервитутных землях.[1]

С подобного рода прошениями и жалобами на притеснения помещиков, на их запрещения пользоваться сервитутными землями, обращались в правительственные органы крестьяне деревни Пузичи Мозырского уезда, Угольского общества Кобринского уезда, Изино, Кончичи, Безелибичи и Вольки Пинского уезда и ряда других сел и деревень Белоруссии. Все подобные жалобы и прошения крестьян отклонялись царскими властями, а за «самовольные» действия целые селения подвергались жестоким репрессиям.

Так, в 1912 г. за пастьбу скота на сервитутных землях было подвергнуто двухмесячному аресту все взрослое мужское население деревни Озерная Слобода Минского уезда. Даже буржуазная газета «Минский голос» не могла скрыть этого возмутительнейшего факта. В январе 1912 г. эта газета писала: «Перед судейским столом огромная толпа крестьян. Всех обвиняемых—54 человека. Это все наличное население деревни Озерная Слобода Минского уезда. Слобода эта граничит с землями Смолевичской экономии помещика фон Гельмерсена. Крестьяне имели когда-то на полях Смолевичской экономии, бывшей когда-то вотчиной кн. Витгенштейна, сервитутное право пастьбы скота. Но с переходом имения к новым владельцам сервитутное право пастьбы не было ими признано. Тем не менее крестьяне продолжали пасти скот на поле, через которое проходит граница Минского и Борисовского уездов. Возникло дело о самоуправстве, и вся деревня была привлечена к суду. Земский начальник признал всех обвиняемых виновными и приговорил их к 2 месяцам ареста каждого».[2]

В отдельных белорусских губерниях (Витебской и в особенности в Могилевской), в значительной мере сохранялся и такой пережиток крепостничества, как *земельная община.* Так, в 1892 г. в Могилевской губернии входило в земельные общины 108 700 крестьянских дворов, или 86% к общему количеству крестьянских дворов этой губернии. Соответственно, в Витебской губернии в земельные общины входило 41 700 крестьянских дворов, или 44,5%'. Что касается таких белорусских губерний, как Гродненская и Минская, то там число крестьянских дворов, входивших в общину, было 1550, или 1,9% в Гродненской губернии и 3500 дворов, или 3,3%—в Минской. В Виленской же губернии остатки земельной общины исчезли еще задолго до реформы 1861 г.[3]

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 2, оп. I, д. 1785, л. 2. Прошение крестьян села Лучина могилевскому губернатору от 6 мая 1905 г.

[2] «Минский голос» № 665 от 15 января 1912 г.

[3] Д. А. Дудкоў, Аб развіцці капіталізма ў Беларусі, Мінск, 1932, стар. 44.

Существование земельной общины в отдельных губерниях вплоть до первой буржуазно-демократической революции в России (1905—1907 гг.) было обусловлено экономической отсталостью Белоруссии, а также тем, что царизм искусственно поддерживал общину с ее круговой порукой как аппарат для выжимания податей.

Однако и в тех губерниях, где еще сохранялась земельная община, шел процесс ее разложения изнутри. Уже в первые годы после реформы 1861 г. в Могилевской и Витебской губерниях существовало общинное пользование только на выгоны и луга. Что же касается общих переделов земли, то они встречались очень редко. Дальнейшее разложение земельной общины вело к установлению наследственных наделов, к усилению дифференциации крестьянства, обозначавшей развитие капитализма в сельском хозяйстве.

К началу первой буржуазно-демократической революции в России остатки земельной общины совершенно исчезли в Минской и Гродненской губерниях, а в Витебской губернии они сократились до 38% и в Могилевской—до 83,8%.[1] Как известно, остатки земельной общины были ликвидированы столыпинской земельной реформой, усиленно форсировавшей выделение крестьян из общины на хутора.

Остатки крепостничества тормозили развитие капитализма в белорусской деревне, вызывали разорение и обнищание широких крестьянских масс. Громадные подати и выкупные платежи не давали возможности приобретать сколько-нибудь усовершенствованные сельскохозяйственные орудия для подъема и рыхления почвы. Подавляющее большинство крестьянских дворов, за исключением кулацких, пахало землю сохой, косулей и деревянным плугом. Боронование, как правило, производилось деревянными боронами. Железные плуги и бороны применялись преимущественно в хозяйствах капитализировавшихся помещиков и кулаков.

По переписи 1910 г. в крестьянских хозяйствах пяти белорусских губерний насчитывалось 501 637 сох, 10 970 косуль, 342 488 деревянных плугов, 805 532 деревянных борон и 483 953 деревянных борон с железными зубьями. Что касается сельскохозяйственных машин, то в крестьянских хозяйствах их почти не было. Достаточно сказать, что в 1910 г. во всей Белоруссии было всего лишь 24 сенокосилки, столько же конных грабель и 47 сеялок.[2] Да и эти немногочисленные машины имелись только в кулацких хозяйствах.

Вследствие плохой обработки почвы, отсутствия удобрений и невозможности применять какие-либо агротехнические меро-

---

[1] П. И. Лященко, «История народного хозяйства СССР», т. II, Госиздат, 1952, стр. 491.

[2] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Изд. АН БССР, Минск, 1953, стр. 174—175.

приятия в крестьянском хозяйстве, урожаи зерновых культур в Белоруссии были более низкими, чем в тех помещичьих имениях и кулацких хозяйствах, в которых применялись сельскохозяйственные машины и внедрялась агротехника. Например, в 1901—1905 гг. урожай озимой ржи на одну десятину в крестьянских хозяйствах составлял: в Витебской губернии—34 пуда, в Минской—44 и Могилевской—46 пудов. В помещичьих же имениях и кулацких хозяйствах, где начинала внедряться агротехника, каждая десятина земли давала урожай ржи на 8—10 пудов больше, чем в крестьянских хозяйствах. Такая же, примерно, картина наблюдалась и по другим зерновым культурам.[1]

В то же время урожай главных зерновых культур в Белоруссии был гораздо ниже, чем в черноземных губерниях России и Украины. Подтверждением сказанному могут служить соответствующие данные министерства земледелия об урожае на одну десятину главных культур у крестьян и частных владельцев по губерниям (см. табл. 5).

Из таблицы видно, что урожайность важнейших зерновых культур (рожь, пшеница, овес и ячмень), высеваемых в Белоруссии, резко отставала от урожайности таких губерний черноземной полосы, как Киевская, Подольская и другие. Максимальный урожай озимой ржи в Киевской губернии составлял 102 пуда с каждой десятины, а в Минской губернии—всего только 55 пудов, т. е. почти в два раза ниже. Каждая десятина земли Киевской губернии давала в среднем по 107 пудов озимой пшеницы, а в Минской—60 пудов. Самый низкий урожай ржи в Орловской губернии составлял 49 пудов с десятины, а в Витебской—34. Самый низкий урожай яровой пшеницы в Тульской губернии составлял 53 пуда с десятины, а в Витебской—29.

Наиболее распространенными зерновыми культурами в Белоруссии были озимая рожь, ячмень и овес. Озимая и яровая пшеница занимали незначительный удельный вес, как по занимаемой посевной площади, так и по валовому сбору урожая. Так, в 1910 г. в пяти белорусских губерниях озимой ржи было засеяно 2 352 168 десятин, а озимой пшеницы всего только 73 749. С указанной земельной площади валовой сбор ржи составлял 90 745 569 пудов, а пшеницы всего лишь 3 437 167. Под ячменем было занято земельной площади 414 964 десятины и под овсом 1 055 304. В 1901 г. было собрано 12 946 350 пудов ячменя и 33 829 240 пудов овса.[2]

---

[1] См. «Сельское хозяйство России в XX веке». Сб. статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг., составлен под ред. проф. Н. П. Огановского, Изд. Наркомзема «Новая деревня», М., 1923, стр. 140.

[2] Подсчитано по материалам «Статистики Российской империи», т. III. Урожай 1901 г., изд. ЦСК, Спб., 1901, ч. I, стр. 10—11, 32—33, 64—65, 66—67, 80—81 и ч. II, стр. 22—29, 86—93, 122—129. См. также «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, стр. 176—177.

Урожай на одну десятину важнейших сельскохозяйственных культур в отдельных губерниях России, Украины и Белоруссии на землях крестьянских надельных и землях частновладельческих за 1901—1905 гг.[1]

Таблица 5

Наименование губерний	Категория хозяйства	Урожай на одну десятину (в пудах)							
		рожь озим.	пшеница озим.	пшеница яров.	овес	ячмень	гречиха	картофель	лен (семя)
Губернии центрально-земледельческого района									
Курская	Крестьянск.	63	59	59	55	58	36	463	(41)
	Частновлад.	78	82	65	71	70	40	608	(46)
Орловская	Крестьянск.	49	(60)	—	40	(38)	28	431	(30)
	Частновлад.	63	68	54	53	47	32	524	(33)
Тульская	Крестьянск.	53	—	—	50	(40)	35	476	(29)
	Частновлад.	62	66	53	60	52	38	533	(37)
Украинские губернии									
Киевская	Крестьянск.	88	95	54	76	69	49	536	35
	Частновлад.	102	107	62	91	81	52	593	41
Подольская	Крестьянск.	77	82	61	69	63.	45	466	(38)
	Частновлад.	90	99	67	85	78	50	530	(39)
Волынская	Крестьянск.	61	72	—	52	52	39	470	(37)
	Частновлад.	69	82	—	62	59	43	540	(29)
Белорусские губернии									
Могилевская	Крестьянск.	46	52	46	46	48	25	490	31
	Частновлад.	54	62	51	52	52	29	534	29
Минская	Крестьянск.	44	55	41	44	48	27	441	30
	Частновлад.	55	60	48	49	51	29	544	29
Витебская	Крестьянск.	34	34	29	35	33	18	333	13
	Частновлад.	42	46	34	43	39	20	392	15

Помещичье многоземелье и острое крестьянское малоземелье, высокие налоги и исключительно низкие урожаи сельскохозяйственных культур обрекали огромные массы трудового крестьянства Белоруссии на нищету и хронический голод.

Вот как отзывалась о жизни крестьян Белорусского Полесья газета «Минское слово» в 1911 г.: «Бедность в Полесьи страшная, она бьет на каждом шагу, лезет в глаза отовсюду. От нее не скроешься ни в поле, ни в лесу, ни в хате, ни на скотном дворе... леса вырублены, поля голы, амбары пустуют с самой осени. На скот смотреть прямо тошно... И лапти у белорусов не такие, как в других губерниях, не тяжелые и плотные, с веревочной подошвой, а в буквальном смысле липовые, скомканные на живую нитку, словно на покойников».[2]

Деревня Бобрик Пинского уезда, писала газета «Северо-Западная жизнь», это «настоящее некрасовское село «Дыря-

[1] Таблица составлена на основе данных министерства земледелия, приведенных в книге «Сельское хозяйство России в XX веке», Изд. Наркомзема «Новая деревня», М., 1923, стр. 134—137 и 140—141. Цифры, поставленные в скобках, представляют неполные, средние данные.

[2] «Минское слово» № 1336 от 27 июля 1911 г.

вино». В ней белорусская бедность проглядывает во всей своей силе.., нищета проглядывает везде и во всем... Взглянувши на его (крестьянина) домашнюю жизнь, становится так тяжело, что и словами передать трудно. Семья и горе слилось в одно».[1]

У большинства белорусских крестьян своего хлеба едва хватало до нового года. Недостаток зерна вынуждал многих крестьян добавлять в хлеб мякину, мох, кору, жолуди и другие примеси. Названия многих деревень Белоруссии—Мохоеды, Бесхлебицы, Короеды и другие, сохранившиеся с дореволюционных времен, свидетельствуют об исключительно тяжелой нужде трудящихся крестьян Белоруссии. В неурожайные годы крестьяне вымирали целыми семьями от голода.

Характеризуя невыносимо тяжелое положение трудящихся крестьянских масс в нашей стране, В. И. Ленин в статье «Рабочая партия и крестьянство», опубликованной в газете «Искра» (апрель 1901 г.), писал: «Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупаясь* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически, и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще».[2]

Эти слова В. И. Ленина целиком и полностью относились также и к трудовому крестьянству Белоруссии, положение которого до победы Великой Октябрьской социалистической революции было исключительно тяжелым.

Однако, несмотря на многочисленные остатки крепостничества, процесс развития капиталистических производственных отношений происходил и в сельском хозяйстве. В высшей степени неудовлетворительная обработка помещичьих земель, и как следствие этого плохие урожаи, а также низкая производительность труда все более и более вытесняли отработочную систему в помещичьих хозяйствах, толкали их к применению более выгодного труда вольнонаемных батраков, а также к использованию различных машин в сельском хозяйстве, повышающих производительность труда и неизбежно ведущих к развитию чисто капиталистических производственных отношений.

В книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», написанной в ноябре—декабре 1907 г., В. И. Ленин подчеркивал, что как помещичье, так и крестьянское хозяйство идут по капиталистическому пути развития. «Помещичье хозяйство,—писал Ленин,—эволюционирует капиталистически, заменяя постепенно отработки

---

[1] «Северо-Западная жизнь» № 82 от 12 апреля 1914 г.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 396.

«вольнонаемным трудом», трехполье—интенсивной культурой и крестьянский стародедовский инвентарь усовершенствованными орудиями владельческой экономии. Крестьянское хозяйство *тоже эволюционирует капиталистически,* выделяя сельскую буржуазию и сельский пролетариат».[1]

В своей знаменитой работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин относил такие белорусские губернии, как Минскую, Гродненскую и Виленскую, к группе губерний с преобладанием капиталистической системы земледелия, а Витебскую и Могилевскую—к губерниям, где преобладала смешанная система земледелия, т. е. капиталистическая и отработочная.[2]

Следовательно, уже к концу XIX столетия в Белоруссии не было ни одной губернии с преобладанием отработочной системы. А это, в свою очередь, подтверждает тот факт, что в пореформенный период развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии шло довольно быстрыми темпами.

Самой главной чертой пореформенного развития капитализма в сельском хозяйстве В. И. Ленин считал рост торгового земледелия, с которым неразрывно было связано увеличение количества производимого на продажу хлеба, прогрессирующая специализация самого земледелия, подчинение производства сельскохозяйственной продукции запросам рынка, усиление процесса расслоения крестьянства. Этот процесс имел общее значение для развития капитализма в сельском хозяйстве всей России, в том числе и для Белоруссии, как ее составной части.

Под влиянием запросов растущего рынка во многих помещичьих и кулацких хозяйствах на территории Белоруссии стало возрастать производство товарной сельскохозяйственной продукции. В связи с этим увеличились посевные площади под техническими культурами и кормовыми травами, развивалось молочное скотоводство, вводились многочисленные севообороты. В более широких размерах стали применяться улучшенные сельскохозяйственные орудия и машины. Эта развивавшаяся капиталистическая интенсификация сельского хозяйства осуществлялась капитализировавшимися помещиками и кулаками с целью получения наибольших прибылей.

За период с 1894 по 1904 г. вся посевная площадь по пяти белорусским губерниям увеличилась на 12% (с 3 456 тыс. десятин в 1894 г. до 4 074 тыс. в 1904 г.), посевы же под картофель за указанный период возросли на 45%. Посевная площадь под картофелем продолжала возрастать и в последующие годы. Если в 1901 г. в Белоруссии было посажено картофеля около 496 тыс. десятин и собрано урожая более 207 млн.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 218.
[2] См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 162.

пудов, то в 1914 г. посевная площадь под картофелем составила 676 087 десятин и было собрано урожая около 313 млн. пудов.

В выращивании картофеля большой удельный вес принадлежал помещичьим имениям. Например, за 1894—1904 гг. посевная площадь в помещичьих хозяйствах возросла на 43,1%, а посевы картофеля расширились на 72%. В 1901 г. на владельческих землях было занято под картофелем 180 684 десятины, а в 1914 г.—238 817. В 1901 г. помещики собрали около 79 млн. пудов картофеля, а в 1914 г. более 122 млн. пудов.[1]

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин указывал, что капиталистический характер процесса в сельском хозяйстве «наглядно иллюстрируется увеличением роли картофеля в общем размере земледельческого производства. Увеличение посевов картофеля означает, с одной стороны, повышение техники сельского хозяйства (введение в посев корнеплодов) и рост технической обработки с.-х. продуктов (винокурение и картофельно-крахмальное производство). С другой стороны, оно является, с точки зрения класса сельских предпринимателей, производством относительной прибавочной стоимости (удешевление содержания рабочей силы, ухудшение народного питания)».[2]

По сравнению с другими губерниями посевы картофеля были более широко распространены в Минской, Могилевской и Гродненской губерниях. В 1914 г. под посевами картофеля было занято около 207 тыс. десятин в Минской губернии, 133 406 десятин—в Могилевской и более 128 тыс. десятин—в Гродненской.[3]

Посевы картофеля в общей посевной площади Белоруссии увеличились с 8,7% в 1894 г. до 13,1% в 1913 г. Увеличению посевов картофеля благоприятствовали природные условия Белоруссии, а также наличие большого количества свободных рабочих рук, требующихся для разведения картофеля при отсутствии соответствующих сельскохозяйственных машин (картофелесажалок, картофелекопателей и др.).

Следует отметить, что если по урожайности важнейших зерновых культур (рожь, пшеница и т. д.) Белоруссия резко отставала от ряда губерний России и Украины, то по урожайности картофеля она не только не уступала ряду губерний черноземной полосы, но в некоторых случаях даже превосходила их. Так, например, за пятилетие (1911—1915 гг.) урожай картофеля с одной десятины в Подольской губернии был 474

[1] Данные о количестве посевной площади и сборе урожая картофеля за 1901 г. подсчитаны по материалам «Статистики Российской империи», Изд. ЦСК, Спб., 1901, ч. I и II, а данные за 1914 г.—по материалам той же статистики, Изд. ЦСУ МВД, Петроград, 1915, ч. I и II.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 215.

[3] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 179.

пуда в крестьянских хозяйствах и 754—в помещичьих. Соответственно в Орловской — 520 и 641 пуд. В те же годы в Минской губернии урожай картофеля на одну десятину составил 536 пудов в крестьянских хозяйствах и 625—в помещичьих; соответственно в Могилевской—512 и 516 пудов.[1]

Значительное количество урожая картофеля, выращиваемого в помещичьих имениях, поступало на переработку в картофельно-крахмальные и в особенности на винокуренные предприятия. Достаточно сказать, что перед началом первой мировой войны (1913 г.) в пяти белорусских губерниях действовало 630 винокуренных заводов, на которых было занято 4649 рабочих. Этими заводами в 1913 г. было переработано 4635 пудов пшеницы, 526 849 пудов ржи, около 32 млн. пудов картофеля и выработано спирта 9 908 324 ведра.[2]

Почти все винокуренные заводы находились в руках капитализировавшихся помещиков, которые получали огромные прибыли не только от реализации спирта, но также использовали переработанные продукты зерна и картофеля (огромное количество барды) для откорма скота и развития товарного молочного хозяйства.

Наряду с прибалтийскими, северными, промышленными (нечерноземными) и частью некоторых центральных губерний (Рязанской, Орловской, Тульской и Нижегородской) В. И.Ленин относил и белорусские (западные) губернии к такому району земледельческого капитализма России, в котором преобладающее значение имели не зерновые продукты, а продукты скотоводства. «Продуктивность скота, — писал В. И. Ленин, — получает здесь молочно-хозяйственное направление, и весь характер земледелия приспособляется к тому, чтобы получать возможно большее количество возможно более ценных рыночных продуктов этого рода».[3]

За период с 1901 по 1913 г. поголовье крупного рогатого скота в пяти белорусских губерниях увеличилось с 3 156 111 до 3 662 463 голов, что составило прирост за указанные годы на 506 352 головы.[4] Этот прирост происходил главным образом в капитализировавшихся помещичьих имениях и кулацких хозяйствах.

Во многих помещичьих имениях не только увеличились стада молочного скота, но и производилась переработка молочных продуктов на сыроваренных и маслодельных заводах. В

---

[1] См. «Сельское хозяйство России в XX веке». Сб. статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг., Изд. Наркомзема «Новая деревня», М., 1923, стр. 134—135 и 140.

[2] Подсчитано по таблице, приведенной в «Документах и материалах по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 84.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 222.

[4] Подсчитано по материалам «Ежегодников России» за 1911 г., Спб., 1912, отд. VII, стр. 80—81 и за 1913 г., Спб., 1914, стр. 45.

обзоре Минской губернии за 1901 г. отмечалось, что «помещики, содержащие скот лучшей породы, в большинстве случаев сами ведут молочное хозяйство, выделывая на устроенных для того сыроварнях голландские и шведские сыры и масла, которые сбывают частью в своей губернии, частью вывозят в другие губернии».[1]

Только в четырех уездах: Минском, Борисовском, Игуменском и Пинском Минской губернии доход от молочного хозяйства увеличился с 114,8 тыс. руб. в 1901 г. до 189 тыс. рублей в 1907 г.[2]

Владельцы тех имений, в которых хорошо поставлено молочное хозяйство, отмечалось в обзоре Могилевской губернии за 1903 г., получают большой доход от реализации молочных продуктов. Сыры и масло «большими партиями вывозятся в Москву, Киев, Одессу, Варшаву. По своему достоинству могилевские сыры считаются одними из лучших».[3]

В связи с развитием животноводства в Белоруссии наблюдался рост промышленных предприятий по обработке его продукции. Таких предприятий в белорусских губерниях в 1910 г. было 129, с количеством рабочих в них 3968, а в 1912 г.—143 предприятия, с количеством рабочих 4096.

Следует отметить, что указанная отрасль промышленности Белоруссии занимала значительный удельный вес среди подобных предприятий России. Например, в 1913 г. на территории всей России насчитывалось 807 предприятий по обработке животных продуктов, в том числе в Белоруссии—143. На указанных предприятиях России работало 55 736 рабочих, из них в Белоруссии—4037.[4]

Развитие торгового молочного скотоводства требовало улучшения породности скота, расширения посевов кормовых трав, введения многопольных севооборотов, применения улучшенных сельскохозяйственных орудий и машин для обработки пахоты и целого ряда других агротехнических мероприятий. Все это, в свою очередь, неоспоримо свидетельствовало о капиталистическом развитии земледелия.

Под посевами кормовых трав только в Витебской губернии в 1907 г. было занято 3857 десятин. Из них 603 десятины было засеяно викой и 3254 десятины—клевером. В 1901 г. кормовыми травами было засеяно 129 300 десятин, что составляло 3% всей посевной площади пяти белорусских губерний. В по-

---

[1] «Обзор Минской губернии» за 1901 г., Минск, 1902, стр. 6.
[2] Подсчитано по материалам обзоров Минской губернии за 1901 и 1907 годы.
[3] «Обзор Могилевской губернии» за 1903 г., Могилев, 1904, стр. 8.
[3] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 73.

мещичьих же имениях кормовые травы занимали 6,5% посевной площади.[1]

Перед началом первой мировой войны (1913 г.) посевная площадь в современных границах Белоруссии составляла 4541 тыс. гектаров. По отдельным культурам эта площадь распределялась следующим образом:

Таблица 6[2]

Культуры	Площадь посева		Валовая продукция в проц. ко всей сумме в неизменных ценах 1926/27 г.
	в тысячах гектаров	в % ко всей площади	
Зерновые	3635,0	80,0	57,0
Картофель . . .	392,4	13,1	21,3
Лен	106,0	2,3	11,6
Клевер	153,7	3,4	7,8
Прочие культуры . .	54,0	1,2	2,3

Посевы такой важнейшей технической культуры, как лен, непрерывно расширялись. Из года в год росла его урожайность, увеличивался валовой сбор льноволокна и льносемян. Могилевская губерния уже к 900-м годам занимала третье место по производству льна среди основных губерний льноводческой полосы России.[3] Общий сбор льноволокна по трем белорусским губерниям (Могилевской, Минской и Витебской) увеличился с 1540 тыс. пудов в 1901—1905 гг. до 2789 тыс. пудов—в 1913 г.[4] Сбор льноволокна с каждой десятины в 1913 г. достигал в Могилевской губернии 31,3 пуда и в Минской — 46,7 пуда, тогда как даже в льноводческих губерниях России (Тверской, Псковской и других), где эта культура занимала более высокий удельный вес в посевных площадях, сбор льноволокна не превышал 24,4—25,5 пудов с десятины.[5]

Одним из важных показателей проникновения капитализма в сельское хозяйство является внедрение в него улучшенных сельскохозяйственных орудий и машин. Приводимые ниже фактические данные показывают, что по насыщенности сельскохозяйственной техники Белоруссия уже к середине 90-х годов занимала одно из передовых мест среди ряда районов России.

[1] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 799.

[2] Таблица заимствована из книги «Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР», Изд. АН БССР, Минск, 1949, стр. 14.

[3] П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, Госиздат, 1952, стр. 492.

[4] Подсчитано по материалам сборника статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг. «Сельское хозяйство России в XX веке», Изд. Наркомзема «Новая деревня», М., 1923, стр. 174.

[5] См. «Сельское хозяйство России в XX веке». Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг., М., 1923, стр. 174.

В 1910 г. в помещичьих имениях Белоруссии насчитывалось 2840 усовершенствованных орудий для подъема почвы и 6248— для ее рыхления. Кроме того, в частновладельческих хозяйствах имелось 3985 сеялок, 3817 жатвенных машин, 17 146 разных молотилок (из них около 14 тыс. конных и более 500— паровых), 20 899 веялок, 2221 сенокосилка и почти 4 тыс. конных грабель.[1]

В работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» В. И. Ленин приводит следующие данные о распространенности улучшенных сельскохозяйственных орудий по отдельным районам России:

Таблица 7[2]

Районы	Процент показаний о широкой распространенности улучшенных с.-х. орудий	
	у владельцев	у крестьян
Центр. земледельч.	20—51	8—20
Средневолжский . .	18—66	14
Новороссийский . .	50—91	33—65
Белорусский . . .	54—86	17—41
Приозерный . . .	24—47	1—21
Подмосковный . . .	22—51	10—26
Промышленный . .	4—8	2

Из этой таблицы видно, что из семи перечисленных Лениным районов только Новороссийский район был впереди Белорусского по степени распространения улучшенных сельскохозяйственных орудий у помещиков и крестьян вместе взятых.

Наибольшее распространение улучшенных сельскохозяйственных орудий и машин было в Минской и Гродненской губерниях. В Могилевской же и в Витебской губерниях, где пережитки крепостничества были более сильными, сельскохозяйственные машины не находили широкого применения, а помещичьи хозяйства, за редким исключением, велись по трехпольной системе.

Отсталые помещичьи имения не выдерживали конкуренции на рынке и приходили в упадок. Владельцы таких хозяйств продавали принадлежавшее им движимое и недвижимое имущество, закладывали свои имения в банках. С 1877 по 1905 г. дворянское землевладение в общей земельной площади сократилось по Витебской губернии с 45,9% (1877 г.) до 32,1% (1905 г.). Соответственно по Могилевской губернии— с 51,1% до 34,2%. Сокращение дворянского землевладения, а

[1] См. «Статистика Российской империи». Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г., Изд. ЦСК МВД, Спб., 1913, стр. 4—5, 6—7, 18—19, 38—39, 40—41.

[2] См. В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 72.

также упадок отсталых помещичьих имений наблюдались и в других губерниях. Достаточно сказать, что число заложенных имений в банках по Минской губернии возросло с 763 в 1890 г. до 4666—в 1905 г.[1]

Развитие капитализма в земледелии сопровождалось разорением основных масс крестьянства и образованием многочисленной армии сельскохозяйственного пролетариата. Накануне первой мировой войны в Белоруссии насчитывалось более 200 тыс. сельскохозяйственных рабочих,[2] которые жестоко эксплуатировались помещиками и кулаками.

Положение сельскохозяйственных рабочих было исключительно тяжелым. Они работали по 12—15 часов в день, ютились в землянках, хлевах и амбарах и за свой изнурительный труд получали нищенскую заработную плату. Внедрение сельскохозяйственных машин в помещичьих имениях и кулацких хозяйствах не только не облегчало труд батраков, а наоборот, вело к дальнейшему обесценению рабочей силы, к удлинению рабочего дня, к замене труда взрослых сельскохозяйственных рабочих еще более дешевым трудом женщин и подростков.

В 1910 г. средняя заработная плата взрослого рабочего при скудных хозяйских харчах составляла в Виленской губернии 53, в Минской—55, Могилевской—59, Гродненской—60 и в Витебской—61 руб. за целый год. Годовая заработная плата работницы в тех же губерниях исчислялась суммой в 38—40 руб. Даже в разгар летних сельскохозяйственных работ средняя зарплата срочного работника не превышала 9 руб. в месяц, средняя же месячная зарплата работницы была 4 руб. 13 коп. в Могилевской губернии, 4 руб. 66 коп.—в Минской, 5 руб. 3 коп. — в Витебской, 5 руб. 50 коп. — в Виленской и 6 руб. 17 коп.—в Гродненской губернии.[3]

Поденные рабочие белорусских губерний получали еще более низкую заработную плату. Так, в 1901—1910 гг. взрослому рабочему в период весенних полевых работ в Минской губернии выплачивалось 36 коп. и во время уборки хлебов—47 коп. в день. За те же работы женщинам выплачивалось от 20 до 30 коп. в день.[4]

В помещичьих хозяйствах широко применялся почти даровой труд подростков. По сообщению газеты «Северо-Западная жизнь» в имении помещицы Копэць Игуменского уезда Минской губернии многие сельскохозяйственные работы выполнялись «почти исключительно поденщиками-подростками с пла-

---

[1] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 208—209.

[2] См. «Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР», Изд. АН БССР, Минск, 1949, стр. 21.

[3] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 212—213.

[4] Там же, стр. 218.

тою на своих харчах зимой 10—15 коп., весной 15—20 коп. и только в самую рабочую пору—летом—25 коп».[1]

Характеризуя невыносимо тяжелое положение сельскохозяйственных рабочих в Гродненской губернии, газета «Северо-Западный голос» сообщала в 1906 г., что семейные батраки за свой изнурительный труд получают у помещиков по 25, редко 30 руб. в год, а женский труд оплачивается еще ниже—18—20 руб. в год. Батраки проживают в тесных жилищах, зачастую по 2—3 семьи в одной комнатушке с земляным полом и скудным освещением. Батрак и его жена «полуголодные, оборванные, все время работают до полного истощения своих физических сил пока, наконец, болезнь или смерть не избавят их от вечной кабалы».[2]

В своем заявлении на имя минского губернатора работницы из имения Сенницы Минского уезда жаловались на притеснения помещика Турчинского, который заставлял их работать с 4 часов утра до позднего вечера, лишал выходных дней, а тех работниц, которые выражали протест, жестоко избивал. «От непосильной работы и переутомления, — говорилось в этом документе,—мы до того ослабели, что дальше не в состоянии переносить такой тяжелый физический труд, словом, мы поставлены в такое жалкое и печальное положение, что хуже, чем какие-либо животные».[3]

Уже в начале XX столетия капиталистический наем рабочей силы в помещичьих хозяйствах на территории Белоруссии преобладал, а количество батраков с каждым годом возрастало за счет разорения основных масс крестьянства.

Процесс капиталистического развития происходил и в крестьянском хозяйстве. В Белоруссии, как и во всей дореволюционной России, усиливалось расслоение крестьянства на классовые группы. Количество деревенской бедноты непрерывно увеличивалось за счет разорения середняков. В то же время происходило усиление экономической мощи кулачества, нажившегося на эксплуатации батраков и крестьянской бедноты, сосредоточившего в своих руках значительную часть надельных земель.

По отношению к общему количеству крестьянских дворов в 1888 г. в Белоруссии было 57% крестьян-бедняков, а в 1900 г. их число возросло до 61,9%.[4] В 1900 г. в пяти белорусских губерниях насчитывалось 839 270 крестьянских дворов, из которых 145 312 совершенно не имели лошадей, что составляло 17,3%[1]. В Гродненской губернии процент безлошадных достигал 25,9, в Минской—21,0 и Витебской—более 14%[1].

---

[1] «Северо-Западная жизнь» № 9 от 1 мая 1914 г.

[2] «Северо-Западный голос» № 117 за 1906 г.

[3] ГА Минской области, ф. 295, д. 11 099, л. 78.

[4] См. «Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР», Изд. АН БССР, Минск, 1949, стр. 17.

Из общего количества 693 959 крестьянских дворов, имевших лошадей, конское поголовье распределялось следующим образом: с 1 лошадью—374 470 крестьянских дворов, или 53,9%; с 2 лошадьми — 196 169 дворов, или 28,4%; с 3 лошадьми — 77 192 двора, или 11,1%; с 4—5 лошадьми—43 768 дворов, или 6,3%; имевших более 5 лошадей—6860 дворов, или 0,9%.[1] В то же время в Белоруссии насчитывалось около 4 тыс. наиболее крупных помещичьих и кулацких хозяйств, в которых имелось по 10 и более лошадей. У некоторых помещиков было по 100—200 лошадей и более.

Процесс классовой дифференциации в белорусской деревне еще более усилился в связи с проведением столыпинской аграрной реформы. Сущность этой реформы, проведенной указом 9 ноября 1906 г., ставшим после принятия его III Государственной думой законом 14 июня 1910 г., заключалась в стремлении царского правительства укрепить кулацкую верхушку в деревне, превратить ее в верную опору самодержавия.

По столыпинскому земельному закону крестьянам предлагалось взять свои наделы в личное пользование и выделиться из общины. Таким образом, общинное землепользование разрушалось. Выходящим из общины крестьянам царские власти выделяли лучшие земли и в одном месте (хутор, отруб). Кроме того, крестьянам было разрешено продавать свои наделы, чем и воспользовались кулаки, скупавшие за бесценок землю у разорявшейся крестьянской бедноты.

Характеризуя столыпинскую аграрную политику, В. И. Ленин указывал, что она была насквозь проникнута буржуазным духом, ускоряя создание крестьянской буржуазии, проводила «...насильственное разрушение общины и ускоренное разорение, истребление массы обнищавших хозяйчиков в пользу горстки кулаков».[2]

В Белоруссии столыпинская реформа была проведена более полно, чем в большинстве губерний Европейской России. Если за время проведения этой реформы по Европейской России выделилось на хутора около 10%, то в Белоруссии выделилось до 20% крестьянских хозяйств.[3]

В пяти белорусских губерниях только за 1907—1909 гг. уездными землеустроительными комиссиями были произведены землемерные работы по переводу на хутора и отруба 1908 крестьянских обществ и 33 189 крестьянских дворов с общим ко-

---

[1] Подсчитано по таблице военно-конской переписи, опубликованной в «Дакументах і матэрыялах па гісторыі Беларусі», т. II, Мінск, 1940, стар. 659.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 420.

[3] См. «Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР», 1949, стр. 16.

личеством земли—354 763 десятины.[1] Количество крестьянских дворов, перешедших к хуторскому и отрубному землепользованию, к 1915 г. доходило по Могилевской губернии до 15%, а по Витебской составляло более 26%.

В результате столыпинской реформы в деревнях появилась огромная масса разоренных и обнищавших крестьян. В. И. Ленин указывал, что «*хуторяне* имеются двух, совершенно различных разрядов... Один разряд хуторян, ничтожное меньшинство, это — зажиточные мужики, кулаки, которые и до нового землеустройства жили отлично...

Преобладает, и преобладает в громадных размерах, другой разряд хуторян—нищие, разоренные крестьяне, которые пошли на хутора от нужды, ибо им некуда деться... Они бьются на хуторах, как рыба об лед; они продают весь хлеб на то, чтобы собрать взнос в банк; они вечно в долгу; бедствуют отчаянно; живут как нищие; их *прогоняют* с хуторов за *невзнос платы,* и они превращаются окончательно в бездомных бродяг».[2]

Бедняцкие слои деревни, которые нужда заставляла выделяться на хутора, не имели возможности улучшить свои хозяйства. Они окончательно разорялись и вынуждены были продавать свои земли хуторянам-кулакам. О том, как происходило обезземеливание основных крестьянских масс и концентрация земельных массивов в руках кулацкой и зажиточной верхушки белорусской деревни, свидетельствуют следующие данные (см. табл. 8).

Из таблицы видно, что только за пятилетие (1909—1913 гг.) более 30 тыс. крестьян Белоруссии продали 120 661 десятину земли. При этом необходимо иметь в виду, что продавали землю преимущественно малоземельные крестьяне, находившиеся в крайней нужде. «Продает беднота, покупают богатеи,— указывал В. И. Ленин. — ...Без крайней нужды крестьянин не продаст землю».[3]

Огромное количество крестьян продавало землю вследствие полной своей пролетаризации, разрыва с земледелием, ухода на работу в промышленность. Значительная же часть крестьян продавала свои наделы, стремясь завести более крепкое хозяйство в другом месте, путем переселения в Сибирь и другие губернии. Но переселенцы, как это показано ниже, зачастую, окончательно разоряясь, возвращались обратно и попадали в кабалу к помещикам и кулакам.

В осуществлении столыпинской аграрной реформы и насаждении кулацких хозяйств важную роль играл Крестьянский поземельный банк. В 1906 г. этому банку было предоставлено

---

[1] Подсчитано по таблицам, приведенным в «Документах и материалах по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 668—669.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 163—164.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 259.

Сведения о продаже земель, находившихся в личной собственности крестьян и в подворном владении за 1909—1913 гг.

Таблица 8

Губернии	Годы	Число крестьян, продавших землю	Количество проданной земли в десятинах	Общая сумма, за которую была продана земля (в рублях)
Витебская	1909	765	4965	206 774[1]
	1910	1097	6647	361 269[2]
	1911	1201	7546	490 428[3]
	1912	1518	9093	703 303[4]
	1913	1621	9329	838 297[5]
ИТОГО по губернии		6202	37 580	1 889 071
Виленская	1909	519	2885	166 332[1]
	1910	505	2607	206 311[2]
	1911	635	3003	284 095[3]
	1912	845	4263	398 750[4]
	1913	901	4132	455 866[5]
ИТОГО по губернии		3405	16 890	1 511 354
Гродненская	1909	430	1767	122 256[1]
	1910	884	1791	593 251[2]
	1911	1217	1313	472 803[3]
	1912	1543	4936	695 708[4]
	1913	1590	5402	787 936[5]
ИТОГО по губернии		5664	15 209	2 671 954
Минская	1909	458	3312	122 108[1]
	1910	840	4065	312 509[2]
	1911	1082	4486	388 424[3]
	1912	1196	4678	426 344[4]
	1913	1692	6037	636 130[5]
ИТОГО по губернии		5268	22 378	1 885 515
Могилевская	1909	639	3392	124 618[1]
	1910	1665	1740	476 525[2]
	1911	2342	10 478	702 318[3]
	1912	2484	2388	896 132[4]
	1913	2380	10 606	1 037 284[5]
ИТОГО по губернии		9510	28 604	3 236 877
ВСЕГО по белорусским губерниям . .		30 049	120 661	11 194 771

Примечание. Таблица составлена по материалам сведений «О продажах, на основании закона 14 июня 1910 г., земель, укрепленных в личную собственность крестьян, а также состоящих в подворном владении» за 1909—1913 гг.

[1] ЦГИАЛ, ф. 1405, д. 53, л. 374. Сборник статистических сведений МЮ за 1909 г.

[2] Там же, д. 55, л. 385. Сб. стат. сведений МЮ за 1910 г.

[3] Там же, д. 57, л. 384. Сб. стат. сведений МЮ за 1911 г.

[4] Там же, д. 59, л. 336. Сб. стат. сведений МЮ за 1912.

[5] Там же, д. 61 л. 396. Сб. стат. сведений МЮ за 1913 г.

право покупки земли, независимо от размеров собственного капитала, а также разрешение предоставлять льготный кредит кулакам и зажиточным крестьянам, покупавшим землю для выхода на хутора или отруба.

За период с 1906 по 1915 г. через Крестьянский банк было продано 3257 помещичьих имений, общей площадью в 4326 тыс. десятин на сумму 465 млн. рублей. Общий земельный фонд этого банка за указанное десятилетие исчислялся в 6,4 млн. десятин стоимостью 578 млн. рублей.[1] Земельный фонд банка предназначался для насаждения и укрепления единоличных кулацких хозяйств. Сильно вздувая цены на земельные участки, банк лишал маломощных крестьян возможности приобрести землю. В то же время кулацким хозяйствам, покупавшим землю большими участками, банк выдавал долгосрочные кредиты на льготных условиях.

Продажа земли из фонда Крестьянского поземельного банка в 1907—1910 гг. в белорусских губерниях дала следующие результаты по категориям покупателей. Из 110 738 десятин всей проданной и запроданной банком земли было приобретено хуторянами 76 653 десятины, или 69,2%, отрубниками—15 882 десятины, или 14,3%, крестьянскими товариществами, т. е. наиболее зажиточными группами — 12 101 десятина, или 19,9%, а сельскими обществами приобретено всего лишь 2331 десятина, или 2,1%.[2] Остальная часть земли была продана за наличный расчет и с рассрочкой платежа различным лавочникам, мещанам и другим зажиточным элементам, располагавшим необходимыми капиталами для приобретения земли.

Наиболее высокий процент проданной хуторянам и отрубникам земли Крестьянским поземельным банком был в Минской и Могилевской губерниях. Так, в Минской губернии на хуторян приходилось 74,7% всей площади проданной банком земли и на отрубников—14,7%. Такое же примерно количество земли было приобретено хуторянами и отрубниками и в Могилевской губернии (73,7%—хуторянами, 8,6%—отрубниками). В единоличное владение хуторянами и отрубниками было приобретено преобладающее количество проданной банком земли и в других белорусских губерниях.

Все это подтверждает, что Крестьянский поземельный банк всемерно способствовал насаждению хуторского и отрубного землевладения, что, выдавая через него значительные ссуды на покупку земли и устройство хуторов, царское правительство

---

[1] П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, ОГИЗ, 1948, стр. 269.

[2] Подсчитано по таблице, приведенной в «Документах и материалах по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 642. В упомянутой таблице ошибочно указано количество всей проданной земли по Могилевской губернии. Вместо 174 429 десятин следует считать 17 429 десятин.

хотело сделать из кулаков «маленьких помещиков», верных защитников царизма, и тем самым расширить социальную базу дворянско-помещичьей диктатуры в стране.

Одним из составных элементов столыпинской аграрной политики являлось усиленное переселение крестьян из густонаселенных районов в Сибирь и другие малонаселенные местности России. Если за 1904—1905 гг. из белорусских губерний переселилось в Сибирь 2766 чел., то за последующие два года (1906—1907 гг.) число переселенцев увеличилось до 107 905 человек, что составило рост на 390%.[1]

За период с 1896 по 1916 г. включительно, из трех белорусских губерний (Могилевской, Минской и Витебской) переселилось, преимущественно в Сибирь, 457 221 человек.[2] Огромное количество крестьян переселялось также из других губерний Белоруссии. Например, только через станцию Челябинск за 1900—1907 гг. проследовало из Виленской губернии 20 059 переселенцев и Гродненской—7233.[3] За пятидесятилетие до победы Великой Октябрьской социалистической революции пределы Белоруссии покинуло 1387 тыс. человек взрослого населения, не считая детей.[4]

Проводя переселенческую политику, царское правительство прежде всего заботилось о том, чтобы ослабить аграрный кризис в центре страны, отвлечь внимание крестьян от помещичьей земли, притупить классовые противоречия между помещиками и крестьянами. Переселение происходило исключительно неорганизованно. Перевозка крестьянских семей производилась в необорудованных товарных вагонах, без всякой медицинской помощи, без выдачи какого бы то ни было питания. В результате, десятки тысяч переселенцев погибли в дороге от голода и эпидемий. Об устройстве переселенцев на новых местах царские власти не проявляли никакой заботы.

Переселившись на новые места в поисках лучшей жизни, многие крестьяне-переселенцы попадали в кабалу к местным кулакам и лесопромышленникам, не могли обзавестись собственным хозяйством и вынуждены были возвращаться обратно вконец разоренными и обнищавшими.

За время с 1896 по 1915 г. вернулось в Могилевскую губернию 25 456 переселенцев, в Минскую—13 073 и Витеб-

---

[1] Подсчитано по таблице, приведенной в «Документах и материалах по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 671.

[2] Подсчитано по материалам сборника статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг., составленного под ред. проф. Н. П. Огановского «Сельское хозяйство России в XX веке», Изд. Наркомзема «Новая деревня», М., 1923, стр. 38.

[3] Подсчитано по таблице, приведенной в «Документах и материалах по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 671.

[4] П. К. Панамарэнка, Аб аднаўленні пасяўных плошчаў і павышэнні ўраджайнасці ў калгасах Беларусі, ж. «Большэвік Беларусі» № 3, 1946, стар. 15.

скую—12 417. За тот же период в перечисленные губернии вернулось 129 740 ходоков.[1] Положение возвратившихся переселенцев было исключительно тяжелым. У них не оставалось ни земли, ни двора, которые были проданы еще до переселения, а вырученные деньги давно были истрачены в пути следования. Бывшие переселенцы шли наниматься в батраки или на поденные работы в помещичьи или кулацкие хозяйства, пополняли ряды безработных пролетариев в городах.

Следствием усилившегося классового расслоения крестьянства в условиях столыпинщины являлось разорение огромной массы крестьян, непрерывное увеличение деревенской бедноты и батрачества. Процент бедняцких дворов (безлошадных и однолошадных) увеличился в Белоруссии с 61,9 в 1900 г. до 67,6—в 1913.

Накануне первой мировой войны в Белоруссии насчитывалось почти 89% бедняков и середняков, которые владели только 66% общего количества лошадей и 51,7% посевной площади. Удельный вес бедняцких и середняцких хозяйств в сборе сельскохозяйственых культур был еще ниже. Так, например, в 1913 г. ими было собрано всего лишь 50,9% валовой продукции зерна и 47% валового сбора картофеля.

В то же время у 10,5% кулаков было сосредоточено более 25% всего поголовья лучших лошадей и 36,6% посевной площади. В кулацких хозяйствах производилось 37% валовой продукции зерна и почти 39% картофеля.

Помещичьи и кулацкие хозяйства вместе взятые составляли только 11,1% (из них помещичьи хозяйства—0,6%) к общему числу хозяйств, но владели они 34% лошадей, 48,3% посевной площади. В их хозяйствах производилось 49,1% валовой продукции зерна и 53% картофеля.[2]

Бедняцкие и середняцкие крестьянские хозяйства приходили все больше и больше в упадок. Количество безлошадных, безпосевных и безземельных дворов с каждым годом увеличивалось. Разорившиеся крестьяне искали выход в продаже своей рабочей силы, уходили на отхожие промыслы. В 1906 г. отхожим промыслом в Минской губернии было занято около 33 000 человек, а в 1913 г.—более 46 000. В Минской, Могилевской и Витебской губерниях за 1906—1910 гг. было выбрано паспортов сроком на один год—444 300. Таким образом, отход на заработки составлял 8,7% всего сельского населения указанных губерний.[3]

---

[1] Подсчитано по материалам сборника статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг. «Сельское хозяйство России в XX веке», под ред. проф. Н. П. Огановского, М., стр. 39.

[2] См. «Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР», Минск, 1949, стр. 17—18.

[3] «Белорусская Советская Социалистическая Республика», Изд. СНК БССР, 1927, стр. 123.

Из всех перечисленных фактических данных видно, что столыпинская аграрная политика усилила происходивший со времени реформы 1861 г. процесс развития капитализма в сельском хозяйстве. С переходом к хуторской системе кулакам удалось прибрать к своим рукам значительные земельные массивы за счет разорения бедняков. Подвергая жестокой эксплуатации батраков и бедняков, кулаки наживались на их труде, вели предпринимательское торговое хозяйство.

Столыпинская реформа еще более ухудшила положение бедняцко-середняцких слоев деревни и вместе с тем революционизировала их. Трудящееся крестьянство начинало понимать, что при господстве царизма ему не получить помещичьей земли, а для свержения царского самодержавия необходим союз рабочих и крестьян.

Таким образом, вопреки расчетам реакционных сил, столыпинская реформа не только не привела к укреплению царизма, а наоборот, ослабила его. Она расширила объективные предпосылки для укрепления революционного союза рабочего класса и крестьянства в борьбе за свержение господства царя и помещиков.

III. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛОРУССИИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Вместе с развитием капитализма и обострением присущих ему противоречий в Белоруссии развертывалось революционное движение трудящихся масс, которое было частью единого процесса революционной борьбы рабочего класса и крестьянства всей России. Рабочее движение повсеместно усиливалось, приобретая все более широкий размах и превращаясь в серьезную силу политической жизни страны. За пятилетие, с 1881 по 1886 г., в стране произошло более 48 стачек с 80 тыс. рабочих, а за период с 1895 по 1898 г. по всей России в забастовках участвовало не менее 221 тыс. рабочих.[1]

На основе роста революционного движения усиливалось распространение марксизма, начали создаваться первые марксистские кружки в России.

В 1883 г. Г. В. Плеханов организовал за границей первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда», которая проделала большую работу по распространению марксизма в России. Однако эта группа, как и марксистские кружки, существовавшие в тот период в России, не была еще связана практически с рабочим движением.

---

[1] См. П. Москатов, И. Баранов, Славный путь рабочего класса нашей Родины, Госполитиздат, 1953, стр. 30.

Неотложная и первостепенная задача,—соединение марксизма с рабочим движением в России,—была успешно разрешена В. И. Лениным.

По поручению русских марксистов В. И. Ленин выезжал в Швейцарию, где весной 1895 г. вел переговоры с руководителями группы «Освобождение труда» об издании популярных печатных сборников для рабочих. В результате инициативы и настойчивых требований В. И. Ленина тогда же было принято решение издавать за границей непериодический сборник под названием «Работник». Возвратившись 7 сентября 1896 г. в Россию, Ленин первоначально посетил Вильно, Москву и Орехово-Зуево, где установил связи с местными социал-демократическими организациями, договорился с ними о содействии изданию сборника, о систематической присылке корреспонденций для опубликования в сборнике, а также о поддержке его материальными средствами.

О результатах своей поездки в город Вильно В. И. Ленин в начале ноября 1895 г. писал: «Был прежде всего в Вильне. Беседовал с публикой о сборнике. Большинство согласно с мыслью о необходимости такого издания и обещают поддержку».[1] В. И. Ленин имеет здесь в виду подготовку издания сборника «Работник», который и выходил за границей в 1896—1899 гг. Всего вышло шесть номеров «Работника» в трех книгах и десять номеров «Листка «Работника».

В результате посещения В. И. Лениным города Вильно и проведенной им работы по укреплению местных марксистских организаций, в ряде городов Литвы и Белоруссии была создана широкая корреспондентская сеть, доставлявшая в редакцию сборника материалы о рабочем движении на местах. Так, в корреспонденциях из Минска, Витебска, Пинска, Сморгони, Бреста и других городов Белоруссии, опубликованных в «Листке «Работника» (№ 3—4 за 1897 г. и № 5 за 1898 г.), сообщалось о стачечном движении рабочих перечисленных городов, о частых арестах рабочих активистов, обвиняемых в революционной пропаганде и агитации среди рабочих, об их стойкости и мужестве.

В № 3—4 сборника «Работник» за 1897 г. на страницах 61—63 была опубликована обширная корреспонденция «Из Минска» в которой сообщалось, что на большинстве местных промышленных предприятий рабочий день продолжается по 16—18 часов и что капиталисты, при поддержке местных властей, заключили между собой соглашение не принимать на работу тех рабочих, которые участвовали в стачках. «Несмотря на столь сильные стеснения и преследования со стороны властей и хозяев,—говорилось в корреспонденции,—рабочие не

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 1.

перестают бороться за лучшую долю. Целым рядом стачек, имевших место за эти два года, они завоевали себе, за малыми исключениями, 12-часовой рабочий день и значительное повышение заработной платы».[1]

В корреспонденции из Гродненской губернии, опубликованной в «Листке «Работника» № 5 за 1898 г., сообщалось о мужественном поведении одного старого рабочего на допросе у полицмейстера. «Вы думаете добиться чего-нибудь арестами? — заявил этот рабочий,—нет, арестами ничего не достигнете. Разве будете меня держать всю жизнь в тюрьме, а то как только выйду, я буду первым бунтовщиком».

Будучи в Вильно, В. И. Ленин провел ряд бесед с местными социал-демократами о необходимости усиления на фабриках и заводах боевой, политической агитации, обличающей капиталистические порядки и произвол царского самодержавия. Эта агитация должна была помочь широким кругам рабочих усвоить важнейшие положения марксизма и осознать свои классовые, политические задачи. Проведенная В. И. Лениным организаторская работа имела огромное значение. Она способствовала общему подъему социал-демократического и рабочего движения в ряде городов страны, в том числе Литвы и Белоруссии.

Под влиянием созданного В. И. Лениным осенью 1895 г. петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» возникали марксистские группы и организации в ряде городов Белоруссии, осуществлявшие на практике соединение социализма с рабочим движением. Такие организации существовали в Минске, Витебске, Гомеле, Гродно и других городах Белоруссии. Они руководили забастовками, проводили рабочие собрания, издавали листовки и прокламации, распространяли марксистско-ленинскую литературу.

Весной 1896 г. среди рабочих города Сморгони членами марксистских организаций распространялась книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи,частной собственности и государства». В 1895—1896 гг. распространялись и изучались среди рабочих Гродненской губернии такие марксистские произведения, как «Анти-Дюринг», «Развитие социализма от утопии к науке» и «Манифест Коммунистической партии». Среди рабочих ряда городов Белоруссии широко распространялись и изучались ленинские произведения: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Новый аграрный закон», «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», «Задачи русских социал-демократов» и др. Эти работы В. И. Ленина полицейские в ряде случаев находили у рабочих при обысках. Например, брошюра

[1] «Работник», непериодический сборник, издание «Союза русских социал-демократов» № 3—4, Женева, 1897, стр. 62.

В. И. Ленина «Новый фабричный закон» была приложена к донесению витебского уездного исправника, которое было послано витебскому губернатору 18 ноября 1899 г. Она вместе с социал-демократическими прокламациями была найдена полицейскими при обыске у рабочих на строительстве Витебской льнопрядильной фабрики «Двина». На всех брошюрах и прокламациях отчетливо виден красный штемпель: «Витебский социал-демократический рабочий комитет».

Весьма важно отметить, что брошюра В. И. Ленина «Новый фабричный закон» распространялась среди рабочих Витебским социал-демократическим комитетом уже в ноябре 1899 г., т. е. вскоре после того, как она была напечатана в типографии «Союза русских социал-демократов» в Женеве группой «Освобождение труда». Этот факт свидетельствует о существовании в Витебске социал-демократической организации, которая уже в 1899 г., т. е. еще до выхода ленинской «Искры», пропагандировала произведения В. И. Ленина, руководствовалась его идеями.

Большую работу по распространению марксистских идей среди рабочих Белоруссии проводил в 90-е годы Феликс Эдмундович Дзержинский. В 1896—1897 гг. он неоднократно посещал белорусские города Ошмяны, Лиду, Минск и другие, внимательно изучал положение рабочих, вникал в их нужды, проводил беседы среди рабочих, призывал их к борьбе с капиталистами, помещиками и царским самодержавием. Дзержинский и в последующие годы поддерживал связь с социал-демократическими организациями, действовавшими на территории Белоруссии. Например, в 1901 г. при обыске у одного из руководителей Сморгонской социал-демократической организации было обнаружено письмо, приготовленное для отправки Ф. Э. Дзержинскому.[1]

В марте 1898 г. в Минске состоялся I съезд РСДРП, на котором присутствовало 9 делегатов: по одному делегату от «Союзов борьбы за особождение рабочего класса»—Петербургского, Московского, Екатеринославского и Киевского, 2 делегата от группы киевской «Рабочей газеты» и 3 делегата от Бунда. В. И. Ленин в то время находился в сибирской ссылке. Отсутствие Ленина отрицательно сказалось на работе съезда. Выпущенный съездом «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии» не отражал основных программных положений, выдвинутых Лениным в его произведениях. В этом документе ничего не говорилось о необходимости завоевания пролетариатом политической власти, о гегемонии пролетариата, о союзниках пролетариата в его борьбе против царизма и буржуазии. Хотя съезд и провозгласил создание Российской

---

[1] См. И. Лущицкий, К вопросу о распространении марксизма в Белоруссии, «Коммунист Белоруссии» № 12, 1953, стр. 70.

социал-демократической рабочей партии, но на деле партия в России тогда еще не была создана. «Марксистское движение в России после первого съезда попрежнему оставалась на стадии отдельных разрозненных социал-демократических кружков и групп, не связанных единством боевой марксистской программы и централизованной организации. Значительная часть социал-демократических кружков разъедалась при этом ржавчиной «экономизма» (оппортунизма), отрицавшего политическую борьбу рабочего класа и его руководящую роль».[1]

Понадобилась еще продолжительная и упорная работа В. И. Ленина и организованной им газеты «Искра», чтобы преодолеть сопротивление оппортунистов всех мастей и подготовить образование Российской социал-демократической рабочей партии.

Первый номер ленинской «Искры» вышел 11(24) декабря 1900 г. Появление этой газеты явилось важнейшим шагом в борьбе за создание подлинно революционной, марксистской партии нового типа. Эпиграф газеты «Из искры возгорится пламя», как и каждая ее строка, призывали трудящихся к революционной борьбе против царизма и капитализма, к победе революции.

Ленинская «Искра» на своих страницах систематически публиковала корреспонденции о революционном движении в Белоруссии, отмечала каждое важное событие рабочего движения в Минске, Витебске Гомеле, Гродно и в других белорусских городах, регулярно освещала деятельность местных партийных организаций. Так, в № 3 (апрель 1901 г.) «Искра» сообщала о политических выступлениях рабочих в Гродненской губернии. При этом газета подчеркивала, что лозунги «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!» становятся лозунгами широких рабочих масс. В № 6 (июль 1901 г.) «Искра» разоблачала зубатовскую политику, проводимую в Минске жандармским полковником Васильевым, который стремился под контролем жандармерии создать так называемую «Еврейскую независимую рабочую партию» и другие подобные «рабочие» организации, при помощи которых он надеялся отвлечь трудящихся от политической борьбы, подчинить рабочее движение царской охранке, направить его в русло узких экономических требований. Разоблачению деятельности зубатовцев в Минске было посвящено выступление «Искры» в октябре 1901 г.

Выступления ленинской «Искры» помогли минским рабочим распознать провокационную сущность зубатовских организаций и привели к тому, что вскоре, так называемая «Независимая еврейская рабочая партия» совершенно распалась и перестала существовать.

---

[1] «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953 гг.)», Тезисы отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. Госполитиздат, 1953, стр. 6.

В последующих номерах газеты за 1901 г. «Искра» сообщала о забастовке рабочих табачной фабрики и 150 кожевников в Витебске, 300 рабочих фанерной фабрики в Пинске, 1050 переплетчиков и 700 рабочих табачной фабрики в Гродно, о крупной стачке более 100 рабочих-кожевников в Сморгони, о политической демонстрации 700 рабочих в Витебске и т. д.

И в 1902—1903 гг. ленинская «Искра» уделяла большое внимание революционному движению на территории Белоруссии. В № 20 от 1 мая 1902 г. газета разоблачала преступную политику царизма, направленную на социальное и национальное угнетение белорусского населения. В подробной информации, опубликованной в мае 1903 г., сообщалось о деятельности социал-демократического комитета в Гомеле, оборудовавшего подпольную типографию, в которой было выпущено большое количество прокламаций и листовок. Кроме того, комитетом была организована политическая забастовка протеста против расстрела рабочих в Златоусте. «Достаточно было одной прокламации,—писала «Искра»,—чтобы более тысячи человек бросили работу, выражая свою солидарность с златоустскими рабочими». В корреспонденции из местечка Копысь Могилевской губернии, опубликованной в «Искре» № 50 от 15 октября 1903 г., сообщалось, что среди 1200 местных рабочих растет и крепнет революционное сознание, увеличился спрос на политическую литературу.

В Минске, Гомеле, Могилеве, Бобруйске, Пинске и других городах Белоруссии была создана разветвленная корреспондентская сеть ленинской «Искры». Корреспонденты не только снабжали газету сообщениями о революционных событиях на местах, но и распространяли «Искру» среди рабочих, пропагандировали ее идеи. Все это способствовало повышению сознательности и организованности рабочего класса Белоруссии, как и всей России, укрепляло веру рабочих в свои силы, сплачивало и закаляло их для дальнейшей борьбы против царизма и капиталистов.

Под руководством революционных социал-демократов, воспитанных на идеях ленинской «Искры», росло и ширилось революционное движение рабочих Белоруссии. За период с 1901 по 1903 г. в пяти белорусских губерниях было 116 забастовок. В них участвовало 6695 рабочих.[1]

Большое влияние на усиление революционного движения рабочих в Белоруссии оказала Ростовская стачка в ноябре 1902 г., которой руководил Донской комитет РСДРП. Как известно, стачка носила ярко выраженный политический характер и отличалась исключительной стойкостью рабочих. На ее

---

[1] Подсчитано по материалам «Сводов отчетов фабричных инспекторов» за 1901 г. (Спб., 1903, стр. 90—93), 1902 г. (Спб., 1904, стр. 88—91) и 1903 г. (Спб., 1906, стр. 96—99).

подавление царское правительство бросило регулярные войска, т. к. местные полицейские отряды не в силах были сломить сопротивление рабочих.

В знак солидарности с выступлением ростовского пролетариата бастовали в ноябре 1902 г. рабочие Гомеля. Могилевский губернатор в своем донесении в Департамент полиции сообщал, что прекратившие 28 ноября работу гомельские рабочие намеревались «...собраться на главных улицах города и устроить сочувственную ростовским рабочим демонстрацию, для чего имели выйти со знаменем и оказать полиции активное сопротивление, и даже вооруженное».[1] Чтобы не допустить проведения политической демонстрации рабочих, в Гомеле были приведены в боевую готовность все полицейские отряды, а также воинские части, силой разгонявшие малейшие скопления рабочих на улицах. В Минске, Гомеле и других городах Белоруссии в 1903 г. происходили первомайские политические забастовки. Во второй половине 1903 г. успешно провели забастовки рабочие в Борисове, Пинске, Гродно и Мозыре.

Подъем рабочего движения в стране оказал сильное влияние на крестьянство и вызвал дальнейшее нарастание аграрного движения. Крупные крестьянские волнения происходили весной и летом 1902 г. в Полтавской, Харьковской и Саратовской губерниях. Крестьяне поджигали помещичьи усадьбы, захватывали помещичью землю, травили луга и посевы.

Крестьянское движение повсеместно развертывалось и на территории Белоруссии. Оно выражалось в массовых отказах крестьян вносить арендную плату помещикам за пользование «отрезками», выплачивать подати и недоимки, а также в самовольных порубках помещичьих лесов и потравах помещичьих лугов. В белорусских губерниях, по далеко неполным данным, в 1900—1904 гг. имели место до 30 крупных крестьянских выступлений, направленных против остатков крепостничества и гнета помещиков.[2]

Борьба крестьян против помещиков зачастую приобретала весьма обостренный характер. Дело доходило вплоть до вооруженных столкновений с полицией и даже регулярными войсками. Так, в октябре 1900 г. крестьяне деревень Притыкино, Замошье и других Мстиславского уезда силой прогнали исправника, станового пристава и отряд полицейских, пытавшихся отнять у крестьян «отрезки» и подтвердить «право» помещика Салтыкова на эти земли. Вооружившись кольями, цепами, топорами и лопатами, крестьяне избили нескольких полицейских, а остальных обратили в бегство. В выступлении прини-

---

[1] ЦГИА, ф. ДП 00, д. 4, лит. «В», л. 11.
[2] «История БССР», т. I, Минск, 1954, стр. 354.

мали участие до 500 крестьян. На их усмирение был вызван батальон регулярных войск.[1]

В августе 1901 г. «Искра» сообщала о массовом выступлении крестьян в Ошмянском уезде Виленской губернии. В выступлении участвовало до 3 тыс. крестьян из шести волостей. Они запретили землемерам производить размежевание земель и силой прогнали полицейских (до 100 человек), пытавшихся привести крестьян к повиновению. Выступление крестьян было подавлено при помощи батальона солдат и двух сотен казаков. Кроме ареста 5 «зачинщиков» и административной высылки 20 крестьян в Сибирь, остальная масса «бунтовщиков» была наказана тем, сообщала газета «Искра», что «в бунтовавших деревнях по избам расквартировали две роты солдат,.. что означает полное разорение крестьян, так как они должны давать солдатам полное содержание».[2]

Несмотря на жестокие репрессивные меры царского правительства, крестьянское движение продолжало нарастать. В 1901 г. крестьяне Ошмянского уезда захватили часть земли, принадлежавшей помещику Бутеневу-Хребтовичу. В том же году крестьяне Вогинской волости Дисненского уезда оказали сопротивление полиции при проведении отграничения земель. Выступления крестьян против помещиков и полицейских властей были также в Брестском, Гомельском, Мстиславском, Борисовском и других уездах. В борьбе с помещиками крестьяне нередко прибегали и к такому средству, как поджог имений.

Основной причиной крестьянских выступлений была та полукрепостническая кабала, которая являлась результатом сохранения в руках помещиков огромного количества земли. Однако выступления крестьян тогда еще носили разрозненный стихийный характер. Крестьяне не понимали, что получить землю и уничтожить гнет помещиков можно только путем свержения царизма.

* * *

Нараставшее в стране революционное движение с особой силой выдвигало неотложную задачу создания марксистской партии в России, способной возглавить борьбу рабочих и крестьян против царского самодержавия, помещиков и капиталистов.

В этих целях летом 1903 г. за границей (Брюссель—Лондон) собрался II съезд РСДРП. Его историческое значение заключается прежде всего в том, что «...он создал в России действи-

---

[1] ЦГИА, ф. ДП, 3 д-во, д. I, ч. 61, л. 7—8. Донесение могилевского губернатора управляющему министерства внутренних дел от 10 октября 1900 г.

[2] Газета «Искра» № 7, август 1901 г.

тельную марксистскую партию на тех идейных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны ленинской «Искрой». Съезд впервые в истории международного рабочего движения, после смерти Маркса и Энгельса принял революционную программу, в которой выдвигалась как основная задача—борьба за диктатуру пролетариата».[1]

После II съезда РСДРП стали оформляться и быстро расти социал-демократические организации в Минске, Гомеле, Витебске, Бобруйске и других городах Белоруссии. Уже осенью 1903 г. развернула активную революционную работу в массах Минская группа РСДРП. В начале марта 1904 г. эта группа окончательно оформилась как организация, твердо стоявшая на большевистских позициях.

Один из организаторов Минской большевистской группы РСДРП Е. Я. Беленький в своих воспоминаниях «К истории Минской организации РСДРП(б) в 1903—1905 гг.» отмечает, что «Минская организация в основном состояла из рабочих, которые уже имели практическую революционную подготовку в смысле партийной дисциплины, конспирации и выдержки. Это здоровое ядро дало устойчивость большевистской позиции, которую Минская организация выдержала во время острой фракционной борьбы с меньшевиками, а также способствовало правильному подходу и постановке партийной работы и организации».[2]

Минская группа РСДРП имела прочные связи с рабочими важнейших промышленных предприятий города и железнодорожного узла, успешно организовала ряд забастовок, что еще больше усилило влияние и авторитет группы среди рабочих, продолжавших именовать эту группу по названию ленинской «Искры»,—«Искровской организацией».

«Нередки были случаи,—пишет в своих воспоминаниях тов. Беленький,—когда та или другая мастерская, не имевшая еще связи с партией, разыскивала «Искровскую организацию» через кого-нибудь из своих рабочих для сообщения, что мастер-

---

[1] «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953 гг.)», Тезисы отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, Госполитиздат, 1953, стр. 5.

[2] Е. Беленький, К истории Минской организации РСДРП(б) в 1903—1905 гг., журнал «Пролетарская революция» № 8 (43), 1925, стр. 67. Воспоминания о деятельности большевистской организации в Минске опубликованы в трех номерах журнала «Пролетарская революция» № 11 (34), стр. 196—202 за 1924 г.; № 8 (43) стр. 65—98 и № 12 (47), стр. 138—164 за 1925 г.

Тов. **Беленький** Ефим Яковлевич родился в 1875 г., член КПСС с 1898 г. На протяжении ряда лет проводил революционную работу в Белоруссии. Был одним из организаторов Минской большевистской группы РСДРП. Работал секретарем Минского, а затем Могилевского комитетов РСДРП. За участие в революционной работе неоднократно подвергался аресту. Многие годы провел в тюрьмах и сибирской ссылке. (См. «Коммунист Белоруссии» № 8, 1955, стр. 57).

ская решила устроить забастовку, и что рабочие желают, чтобы забастовкой руководила «Искровская организация». После предварительных переговоров с представителями рабочих организаций созывалось общее собрание рабочих, на котором выяснялись условия труда и вырабатывались основные требования, которые должны были предъявляться предпринимателю. На этом же собрании выбиралась стачечная комиссия, которая вместе с представителем организации руководила забастовкой».[1]

Большую работу проводила Минская группа РСДРП по распространению прокламаций и листовок, которые печатались в подпольной типографии, а также по распространению среди рабочих революционной литературы. Минское губернское жандармское управление доносило в Департамент полиции о том, что 21 сентября 1904 г. полиция напала на след Минской группы РСДРП, установив местонахождение ее нелегальных изданий.[2] Однако большинству членов этой организации удалось избежать ареста.

В период первой русской буржуазно-демократической революции Минская большевистская группа наладила прочные связи с рабочими большинства предприятий города и железнодорожниками Минского узла, проводила огромную работу по руководству революционной борьбой местного пролетариата, вела непримиримую борьбу против меньшевиков и бундовцев. Твердо стоя на большевистских позициях, группа решительно высказалась за немедленный созыв III съезда партии, приветствовала выход большевистской газеты «Вперед» и выразила недоверие Центральному Комитету, которым после II съезда РСДРП незаконно завладели меньшевики.

В резолюции, принятой Минской группой РСДРП 26 января 1905 г., говорилось: «Разделяя организационные принципы партийного большинства, мы приветствуем появление органа «Вперед», на страницах которого «большинство» получит, наконец, возможность защищать и развивать эти принципы.

Считая, что внутрипартийная политика ЦК ...ведет к еще большему хаосу и разброду, мы выражаем ЦК свою несолидарность с его политикой и высказываемся за немедленный созыв Третьего съезда».

В результате длительной и упорной борьбы с оппортунистами к концу 1903 г. одержали победу революционные элементы в Гомеле, восстановившие деятельность Гомельской группы РСДРП. В специальной листовке, выпущенной этой группой в конце 1903 г., подчеркивалось, что Гомельская со-

---

[1] Е. Беленький, К истории Минской организации РСДРП(б) в 1903—1905 гг., журнал «Пролетарская революция» № 8 (43), 1925, стр. 69

[2] ЦГИА, ф. ДП, VП д-во, д. 2840, л. I, 1904.

[3] Газета «Вперед» № 7 от 8 февраля 1905 г.

циал-демократическая группа является одной из частей Российской социал-демократической рабочей партии, что «совершенно достаточно и ясно определяет направление и характер деятельности группы». Далее в листовке указывалось, что «Гомельская социал-демократическая группа ставит своей задачей раскрывать перед народом всю ту ложь и лицемерие, произвол и насилие, на которых исключительно держится царский деспотизм в настоящее время в России; она считает вместе с тем своей обязанностью вести активную борьбу со всевозможными проявлениями этого деспотизма в Гомеле.»[1]

В конце 1903 г. была организована Бобруйская группа РСДРП, вскоре установившая связь с минскими социал-демократами. Эта группа стояла на большевистских позициях. Она высказалась за созыв III съезда РСДРП, выпускала революционные прокламации, руководила стачками рабочих. В прокламации, обращенной к рабочим медно-железного и чугунолитейного заводов (1904 г.) подчеркивалось, что самодержавное правительство—заклятый враг трудящихся и его необходимо свергнуть объединенными усилиями рабочих и крестьян. «Покуда власть не будет в ваших руках,—говорилось в прокламации, — до тех пор разные темные силы будут угнетать вас».[2]

Социал-демократические группы в 1903—1904 гг. были организованы в Могилеве, Бресте, Орше, Полоцке, Слуцке, Борисове, Пинске, Шклове, Лоеве, Чечерске, Корме и в ряде других городов и местечек Белоруссии.

В январе 1904 г. был организован Полесский, а в марте—Северо-Западный социал-демократические комитеты, объединявшие местные группы РСДРП на территории Белоруссии.

Полесский комитет РСДРП к концу 1904 г. объединял социал-демократические группы Гомеля, Могилева, Орши, Шклова, Чечерска, Кормы и других местностей Могилевской губернии, а также городов Новозыбкова, Клинцов—Черниговской губернии, Речицы и Мозыря—Минской губернии и города Ромны—Полтавской губернии. Одним из организаторов Полесского комитета РСДРП был М. К. Владимиров,[3] направленный для организаторской работы в г. Гомель В. И. Лениным.

---

[1] КП(б)Б в резолюциях, ч. I, Минск, 1934, стр. 14.

[2] «Документы и материалы по истории Белоруссии»,т. III, Минск, 1953, стр. 357.

[3] **Владимиров** Мирон Константинович родился в 1879 г. в Херсоне в семье мелкого сельского арендатора. С 17-летнего возраста начал участвовать в революционном движении. В 1902 г. он выехал за границу, где вступил в бернскую группу «Искры». В мае 1903 г. Владимиров был направлен В. И. Лениным для революционной работы в Россию. Приехав в Гомель, М. К. Владимиров стал одним из организаторов Полесского комитета РСДРП, от которого он и был избран делегатом на III съезд партии, происходивший в апреле 1905 г. в Лондоне. Возвратившись со съезда, Владимиров продолжал революционную работу в Полесской организации РСДРП. В 1906 г. он был арестован и отправлен

Северо-Западный комитет РСДРП объединял Виленскую социал-демократическую группу, насчитывавшую 120 организованных рабочих и около 300 сочувствующих, Сморгонскую рабочую организацию—175 членов, Минскую группу—150 членов и 200 сочувствующих, Бобруйскую—150 членов, Витебскую—180 членов и около 150 сочувствующих, Невельскую — 35, Велижскую—25 и Двинскую—25 организованных рабочих. Таким образом, Северо-Западный комитет РСДРП объединял свыше 1500 организованных членов и сочувствующих.[1] Северо-Западный комитет имел связи с социал-демократическими организациями Ковно, Борисова, Полоцка, Слуцка и других городов. Комитетом проводилась большая работа по изданию и распространению агитационной литературы и прокламаций. Только в 1904 г. в подпольной типографии комитета было напечатано 55 тыс. экземпляров различных прокламаций. Центральным Комитетом партии Полесский и Северо-Западный комитеты РСДРП были «утверждены лишь к 1-му апреля 1905 года».[2]

Внутри социал-демократических организаций, входивших в Полесский и Северо-Западный комитеты, происходила ожесточенная борьба между большевиками и меньшевиками по всем стратегическим и тактическим вопросам революционного движения. Проникшие в состав Северо-Западного комитета РСДРП оппортунистические элементы старались препятствовать созыву III съезда партии. Когда же это им не удалось, они стали добиваться отзыва делегата Северо-Западного комитета со съезда, а также непризнания решений последнего.

В извещении меньшевиков о созыве Женевской меньшевистской конференции, происходившей одновремено с III съездом партии, была выдвинута лживая версия о том, что якобы Северо-Западный комитет отзывал своего делегата со съезда. Это клеветническое утверждение меньщевиков было опровергнуто специальным заявлением Северо-Западного комитета 5 июня 1905 г. Тогда же комитет по докладу своего делегата об итогах работы III съезда принял резолюцию, одобряющую все решения III съезда РСДРП, а также утвержденный им новый Устав партии.[3]

Ожесточенная борьба между большевиками и меньшеви-

в ссылку, откуда ему в 1908 г. удалось бежать за границу. В годы реакции был примиренцем, а затем входил в группу «межрайонцев», которая состояла из троцкистов-меньшевиков и части бывших большевиков, отколовшихся от партии. В 1917 г. вместе с другими «межрайонцами» был принят в ряды большевистской партии. В последующий период он находился на ответственных постах наркоматов Украины и СССР. Избирался членом ЦИК и ВЦИК, а также кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Умер М. К. Владимиров в марте 1925 г.

[1] См. «КП(б)Б у рэвалюцыях», Мінск, 1934, ч. I, стар. 247.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 199.

[3] «Пролетарий» № 7 от 27 июня 1905 г.

ками по коренным вопросам революции происходила на I съезде организаций РСДРП Полесского района. Этот съезд был созван в Гомеле в середине мая 1905 г. по инициативе Полесского Комитета с целью установления непосредственной организационной связи между организациями РСДРП Полесского района и большевистским Центральным Комитетом, избранным III съездом партии.

Присутствовавшие на съезде меньшевики оспаривали «юридическую законность» III съезда РСДРП и принятых им решений, а также старались протащить свои оппортунистические установки. Они высказывались против самостоятельной и независимой тактики партии пролетариата по отношению к либерально-буржуазным партиям, против ведущей и организующей роли партии в рабочем движении, против гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, против союза рабочего класса с крестьянством. Меньшевики утверждали, что главная задача состоит в том, чтобы рабочий класс своей революционностью не отпугнул либеральную буржуазию и не дал ей повода отшатнуться от революции. Ибо, говорили они, если либеральная буржуазия отойдет от революции, то тем самым революция будет ослаблена.

Своими разглагольствованиями о «революционности буржуазии» и «раскольнических действиях большевиков» меньшевики надеялись повлиять на наименее сознательную часть участников съезда и протащить свои оппортунистические установки. Для этого они хотели воспользоваться благоприятным для них стечением обстоятельств — отсутствием представителя Центрального Комитета партии на съезде. В. И. Ленин в своем письме членам ЦК, посланном 11 июля 1905 г., отмечал сложность борьбы большевиков против меньшевиков на этом съезде и выражал недовольство тем, что не был послан представитель ЦК на съезд организаций РСДРП Полесского района. «...в Полесье на съезде,—писал В. И. Ленин,—никого не было. Скандал. Они чуть не отпали!»[1]

Следует отметить, что меньшевикам удалось при помощи различных махинаций протащить в резолюции съезда организаций РСДРП Полесского района некоторые свои пункты. Однако в результате непримиримой борьбы, большевики добились принятия решения о необходимости подчинения полесских организаций РСДРП центральным учреждениям, избранным III съездом партии, а также одобрения Устава партии с ленинской формулировкой его первого параграфа.[2]

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 269.

[2] См. газету «Пролетарий» № 8 от 4(17) июля 1905 г. Кроме большевистской газеты «Пролетарий», отчет о съезде полесских организаций (Гомельской, Клинцовской, Оршанской, Новозыбковской, Могилевской и др.) был напечатан в № 3 «Летучего листка ЦК РСДРП» от 22 июля (4 августа) 1905 г.

Победа, одержанная большевиками на съезде организаций РСДРП Полесского района, имела огромное значение для последующей революционной деятельности местных партийных организаций. Она также способствовала организационному укреплению Полесского комитета РСДРП, который после съезда твердо стоял на большевистских позициях.

Борьба большевиков за влияние на массы в условиях Белоруссии усложнялась тем, что здесь, кроме меньшевиков и эсеров, действовали такие враждебные националистические организации, как «Белорусская социалистическая громада» («БСГ») и в особенности Бунд. Они умышленно разжигали национальную вражду среди рабочих, отвлекали их от революционной борьбы, проповедывали «классовый мир» с буржуазией. Особой активностью в этой враждебной деятельности отличались бундовцы.

Бунд, или так называемый «Всеобщий еврейский социал-демократический союз», был образован на своем I учредительном съезде, происходившем в октябре 1897 г. в г. Вильно. Представители Бунда принимали участие в работах I съезда РСДРП. Тогда же Бунд вошел в РСДРП «как автономная организация, самостоятельная в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата».[1]

Не удовлетворившись этим решением, Бунд на своем IV съезде в апреле 1901 г. высказался за отмену даже тех организационных взаимоотношений с партией, которые были провозглашены I съездом РСДРП, и выдвинул требование федеративного принципа построения партии, т. е. принципа национального разделения пролетариата. С момента своего возникновения, Бунд являлся мелкобуржуазной, явно оппортунистической, замкнутой националистической партией, представлявшей собой агентуру буржуазии в рядах рабочего класса.

На всем протяжении своего существования Бунд вел ожесточенную борьбу против марксизма-ленинизма, против большевистской партии и социалистической революции. Характеризуя насаждаемые Бундом организации, В. И. Ленин в сентябре 1905 г. писал, что они являются отражением «...*мещанства* в социал-демократии, мещанства в смысле пошлости, золотой середины, бесцветности, общих мест, посредственности (чем всегда был Бунд, игравший роль идейного паразита, как известно, и в1897—1900 гг., и в 1901—1903 гг., и в 1904 г., и теперь в 1905 г.)».[2]

В целях ослабления единства пролетариата бундовцы добивались отчуждения еврейских рабочих от общего революционного движения в России, клеветнически утверждая, что якобы

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7, стр. 14.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 269.

российский пролетариат не заинтересован в освобождении еврейских народных масс от национального гнета, что якобы еврейские рабочие имеют свои специфические задачи, коренным образом отличающиеся от задач пролетариата других национальностей.

Противопоставляя интересы еврейских рабочих интересам рабочих других национальностей, Бунд на II съезде РСДРП добивался признания федеративного принципа построения партии и требовал, чтобы его признали единственным представителем еврейских рабочих в России. На деле это означало разобщение рабочих в партийных организациях по национальному признаку, а следовательно, раздробление и ослабление сил борющегося пролетариата, забвение принципов пролетарского интернационализма, отказ от единых классовых организаций пролетариата. По предложению В. И. Ленина II съезд РСДРП решительно отверг бундовский организационный национализм, после чего бундовцы ушли со съезда.

Разоблачая бундовцев и решительно отстаивая боевое единство, интернационализм и централизм пролетарской партии, В. И. Ленин в начале 1903 г. писал: «...в вопросах борьбы с самодержавием, борьбы с буржуазией всей России мы должны выступать как единая, централизованная, боевая организация, мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности, сплоченный совместным постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов, а не создавать отдельно идущих, каждая своим путем, организаций, не ослаблять силы своего натиска дроблением на многочисленные самостоятельные политические партии, не вносить отчужденность и обособленность...»[1]

Став на путь обособления, сепаратизма и федерализма, искусственно противопоставляя интересы еврейских рабочих интересам рабочих других национальностей, Бунд, по определению В. И. Ленина, «посеял среди еврейских рабочих идеи, ведущие к *затемнению* их классового сознания».[2]

Особенно большой вред причинили бундовцы революционному движению на территории Белоруссии, где они имели значительное количество своих организаций. Внушая еврейским рабочим недоверие к российскому пролетарскому движению и общепартийному руководству, бундовцы стремились раздробить и разобщить силы борющегося пролетариата и тем самым способствовали ослаблению революционной борьбы против царизма и капитализма.

Значительно активизировали свою враждебную деятельность и белорусские буржуазные националисты. Они в 1902 г. создали буржуазно-националистическую организацию, так на-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 299—300.
[2] Там же, стр. 299.

зываемую «Белорусскую революционную громаду», которая преимущественно состояла из белорусских буржуазных интеллигентов и находила активную поддержку среди местных помещиков и капиталистов. В целях маскировки своей антинародной деятельности белорусские буржуазные националисты переименовали в 1903 г. свою организацию, назвав ее «Белорусской социалистической громадой», хотя ни грана социалистического в ней не было.

«Громада» проповедывала обособленность белорусского народа от русского революционного рабочего класса, всячески стремилась затемнить классовое сознание пролетариата и трудового крестьянства Белоруссии, преследовала цель разъединить рабочих и других трудящихся, населяющих Белоруссию, по национальному признаку, чтобы подчинить их господству буржуазии.

Ориентируясь на капиталистические страны Запада, белорусские буржуазные националисты идеализировали феодально-крепостническую эпоху в Белоруссии, оправдывали и приукрашивали господство литовско-польских угнетателей над белорусским народом, называя «золотым веком» XIV—XVI столетия, когда белорусский народ был насильственно оторван от братского русского народа и переносил тяжелейший гнет сначала литовских, а затем польских панов.

В основе программы и практической деятельности белорусских буржуазных националистов был курс на соглашение с буржуазией и помещиками, отрицание необходимости революционной классовой борьбы, проповедь отторжения Белоруссии от России и превращение ее (под видом «независимости») в колонию западноевропейских капиталистических государств.

Белорусские буржуазные националисты умышленно игнорировали тот факт, что даже в условиях господства царизма экономическое и политическое единство белорусского народа с великим русским народом имело весьма прогрессивное значение. Отторжение Белоруссии от России, чего добивались буржуазные националисты, неминуемо поставило бы ее в зависимое, колониальное положение от западно-европейского империализма.

В связи с вышеуказанным, уместно напомнить, что такие соседи Белоруссии, как Польша, Литва, Латвия и Эстония, которые после первой мировой войны, в силу известных причин, порвали экономическое и политическое единство с Советской Россией,—впоследствии оказались в гораздо худшем положении, чем в тот период, когда они входили в состав царской России.

Например, с самого начала существования буржуазно-помещичьей Польши иностранный капитал захватил там все основные экономические позиции. Уже в 1927 г. американский капитал установил свой контроль над хозяйственной жизнью

Польши, подчинив себе Государственный банк и всю кредитную систему страны. К концу 1937 г. в панской Польше насчитывалось 1414 акционерных товариществ, в которых иностранный капитал играл решающую роль. В производстве электроэнергии в панской Польше доля иностранного капитала составляла 83,4%, в нефтяной промышленности—85,6%, в горнометаллургической—56,8%, электротехнической—55,3% и в химической—49,2%.[1]

После искусственного разрыва исторически сложившихся экономических связей с Россией экономика Латвии, Литвы и Эстонии (в период господства там буржуазной диктатуры) находилась в полной зависимости от империалистических государств, в первую очередь США, Германии и Англии. Иностранный капитал проникал во все отрасли экономики Латвии, Литвы и Эстонии. При помощи местной буржуазии он подвергал трудящихся этих стран нещадной эксплуатации, превращал их в своих колониальных рабов.

Именно такого же подневольного положения для белорусского народа добивались его злейшие враги—буржуазные националисты. Предательство коренных интересов трудящихся, прислужничество перед буржуазией и помещиками белорусские буржуазные националисты старались прикрыть фальшиво-национальным флагом, всевозможной болтовней о «национальном освобождении» и защите «национальной культуры» белорусского народа.

Трудящиеся массы Белоруссии давали решительный отпор буржуазным националистам. Белорусские националисты, выражавшие интересы эксплуататорских классов и прежде всего кулачества, никогда не имели опоры среди рабочих и трудового крестьянства. Большевики Белоруссии вели непримиримую борьбу против всякого рода буржуазных националистов, воспитывали трудящихся в духе пролетарского интернационализма. Особое внимание революционные социал-демократические организации на территории Белоруссии уделяли разоблачению враждебной деятельности бундовцев.

Уже в таком документе, как «Извещение об образовании Северо-Западного комитета», выпущенном отдельной листовкой в мае 1904 г., дана резкая критика оппортунистической политики Бунда, который «в своем стремлении всосать в свою организацию все оппортунистические элементы еврейства» фактически растворился в массе «еврейской интеллигенции и полуинтеллигенции, нахлынувшей в ряды организаций Бунда», пропитался ядом буржуазного национализма, изменил делу

---

[1] См. Ц. Гарбуноў, Уз'еднанне беларускага народа ў адзінай Савецкай сацыялістычнай дзяржаве, другое выданне, Мінск, 1952, стар. 141.

революционного марксизма, распродав социал-демократические принципы «за чечевичную похлебку».[1]

Северо-Западный комитет целиком и полностью одобрил резолюцию II съезда РСДРП «О месте Бунда в партии», в которой решительно отвергалась, как безусловно недопустимая в принципе, всякая возможность федеративных отношений между РСДРП и Бундом. Второй съезд РСДРП, говорилось в Извещении об образовании Северо-Западного комитета, «после обсуждения и принятия (вместе с делегатами от Бунда) партийной программы не мог не поставить в первую голову, приступая к организационному вопросу, вопрос об отношении Бунда к партии. В виду выработанного на 5 съезде Бунда проекта федеративной организации мог ли партийный съезд допустить, не нарушая элементарной логики, чтобы организация, решающая автономно свой внутренний распорядок, имела свой голос в обсуждении внутреннего распорядка другой организации, с которой она желает вступить в связь только на федеративных началах».[2]

В этом же документе Северо-Западный комитет отмечал, что выход Бунда из партии не был случайным, что это обусловлено всей предыдущей оппортунистической практикой Бунда, отказавшегося вести совместную революционную борьбу под знаменем Российской социал-демократии, стремившегося разорвать «организационную связь между русским и еврейским пролетариатом», подменявшего пролетарскую национальную политику политикой буржуазной.

Северо-Западный комитет обязывал партийные организации вести непримиримую борьбу с бундовцами, разоблачать их перед рабочими, воспитывая трудящихся в духе пролетарского интернационализма. «Только дружными объединенными усилиями,—говорилось в заключительной части этого документа,—пролетариат может получить максимум того, что ему может дать грядущая революция».[3]

Непримиримую борьбу с бундовцами вели также и другие организации РСДРП. «С самого начала оформления нашей организации,—пишет в своих воспоминаниях Е. Я. Беленький,—партийная работа в Минске пошла по двум направлениям: с одной стороны, борьбы с Бундом за влияние на еврейскую рабочую массу и за отвоевание этой массы от Бунда, а с другой — на завязывание связей с русскими рабочими городских фабрично-заводских предприятий и железных дорог».[4]

---

[1] См. «КП(б)Б у рэзалюцыях», ч. I, Мінск, 1934, стар. 17.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 19.

[4] Е. Беленький, Воспоминания о большевистской организации в Минске в 1903 году, «Пролетарская революция» № 11 (34), 1924, стр. 200.

После второго съезда партии Минская группа РСДРП провела ряд собраний рабочих, где обсуждались итоги работы съезда. Особое внимание на этих собраниях уделялось разоблачению политики меньшевиков и бундовцев. В своих выступлениях на этих собраниях рабочие одобряли линию большевиков и резко осуждали поведение оппортунистов. В воспоминаниях тов. Беленького отмечаются такие факты, когда на одном из собраний рабочих, где обсуждался вопрос «О выходе Бунда из партии», 18 рабочих выразили свою солидарность с большевиками и только 3 человека воздержались.

В результате проведенной разъяснительной работы об итогах II съезда партии около 40 еврейских рабочих вышли из Бунда и обратились в Минскую организацию РСДРП с просьбой о принятии их в свои ряды.[1]

О непримиримой борьбе большевиков с бундовцами в Бобруйске рассказывает в своих воспоминаниях старый большевик Ф. В. Симончик.[2] «Наша социал-демократическая группа, возникшая в 1903 году,—пишет тов. Симончик,—поставила себе задачу—расширить свои ряды за счет передовых рабочих, привлечь на свою сторону широкие массы населения, вырвать из-под влияния Бунда еврейских рабочих и служащих. В результате упорной работы количество членов нашей организации быстро росло. Вместе с тем росло и наше влияние на рабочих. Наиболее сознательные еврейские рабочие отходили от бундовцев и примыкали к нам. Но бундовцы, конечно, не хотели мириться с этим, они всеми мерами стремились удержать под своим влиянием еврейское население. Тогда мы находили самые различные методы ведения агитационной работы среди населения, чтобы привлечь его на свою сторону. Мы развернули работу непосредственно на бывшей Муравьевской улице, где много скоплялось и белорусского и еврейского населения. Здесь мы распространяли литературу, раздавали прокламации... Так, кропотливой и настойчивой работой наша организация добивалась расширения своих рядов, укрепления связей с рабочими. Все это усиливало влияние социал-демократов на

---

[1] Е. Беленький, Воспоминания о большевистской организации в Минске в 1903 году, «Пролетарская революция» № 11 (34), 1924, стр. 198.

[2] Федор Васильевич **Симончик**, 1885 г. рождения, член КПСС с октября 1904 г. С 11-летнего возраста батрачил у кулаков и помещиков. На протяжении ряда лет работал на деревообделочных предприятиях города Бобруйска. Один из активных деятелей Бобруйской группы РСДРП. Принимал активное участие в революционных событиях 1905—1907 гг. в Бобруйске и Минске. За революционную деятельность подвергался неоднократным арестам и ссылкам. В настоящее время (1957 г.) проживает в Минске. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9-го ноября 1955 г. Ф. В. Симончик награжден орденом Трудового Красного Знамени «за активное участие в революционном движении» (газета «Звязда» № 269 от 13 ноября 1955 г.).

рабочие массы, содействовало отрыву их от Бунда и других антипролетарских организаций».[1]

Революционная деятельность социал-демократических организаций на территории Белоруссии, их борьба против буржуазных националистов всех мастей и воспитательная работа среди местных рабочих в духе пролетарского интернационализма получила высокую оценку великого Ленина. «После II съезда,—отмечал В. И. Ленин,—наш Центральный Комитет повел не националистическую политику, а заботился об образовании таких комитетов (Полесский, Северо-Западный), которые объединили бы в одно целое всех местных рабочих, как еврейских, так и нееврейских».[2]

В непримиримой борьбе против врагов марксизма большевики укрепляли свои ряды, усиливали идейное и организационное влияние на рабочие и крестьянские массы Белоруссии, подготовляли их к активному участию в назревавшей первой буржуазно-демократической революции в России.

Как известно, конфликт между производительными силами и производственными отношениями, возникший еще при господстве крепостного права, достиг к началу XX столетия исключительной остроты. «Полукрепостнические производственные отношения,—сказано в тезисах ИМЭЛС «Пятьдесят лет первой русской революции»,—всевластие реакционных помещиков, действовавших в союзе с верхушкой крупного финансового капитала, тормозили рост производительных сил страны, прогресс науки, техники, культуры и усиливали зависимость России от иностранного капитала, захватившего решающие позиции в важнейших отраслях промышленности».[3]

Острый конфликт производительных сил не только с остатками крепостничества, но также и с буржуазными производственными отношениями обусловил в дореволюционной России наличие двух социальных войн: одна из них —война пролетариата и всего крестьянства против царя и помещиков за уничтожение помещичьего землевладения и всех остатков крепостничества; и другая —война пролетариата против буржуазии за уничтожение капитализма. Переплетение указанных двух социальных войн, в свою очередь, обусловливало исключительную напряженность развивавшейся классовой борьбы в нашей стране, а также закономерность буржуазно-демократической революции и возможность ее перерастания в революцию социалистическую.

---

[1] Ф. В. Симончик, Как развивалось социал-демократическое движение в Бобруйске (воспоминания), «Коммунист Белоруссии» № 8, 1955, стр. 60.

[2] В. И. Ленин., Соч., т. 8, стр. 463.

[3] «Пятьдесят лет первой русской революции», Тезисы ИМЭЛС при ЦК КПСС, Госполитиздат, 1955, стр. 5.

Исключительная обостренность классовой борьбы в России, ставшей узловым пунктом противоречий империализма, мощный подъем освободительного движения рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, зарождение самой революционной партии нового типа, вооруженной теорией марксизма-ленинизма, — все это в условиях отсутствия серьезных революционных выступлений рабочего класса в западноевропейских странах и засилия там оппортунизма обусловило перемещение в Россию центра мирового революционного движения.

Попытки царского самодержавия предупредить надвигавшуюся революцию путем разжигания шовинизма и усиления репрессий, в связи с начавшейся в 1904 г. русско-японской войной, не имели успеха. Наоборот, эта война, являвшаяся одной из первых войн эпохи империализма, ускорила развязывание революции.

В январе 1905 г. началась первая буржуазно-демократическая революция в России. Ее непосредственным прологом была начавшаяся 3 января 1905 г. стачка рабочих Путиловского завода, вызванная ухудшением их положения в связи с русско-японской войной. Выступление путиловцев дружно поддержали рабочие других промышленных предприятий Петербурга, предъявляя политические и экономические требования.

Напуганное мощным усилением пролетарской солидарности, царское правительство решило спровоцировать шествие безоружных рабочих к Зимнему дворцу, чтобы учинить кровавую расправу над ними и такой мерой прекратить все усиливавшееся рабочее движение.

В воскресенье 9(22) января 1905 г. в Петербурге была расстреляна мирная демонстрация рабочих, шедших к царю, чтобы передать ему петицию о своих нуждах. В этот день в морги и больницы Петербурга было доставлено 1216 убитых и около 5000 раненых.[1]

Весть о кровавом злодеянии царизма вызвала гнев и возмущение трудящихся масс всей страны. «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. послужило толчком к началу массового революционного движения. В течение января—марта 1905 г. в России бастовало более 800 тыс. промышленных рабочих, т. е. в два раза больше, чем за 10 предшествующих лет.

Революционные события в Белоруссии развертывались в тесной связи с событиями во всей России. Большевики организовывали собрания и митинги, распространяли листовки и воззвания, призывали трудящихся Белоруссии к решительной борьбе против самодержавия.

Полесский комитет РСДРП в январской прокламации, которая распространялась в Гомеле и других ближайших к нему

---

[1] См. А. М. Панкратова, Первая буржуазно-демократическая революция в России (1905—1907 гг.), М., 1955, стр. 9.

городах, призывал рабочих выступить на борьбу совместно со всеми рабочими России против царского самодержавия. «Бросим душные мастерские,— говорилось в прокламации Полесского комитета РСДРП,—оставим фабрики и заводы, объявим забастовки. Пойдем на борьбу в ряды наших братьев—рабочих всей России за лучшую жизнь, за исполнение наших требований... Все за одного и один за всех,—и победа тогда за нами».[1]

За январь—сентябрь 1905 г. только Полесским комитетом РСДРП было распространено 70 200 экземпляров различных листовок и прокламаций, в том числе: первые два раздела из брошюры В. И. Ленина «К деревенской бедноте» (I. «Борьба городских рабочих» и 2. «Чего хотят социал-демократы?»), а также статьи «Первое мая!», «По поводу гомельской демонстрации» и другие.

Большое количество прокламаций и листовок, призывавших на борьбу против царского самодержавия, выпускал Северо-Западный комитет РСДРП. В прокламации этого комитета, выпущенной 10-тысячным тиражом в январе 1905 г., отмечалась самоотверженная борьба петербургских рабочих «за народные интересы» и с особой силой подчеркивалось, что добиться улучшения своего экономического положения, а также избавиться от полицейского и национального гнета можно только путем упорной и непримиримой борьбы против имущих классов, против угнетателей. В листовке «Ко всем гражданам» Северо-Западный комитет указывал, что интересы пролетариата всех национальностей едины, что «петербургские товарищи проливают свою кровь за великое и святое дело освобождения всей России». Северо-Западный комитет призывал рабочих дружно включиться в активную борьбу всего российского пролетариата за свержение царизма. Подобного содержания прокламации и листовки выпускались также и другими организациями РСДРП, действовавшими на территории Белоруссии.

По призыву большевиков рабочие Белоруссии объявляли политические забастовки, выступали с резким протестом против произвола царского самодержавия. Например, как только стало известно о кровавых событиях в Петербурге, минские рабочие немедленно объявили политическую забастовку протеста, в которой участвовало до 3 тысяч рабочих табачной фабрики, чугунолитейного завода и других предприятий. В то же время в Гомеле была проведена 7- дневная политическая стачка всех рабочих.

Большевистская газета «Вперед» сообщала о проведенной 12 января 1905 г. массовой забастовке рабочих могилевских промышленных предприятий. Эта забастовка была объявлена

---

[1] ЦГИА, ф. ДП. 00, д. 5, 4. 30, л. 72, 1905.

в знак протеста против расстрела рабочих в Петербурге. В ней приняли участие почти все рабочие города и его предместий. «Рабочие города Могилева, — отмечалось в газете «Вперед»,— ...в таком же приподнятом настроении, как и по всей России... ненависть к правительству проникла даже к самым отсталым рабочим».[1]

Та же газета в № 9 от 23 февраля сообщала, что 800 рабочих города Слонима объявили забастовку, «чтобы выразить свою солидарность с петербургскими рабочими». Среди рабочих в большом количестве были распространены революционные прокламации. Для подавления забастовки были использованы регулярные войска, а город был объявлен на военном положении. Политические стачки тогда же были проведены в Витебске, Гродно, Могилеве, Борисове, Пинске, Бобруйске и других городах Белоруссии. Всего в январских стачках в городах Белоруссии участвовало около 18 тыс. рабочих.[2]

В ряде городов Белоруссии происходили забастовки и в последующие месяцы 1905 г. Бастовавшие рабочие добивались сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы, улучшения медицинского обслуживания, а также требовали свободы собраний, слова, печати и неприкосновенности личности. Напуганные размахом стачечной борьбы рабочих, владельцы предприятий в большинстве случаев вынуждены были пойти на небольшие уступки. Они сокращали рабочий день до 9—10 часов, уменьшали штрафы, прибавляли по несколько копеек на рубль к заработной плате. А это, в свою очередь, показывало рабочим, что даже незначительного улучшения своего экономического положения они могут добиться только совместной организованной борьбой.

Приведенные фактические данные о массовых революционных выступлениях рабочих в белорусских городах неопровержимо подтверждают, что пролетариат Белоруссии являлся составной частью российского пролетариата и был тесно связан братскими узами классовой солидарности с русским рабочим классом, шедшим в авангарде революции.

Под влиянием революционного движения рабочего класса поднимались на революционную борьбу и трудящиеся массы крестьянства. Уже во второй половине января 1905 г. во многих деревнях и селах происходили многолюдные собрания, на которых крестьяне принимали решения прекратить выплату арендных платежей помещикам, увеличить плату поденным рабочим и батракам. В феврале — марте 1905 г. крестьяне Бобруйского, Городокского, Лепельского, Игуменского, Быховского, Гродненского и других уездов производили самоволь-

---

[1] «Вперед» № 6 от 1 февраля 1905 г.

[2] См. «Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг. Документы и материалы», Изд. АН БССР, Минск, 1955, стр. 4.

ные порубки помещичьих лесов и, вооружившись топорами и кольями, прогоняли лесную стражу.

Лесопромышленник Магидсон телеграфировал 2 февраля 1905 г. минскому губернатору о том, что крестьяне Туровской и Степной волостей Бобруйского уезда рубят лес в имении Плессы и сотнями подвод вывозят древесину в свое пользование, «нападая на приказчиков и лесников, которые лишены возможности охранять лес из-за угрозы убийства».[1]

Помещик Эдгар Булгак в прошении, посланном 1 марта 1905 г. минскому губернатору, жаловался на крестьян деревни Скрипица Качеричской волости Минской губернии, которые производили массовые порубки принадлежавшего ему леса. «Лесная стража имения, — писал в своем прошении помещик Булгак,—справиться с рассвирепевшей, вооруженной топорами и дубинами толпой, угрожающей избиениями и убийствами, конечно, не в силах».[2] Помещик просил губернатора принять самые энергичные меры для ограждения его собственности.

Массовые порубки помещичьих лесов производили крестьяне Гродненской, Могилевской, Минской и Витебской губерний. На усмирение крестьян Дриссенского, Лепельского и других уездов уже в феврале—марте высылались отряды регулярных войск.

Однако никакие репрессии не могли остановить нараставшего революционного движения широких крестьянских масс. Борьба крестьян Белоруссии против помещиков не прекращалась и в последующие месяцы, приобретая все более решительный, наступательный характер.

С началом революции в нашей стране сложилась новая политическая обстановка, настойчиво требовавшая от пролетарской партии безотлагательной выработки своей тактической линии. Для этой цели В. И. Ленин считал необходимым срочно созвать III съезд партии, к которому он вел подготовку настойчиво и решительно. В. И. Ленин наметил программу работы съезда, детально разработал основные тактические положения, которые съезду предстояло обсудить и утвердить как обязательные директивы для всей партии.

Третий съезд РСДРП, фактически первый большевистский съезд, происходил 12—27 апреля 1905 г. в Лондоне. На съезде присутствовало 24 делегата с решающим голосом от 20 большевистских комитетов и 14—с совещательным от большевистских групп. Большевистские комитеты и группы, действовавшие на территории Белоруссии, были представлены на III съезде партии двумя делегатами с решающим голосом—от По-

---

[1] «Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг. Документы и материалы», Минск, 1955, стр. 50.

[2] Там же, стр. 62.

лесского и Северо-Западного комитетов, а также одним делегатом с совещательным голосом—от Минской большевистской группы.

На основе решений III съезда партии большевики Белоруссии развернули активную деятельность по руководству революционной борьбой рабочего класса и трудящихся масс крестьянства. Они организовывали стачки и демонстрации рабочих, проводили митинги и собрания крестьян, распространяли среди трудящихся масс произведения Маркса, Энгельса и Ленина, а также революционные прокламации и листовки.

Огромная пропагандистская и организаторская работа была проведена большевиками весной 1905 г. по подготовке и проведению международного пролетарского праздника 1 Мая. Накануне этого праздника во всех крупных белорусских городах и даже местечках большевиками проводились собрания рабочих, где разъяснялось значение первомайского праздника и выяснялись задачи рабочего класса в революции. Полесский и Северо-Западный комитеты РСДРП, а также другие местные социал-демократические организации выпускали специальные листовки и переиздавали прокламации ЦК РСДРП, посвященные первомайскому празднику.

Полесский комитет в середине апреля 1905 г. массовым тиражом переиздал прокламацию ЦК РСДРП под названием «1 Мая». Прокламация призывала трудящихся учиться владеть оружием, всесторонне готовиться к решительной борьбе с царизмом, к вооруженному восстанию. Прокламация заканчивалась следующими словами: «Братья! День 1 Мая—праздник интернациональной солидарности рабочих. Помните в этот день о русской революции, приходите ей на помощь словом и делом».[1]

Прокламация Северо-Западного комитета РСДРП, выпущенная также в середине апреля, призывала рабочих всех национальностей к совместной борьбе против самодержавия, к осуществлению революционным путем восьмичасового рабочего дня, к борьбе за прекращение войны, за установление свободы собраний и союзов, свободы слова и печати, за немедленное освобождение политических заключенных из тюрем и казематов. «Помните, товарищи,—подчеркивалось в этом документе,—что в единении наша сила, мы должны выступать все без различия национальности и пола. На желание правительства разъединить нас, мы должны ответить объединением».[2]

Первомайский праздник в 1905 г. во многих белорусских городах был отмечен митингами, забастовками и демонстрациями, которые проходили под руководством местных органи-

---

[1] «Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг. Документы и материалы», Минск, 1955, стр. 101.

[2] Там же, стр. 96.

заций РСДРП. Первомайские забастовки и демонстрации, проходившие под лозунгами борьбы за восьмичасовой рабочий день и свержения царского сомодержавия путем вооруженного восстания, имели место в Минске, Гомеле, Витебске, Могилеве, Бресте, Орше, Бобруйске, Борисове, Мозыре, Ошмянах, Пинске и других городах. В честь первомайского праздника только в Минске бастовало 12 промышленных предприятий с общим количеством 1180 рабочих.[1] Тогда же в Гродно бастовало 500 рабочих табачной фабрики Шерешевского, 180 рабочих переплетной фабрики и других предприятий.[2]

С развертыванием революции повсеместно росла организованность и политическая сознательность рабочих. Все чаще бастующие рабочие и демонстранты сталкивались с царскими войсками. Особенно остро борьба протекала в Лодзи. Трое суток, с 9 по 11 июня, там происходили настоящие сражения рабочих с войсками. Лодзинские бои В. И. Ленин считал первым вооруженным выступлением рабочих в России. Вооруженные столкновения рабочих с царскими войсками имели место в. Варшаве, Риге, Ревеле, Одессе и других городах.

Выдающимся революционным событием лета 1905 г. была всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих, в которой участвовало до 70 тыс. человек. Стачка отличалась упорством и небывалой стойкостью, она продолжалась с конца мая до начала августа 1905 г., т. е. почти два с половиной месяца. Для руководства этой стачкой рабочие избрали объединенный стачечный комитет, названный Советом рабочих уполномоченных, который был фактически одним из первых Советов рабочих депутатов в России.

Вслед за рабочими стачками весной и летом 1905 г. начались забастовки сельскохозяйственных рабочих в ряде районов страны, стали все шире распространяться крестьянские волнения. В ряде мест крестьяне захватывали помещичью землю, громили имения, производили массовую порубку леса.

Под влиянием борьбы рабочих и крестьян в июне 1905 г. вспыхнуло знаменитое восстание в Черноморском флоте, на броненосце «Потемкин». Это была первая попытка перехода на сторону революции крупной боевой единицы, попытка образования ядра революционной армии.

По призыву большевиков в Минске, Гомеле, Гродно, Бресте, Бобруйске и других городах Белоруссии летом 1905 г. рабочие проводили политические стачки, собрания и демонстрации в знак протеста против расстрела рабочих в Лодзи и других городах, а также в знак солидарности с борющимися рабо-

---

[1] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», Минск, 1953, т. III, стр. 402.

[2] Там же, стр. 408.

чими Иваново-Вознесенска, Одессы, Варшавы и матросами броненосца «Потемкин».

Большевистская газета «Пролетарий» в № 12 за 3 августа 1905 г. сообщала о том, что идея классовой солидарности рабочих и сознание необходимости политической борьбы получила в Минске, как и во всей России, широкое распространение. Рабочие промышленных предприятий Минска охотно прекращали работу после короткой агитационной речи представителя Минской большевистской группы, «ясно понимая, что надо выразить сочувствие героям Лодзи и Варшавы, надо выразить готовность к решительной борьбе за дело свободы».[1]

В связи с событиями в Лодзи Минская большевистская группа провела ряд собраний рабочих, призывая их готовиться к вооруженной борьбе против царского самодержавия. На одном из таких собраний, проведенном 19 июня 1905 г., на котором присутствовало более 600 рабочих, была принята резолюция, в которой заявлялось, что приближается тот час, когда минские рабочие присоединят свои усилия к усилиям всего организованного пролетариата, под напором которого рухнет царское самодержавие. 28 июня, в знак протеста против расстрела рабочих в Одессе, по призыву большевиков бастовали рабочие Минска. Была предпринята попытка организовать демонстрацию, но последняя была разогнана казаками. При этом двое демонстрантов было тяжело ранено и 170 человек арестовано.[2]

Политические забастовки в знак солидарности с рабочими Лодзи, Иваново-Вознесенска и Одессы были проведены в Гродно, Гомеле, Бресте, Орше, Копыси, Борисове, Бобруйске и других городах, несмотря на жестокие преследования полиции и казаков.

О том, в каких сложных условиях проходила забастовка, объявленная 7 июля в Бобруйске, видно из следующего сообщения местной группы РСДРП, опубликованного в газете «Пролетарий»: «Полиция мобилизовалась. Демонстрировать не было возможности. Казаки неистовствовали. Город представлял собой военный лагерь. Проходивших там и сям обыскивали по 3 раза; подозрительных жестоко избивали. Полицмейстер приказывал открывать лавки, пробовал и добром, и угрозами, но тщетно. Улица подчинилась нашему зову. Она очистилась от шума и гама, в тот день она была наша... На заводах наша группа укрепилась прочно. Стоит прийти нашим товарищам, как все высыпают из завода послушать социали-

---

[1] «Пролетарий» № 12 от 3 августа 1905 г.

[2] ЦГИА, д. 4, л. 59, 1905. Телеграмма минского губернатора в Департамент полиции.

стов... Результатами нашей работы при самой строгой оценке мы можем быть вполне довольны».[1]

Широко отмечали рабочие Белоруссии полугодовщину расстрела рабочих в Петербурге в день «кровавого воскресенья». 9 июля были организованы стачки на ряде промышленных предприятий Гомеля, Витебска, Бобруйска, Баранович, Мозыря, Борисова.

В условиях Белоруссии руководство революционным движением усложнялось в результате враждебной деятельности националистических партий, и в особенности Бунда. Так, например, накануне полугодовщины «кровавого воскресенья» Витебская группа РСДРП выпустила специальную листовку, в которой подчеркивалось, что в ответ на злодеяния царя, по приказу которого улицы Петербурга были залиты кровью рабочих, «всюду, по всем городам России, рабочий люд без различия национальностей вышел на улицу для поддержки своих петербургских товарищей». Листовка призывала всех рабочих принять участие в политической демонстрации в день полугодовщины январских событий. «Вставай белорус и малорус, великорус и армянин, поляк и еврей, немец и латыш, вставай весь российский пролетариат для новой решительной борьбы с царским деспотизмом».[2]

Однако бундовцы воспротивились совместному выступлению рабочих. Вместо демонстрации, назначенной Витебской группой РСДРП на середину дня, они в 10 часов утра созвали отдельный митинг еврейских рабочих, на котором разглагольствовали об «особых задачах еврейского пролетариата» и отговаривали еврейских рабочих от согласованных действий с рабочими других национальностей. Как сообщала газета «Пролетарий», бундовский митинг окончился весьма плачевно. Казаки напали на рабочих, избивали их беспощадно и арестовали около 80 человек.[3]

В то же время митинг, проведенный Витебской группой РСДРП, вопреки усилиям Бунда, прошел организованно. В нем участвовало около 500 рабочих. Для охраны от внезапного нападения полиции были выставлены вооруженные револьверами рабочие пикеты.

Большой вред революционному движению причинили бундовцы в Минске, Гомеле, Бобруйске, Могилеве и других городах Белоруссии. Они действовали обособленно и вносили дезорганизацию в выступления рабочих. В борьбе с большевиками бундовцы не брезговали никакими средствами. Они прибегали к различного рода провокациям и даже предавали от-

---

[1] «Пролетарий» № 12 от 3 августа 1905 г.

[2] «Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг. Документы и материалы», Минск, 1955, стр. 191, 192.

[3] «Пролетарий» № 12 от 3 августа 1905 г.

дельных большевиков полиции. В отчете о деятельности Минской большевистской группы, опубликованном 3 июня 1906 г. в газете «Пролетарий», сообщалось, что «противодействия со стороны Бунда сильно тормозили работу».[1]

В ходе революционной борьбы рабочие всех национальностей на примерах самой жизни все более и более убеждались, что только большевики ведут до конца последовательную революционную линию. Это способствовало росту рядов социал-демократических организаций, укреплению их связей с рабочими и ослаблению враждебного влияния оппортунистов всех мастей. Достаточно сказать, что только за первую половину 1905 г. Минская группа РСДРП выросла на 250 человек и к июню насчитывала в своих рядах более 600 членов партии. К этому же периоду в Витебской и Сморгонской группах РСДРП состояло по 300 членов партии, в Виленской—400 и Двинской—до 500.[2]

Весной и летом 1905 г. широко развернулось революционное движение крестьянских масс Белоруссии против помещиков. Направляя это движение, большевики Белоруссии пропагандировали ленинскую идею союза рабочего класса с крестьянством, проводили большую работу в селах и деревнях по разъяснению крестьянам аграрной программы РСДРП. На основе резолюции III съезда партии «Об отношении к крестьянскому движению», они призывали крестьян и сельскохозяйственных рабочих вести решительную борьбу против царских властей и всех остатков крепостничества, отказываться от исполнения воинской повинности, от платежа податей и налогов, добиваться конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель.

Местные большевистские группы посылали в деревни и села своих агитаторов, распространяли нелегальную литературу, призывали крестьян к боевому союзу с рабочим классом для совместной борьбы против помещиков и самодержавия. Так, Полесский комитет РСДРП в листовке, выпущеной в апреле 1905 г. 12-тысячным тиражом, с удовлетворением отмечал, что на помощь городским рабочим встает его верный союзник. «Этот союзник—крестьянин». Листовка заканчивалась следующим призывом: «Пусть же дружней ведут общую борьбу с царским правительством городские рабочие и крестьяне, пусть из миллионов их грудей вырвется один общий клич: Долой царя!»[3]

В одной из листовок, выпущенных в 1905 г. Северо-Западным союзом РСДРП под заглавием «Что нужно теперь крестьянину», разъяснялось, что прежде всего «надо отнять зем-

---

[1] «Пролетарий» № 4 от 3 июня 1905 г.

[2] См. «Большевики Белоруссии в первой русской революции», Госполитиздат, 1955, стр. 56.

[3] «Революционное движение в Белоруссии в 1905—1907 гг. Документы и материалы», Минск, 1955, стр. 93.

лю) от всех богатых, от царя и министров, от помещиков, от монастырей и передать ее народу». Но для этого необходимо, чтобы крестьянство сплотилось вокруг рабочего класса и его авангарда—Российской социал-демократической рабочей партии. Если крестьяне в союзе с рабочим классом дружно выступят на борьбу за свои права против угнетателей, подчеркивалось в листовке, «тогда не будет такой силы, которая могла бы устоять против них». Только при этом условии, говорилось в этой же листовке, трудящиеся массы нашей страны смогут «совсем уничтожить власть правительства и захватить власть в свои руки».

Северо-Западный союз РСДРП призывал крестьян не платить царским властям податей и налогов, не поставлять новобранцев и, кроме того, уговаривать своих родственников, находящихся на военной службе, возвращаться домой «и во всяком случае не стрелять в народ». Листовка также призывала крестьян «вооружаться, кто чем может, чтобы идти на защиту своих прав, идти на борьбу с царем и чиновниками».[1]

Крестьянское движение весной и летом 1905 г. проявлялось в форме захвата помещичьих земель, массовых потрав лугов и порубки лесов. В ряде случаев происходили кровавые столкновения крестьян с урядниками, стражниками, казаками и солдатами.

В первой половине мая крестьяне деревень Скворцы и Добрынино Станьковской волости Минского уезда самовольно пасли свой скот по сенокосам, принадлежавшим графу Чапскому. Прибывших на место происшествия урядников, волостного старшину и писаря крестьяне прогнали, вооружившись камнями и палками.[2]

С 8 по 14 мая крестьяне села Бучатина Вызнянской волости Слуцкого уезда производили потравы сенокосов в имении князя Радзивилла. Собравшись в количестве до 150 человек, крестьяне изломали помещичью изгородь, сильно избили лесного сторожа и отняли у него ружье.[3]

Весной 1905 г. крестьяне села Стреличев Хойникской волости Речицкого уезда захватили сенокос помещика Аврамова. По распоряжению минского губернатора для ареста зачинщиков была послана 13 рота 316 Вышневолоцкого полка. Однако крестьяне в количестве около 300 человек дружно выступили в защиту своих односельчан и силой отбили у

---

[1] «Революционное движение в Белоруссии в 1905—1907 гг. Документы и материалы», Минск, 1955, стр. 451, 452.

[2] ГА Минской области, ф. 242, д. 25 792, л. 7. Рапорт минского уездного исправника на имя минского губернатора.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 107, д. 7687, л. 2. Представления прокурора Минского окружного суда в Виленскую судебную палату.

солдат четырех арестованных крестьян, инициаторов выступления.[1]

Царские власти жестоко расправлялись с крестьянскими волнениями, применяя вооруженную силу. Для усмирения крестьян деревни Кищицы Чериковской волости Чаусского уезда, захвативших луг у соседнего помещика, была вызвана рота солдат. 17 июня 1905 г. солдаты учинили кровавую расправу над крестьянами, в результате которой было убито 8 и тяжело ранено 16 человек.[2]

Вооруженное подавление крестьянских выступлений происходило и в других населенных пунктах Белоруссии. Как видно из сообщения минского губернатора министру внутренних дел, только за период в три месяца (с мая по август 1905 г.) в уезды Минской губернии 12 раз посылались войска для подавления крестьянских волнений.

Крестьянское движение в Белоруссии, как и во всей стране, непрерывно нарастало. Если в феврале—апреле 1905 г. крестьянские выступления отмечались в 8 из 35 уездов Белоруссии (в ее современных границах), то летом крупные крестьянские волнения происходили в 13 белорусских уездах.[3]

Под влиянием революционного движения промышленного пролетариата и усиления социал-демократической агитации, во многих помещичьих имениях весной и летом 1905 г. происходили забастовки сельскохозяйственных рабочих.

В ряде случаев забастовками сельскохозяйственных рабочих руководили местные большевистские организации. Так, Чечерская организация Полесского комитета РСДРП выработала требования об увеличении заработной платы, сокращении рабочего дня, улучшении пищи и бытовых условий рабочих имения графа Чернышева-Кругликова. В письменном требовании, предъявленном помещику, подчеркивалось, что рабочие не пойдут на работу до тех пор, пока не будут удовлетворены все их требования и никого не допустят к работе в имение со стороны. Руководство забастовкой, говорилось в конце этого документа, взяла на себя Чечерская «организация Российской социал-демократической рабочей партии, которая и будет вести всякие переговоры».[4]

Большевистская газета «Пролетарий» в № 14 от 16 августа 1905 г. сообщала о забастовке 200 батраков в имении Дудичи, которую организовала Мозырская группа РСДРП. Требования батраков об увеличении заработной платы и сокращении

---

[1] ГА Минской области, ф. 183, д. 33 786, л. 2. Обвинительный акт товарища прокурора Минского окружного суда.

[2] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 506.

[3] См. «История БССР», т. I, Изд. АН БССР, Минск, 1954, стр. 380.

[4] ЦГИА, д. 2550, ч. 6 л. 124, 1905. Требования забастовавших рабочих имения графа Чернышева-Кругликова.

рабочего дня активно поддержали крестьяне окружающих деревень, обязавшись не идти к помещику на полевые работы.

Обобщая опыт проведения забастовки, газета отмечала, что в условиях нарастания революции создалась весьма благоприятная обстановка для усиления революционной работы в деревне, что «в настоящее время легко организовать сельский пролетариат, легко его недовольство направить в русло наиболее целесообразного и сознательного протеста против правительства и хозяев, легко поставить его впереди крестьянского движения».[1]

Забастовки сельскохозяйственных рабочих под руководством большевиков происходили и в других местностях Белоруссии. Например, в Оршанском, Быховском, Сенненском, Гродненском, Волковыском, Климовичском и других уездах летом 1905 г. были приостановлены все работы в помещичьих имениях. Из 35 уездов Белоруссии забастовки сельскохозяйственных рабочих в 1905 г. происходили в 25. Забастовочное движение сельскохозяйственных рабочих вынуждало помещиков идти на уступки. В ряде имений летом 1905 г. зарплата батракам и поденным рабочим была увеличена на 15—20%.[2]

В развитии последующих революционных событий огромное значение имела Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г., начатая по почину рабочих Москвы и Петербурга. Количество участников этой стачки превышало 2 млн. человек.

Активное участие во Всероссийской октябрьской политической стачке приняли и рабочие Белоруссии. 11 октября приостановилось движение на Московско-Брестской железной дороге, а на следующий день забастовали рабочие Либаво-Роменской железной дороги. Стачечное движение охватило все промышленные предприятия Минска, Гомеля, Витебска, Могилева, Орши, Жлобина, Баранович, Пинска, Бреста, Борисова, Бобруйска, Полоцка, Сморгони, Ошмян и других городов. Всего в октябрьской политической стачке приняло участие около 40 тыс. рабочих.[3]

Под натиском мощного революционного движения масс всей страны царское правительство вынуждено было издать манифест 17 октября, в котором лицемерно обещало дать народу ряд политических свобод, а также созвать законодательную думу. Этим маневром царизм рассчитывал обмануть народные массы, усыпить легковерных, чтобы выиграть время для мобилизации реакционных сил, а потом перейти в решительное наступление и задушить революцию.

---

[1] «Пролетарий» № 14 от 16 августа 1905 г.

[2] См. «Большевики Белоруссии в первой русской революции», Госполитиздат, 1955, стр. 62.

[3] Е. П. Лукьянов, А. И. Воронова, «Революция 1905—1907 гг. в Белоруссии», Минск, 1954, стр. 25.

Многочисленные фактические данные показывают, что незначительные уступки и пустые обещания, которыми пользовался царизм для борьбы с революцией, после 17 октября сменились кровавыми репрессиями. В ряде городов страны, в том числе и на территории Белоруссии, над народными массами производились кровавые расправы, провоцировались еврейские погромы.

18 октября на Вокзальную площадь Минска стали стекаться колонны демонстрантов, которые несли красные знамена и революционные лозунги. Когда на площади собралось более 10 тысяч трудящихся Минска, большевики открыли митинг. Они разоблачали лживость царского манифеста и призывали массы готовиться к вооруженному восстанию против царизма. По требованию участников митинга минский губернатор Курлов вынужден был выпустить из тюрьмы политических заключенных. Но когда митинг подходил к концу, Вокзальную площадь окружили войска, которые по приказанию того же Курлова без предупреждения начали стрелять в людей. Всего в тот день на улицах Минска было убито свыше 80 и ранено до 300 человек.[1]

В ответ на это кровавое злодеяние трудящиеся Минска вновь объявили всеобщую забастовку. Они требовали предания суду виновников расстрела и немедленного отстранения от должности губернатора Курлова. 19 октября Минская большевистская группа выпустила специальную прокламацию по поводу курловского расстрела. «Кровавый Николай,—говорилось в прокламации,—мог дать только кровавую «конституцию», такую «конституцию», которая оставляет ему возможность и свободу стрелять в безоружный народ... Пусть кровь убитых при царской «свободе» научит живых понимать и бороться за действительную свободу, за окончательное низвержение самодержавия».[2]

В городах и крупных местечках Белоруссии большевики проводили митинги и демонстрации протеста против расстрела рабочих, усилили работу по созданию и укреплению боевых дружин, обучению их военному делу и приобретению оружия. Минский губернатор сообщал министерству внутренних дел, что «чуть ли не все лица противоправительственного направления поголовно вооружены револьверами с достаточным количеством патронов».[3]

В дни Октябрьской стачки рабочие Пинска приобрели до 600 револьверов. Боевые дружины, вооруженные револьверами и другим ручным оружием, были созданы в Гомеле, Витеб-

---

[1] См. «Большевики Белоруссии в первой русской революции», Госполитиздат, 1955, стр. 75.

[2] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 477.

[3] ГА Минской области, ф. 295, д. 9053, л. 559.

ске, Бобруйске, Барановичах, Орше, Борисове, Полоцке, Луненце и других городах. Дружинники охраняли митинги и собрания от нападений черносотенцев и защищали население от погромов.

Все усиливавшееся в стране революционное движение рабочих и крестьян сказывало свое влияние на солдат и матросов. В октябре—декабре 1905 г. происходили восстания в воинских гарнизонах Кронштадта, Севастополя, Владивостока, а также волнения в ряде воинских частей, находившихся на территории Белоруссии.

В начале ноября 1905 г. произошло волнение в Могилевском гарнизоне. Солдаты 1 и 2 батальонов Кодниковского полка, а также 161 запасного батальона, собравшись 6 ноября на митинг, заявили протест против посылки войск на усмирение революционных рабочих и крестьян. Солдаты требовали улучшения своего материального положения и увольнения в запас.[1]

5 ноября солдаты 26 артиллерийской бригады Гродненского гарнизона отказались идти на занятия и выполнять служебные наряды. Собравшись на митинг, они заявили, что не будут участвовать в подавлении революционного движения рабочих и крестьян, угрожали взорвать пороховой погреб и перебить ненавистных офицеров. На следующий день, с помощью шести рот 103 Петрозаводского полка генерал Поволоцкий произвел аресты некоторых артиллеристов, что вызвало волнения во всех частях гарнизона. Военно-революционная организация провела собрания в частях гарнизона, а 14 ноября созвала митинг представителей от всех частей, на котором была принята резолюция протеста против ареста артиллеристов. В ней также выражалась солидарность солдат Гродненского гарнизона с революционными матросами и солдатами Одессы, Кронштадта и Севастополя, которые восстали против царского правительства и «присоединились к революционному рабочему классу, защищающему свои человеческие права и требующему свержения правительства насилия и созыва всенародного Учредительного собрания».[2] В принятой резолюции участники митинга призывали всех солдат гарнизона присоединиться к рабочему классу и вместе с ним бороться за свержение царизма.

В конце ноября происходило крупное волнение солдат в Бобруйской крепости. 22 ноября дисциплинарный батальон в составе 600 солдат и 300 матросов Балтийского флота, принимавших и ранее участие в революционных выступлениях, с ору-

---

[1] ЦГИА, ф. ДП, 00, д. 1877, ч. 39, л. 9, 1905. Телеграмма начальника Могилевского губернатора жандармского управления в Департамент полиции.

[2] «Революционное движение в Белоруссии в 1905—1907 гг.», Минск, 1955, стр. 320.

жием в руках потребовал освобождения арестованных в батальоне солдат. На все уговоры командования сдать оружие восставшие отвечали отказом. Солдаты Клязьминского и Кремлевского полков отказались выступить на усмирение восставших. Только из-за нерешительности в своих действиях восставшие упустили благоприятный момент, когда весь Бобруйский гарнизон готов был поддержать восстание. Этим воспользовалось командование крепости. 25 ноября из Минска были вызваны пехотные войска и артиллерия из состава карательной экспедиции генерала Орлова. Под угрозой артиллерийского обстрела восставшие вынуждены были сдаться.[1]

Революционные выступления солдат тогда же имели место в Брестском, Волковыском, Барановичском и других гарнизонах на территории Белоруссии. Они были следствием пропагандистской и организаторской работы, проводимой большевиками среди солдат.

Значительную работу среди солдат проводила Бобруйская группа РСДРП. Она установила связи с конвойной командой, а также подразделениями 237 Кремлевского и 238 Клязьминского пехотных полков, артиллерийским парком и местными военными госпиталями.

Организации и группы РСДРП создавали специальные пропагандистские кружки для работы среди солдат, проводили солдатские собрания и митинги, выпускали листовки и прокламации. В прокламации Брест-Литовской военно-революционной организации РСДРП, выпущенной 21 ноября 1905 г., разъяснялось, что солдаты—«те же крестьяне и рабочие, только переодетые в мундиры», что поэтому они должны не только отказаться от посылки на усмирение революционных восстаний, но и «помочь восставшим рабочим и крестьянам». Прокламация призывала безжалостно уничтожать тех офицеров, которые принуждают солдат стрелять в революционных рабочих и крестьян, указывала на необходимость крепко держаться друг за друга и переходить на сторону борющегося народа.[2]

В прокламации «К солдатам», выпущенной в ноябре Гомельским районным комитетом РСДРП, давалась характеристика все усиливавшейся революционной борьбы рабочих и крестьян, поднявшихся против своих угнетателей, — царя, помещиков и капиталистов. Прокламация призывала солдат сплотиться вокруг рабочего класса, отказываться «помогать полиции усмирять рабочих и крестьян», ни в коем случае «не стрелять в демонстрантов».[3]

---

[1] «Революционное движение в Белоруссии в 1905—1907 гг. Документы и материалы», 1955, стр. 339—354.

[2] Там же, стр. 229, 230.

[3] Там же, стр. 353.

Приведенные фактические данные показывают, что в период первой русской революции большевики Белоруссии проводили значительную агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу не только среди рабочих и крестьян, но и среди солдат. Это способствовало возникновению революционных настроений в воинских частях и подразделениях, находившихся в белорусских городах и местечках. Однако тогда большевики еще не имели возможности охватить своим влиянием и непосредственным руководством все солдатские массы. В результате, у подавляющего большинства солдат не было еще ясного понимания необходимости решительной вооруженной борьбы за свержение царского правительства. Солдатские выступления носили в основном разрозненный, неорганизованный характер и быстро подавлялись царизмом. Большая же часть солдат еще помогала царскому правительству подавлять революционное движение рабочих и крестьян.

Высшим пунктом развития первой русской революции явилось вооруженное восстание, начавшееся 9 декабря 1905 г. баррикадными боями московских рабочих против войск царского правительства. В этих боях, длившихся на протяжении девяти дней, принимало участие до 8 тыс. вооруженных дружинников, которых поддерживали остальные рабочие Москвы. Главными очагами восстания были Пресня, Замоскворечье и Рогожско-Симоновский район.

К вооруженной борьбе против царизма готовились и рабочие Белоруссии. 8 декабря началась всеобщая забастовка в Минске, Гомеле и Пинске. Прекратилось движение на Московско-Брестской и Либаво-Роменской железных дорогах. На железнодорожных станциях Орша, Минск, Волковыск, Лунинец и других распоряжались стачечные комитеты. Так, стачечный комитет в Орше задерживал эшелоны, направлявшиеся на Москву, а также обращался к железнодорожникам других станций с призывом поддержать поднявшихся на вооруженную борьбу московских рабочих. 9 декабря этот комитет послал рабочим и служащим депо Минск телеграмму следующего содержания: «Товарищи! Просим солидарности, Москва, Вязьма и мы, Орша, бастуем по предложению московского узла».[1]

Оршанские большевики неоднократно выезжали в окружающие районы и вели там работу по подготовке к вооруженному восстанию. 13 декабря большевики Орши провели митинг в городе Копыси Горецкого уезда. На митинге присутствовало до 500 рабочих. В своих выступлениях на митинге большевики призывали рабочих активно готовиться к вооруженному восстанию.[2]

---

[1] ЦГИА, д. 2555, ч. 6, л. 79, 1905.

[2] ЦГИА д. 1350, ч. 17, л. 143, 1905. Донесение помощника начальника Могилевского губернского железнодорожного управления в Департамент полиции.

Для руководства политической стачкой и подготовкой вооруженного восстания в Минске был создан коалиционный совет, в состав которого входили представители Минской большевистской группы, Либаво-Роменского комитета Всероссийского железнодорожного союза и др. Совет выполнял некоторые функции революционной власти. Он руководил забастовкой, распоряжался вокзалом и телеграфом, организовывал снабжение городского населения хлебом и медикаментами, подготавливал запасы оружия, проводил собрания и митинги рабочих.

В Гомеле, Барановичах, Пинске, Лунинце и Волковыске некоторые функции революционной власти выполняли комитеты делегатов Всероссийского железнодорожного союза, образованные на общих собраниях рабочих и служащих. Комитет делегатов в Гомеле, арестовав начальника станции, управлял железнодорожным узлом, задерживал воинские эшелоны, направлявшиеся в Москву.

14 декабря начальник Либаво-Роменской железной дороги телеграфировал министру путей сообщения о том, что «в Гомеле образовался революционный комитет, захвативший всю власть в свои руки, как в городе, так и на станции. Железнодорожное движение парализовано, пропускаются поезда лишь по указанию сего комитета. К служащим, желающим приступить к занятиям, применяют вооруженное насилие и аресты».[1]

В городе Барановичи забастовавших рабочих активно поддерживали солдаты местного гарнизона. 10 и 11 декабря возле вокзала, а затем на лагерном плацу железнодорожной бригады происходили митинги рабочих и солдат, где выступал представитель Московского Совета. 11 декабря генерал Артемьев с офицерским отрядом пытался силой разогнать митинг и арестовать его организаторов. Но рабочие и солдаты избили генерала, сорвали с него погоны и отобрали оружие.

Выступления рабочих в декабрьские дни имели место в Бресте, Витебске, Бобруйске, Гродно и других городах Белоруссии. На митинге, происходившем 9 декабря в Гродно, присутствовало до 700 рабочих и жителей города. Митинг был организован по предложению трех представителей Петербургского Совета рабочих депутатов, которые в своих выступлениях на митинге разъясняли значение и цель борьбы трудящихся против царизма и призывали гродненских рабочих активно поддержать начатое московскими рабочими вооруженное восстание. «Только дружным натиском по всей России,—заявляли в своих выступлениях представители Петербургского Сове-

---

[1] «Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг. Документы и материалы», Минск, 1955, стр. 405.

та,—пролетариат свергнет самодержавное правительство и возьмет власть в государстве в свои руки».[1]

Революционные выступления рабочих Белоруссии и в декабре 1905 г. являлись составной частью общероссийского рабочего движения. Эти, как и предыдущие выступления рабочих Белоруссии, свидетельствуют о крепнувшей в ходе революции пролетарской солидарности, а также о возраставшей дружбе белорусского и русского народов в их совместной борьбе против классовых врагов.

Декабрьское вооруженное восстание в Москве и в других городах России потерпело поражение. Причины, обусловившие поражение этого восстания, как и в целом первой русской революции, заключались, прежде всего, в том, что союз рабочего класса с крестьянством в революции тогда не был еще прочным, крестьяне действовали слишком распыленно, стихийно и неорганизованно. А это, в свою очередь, отразилось на поведении армии, большинство которой состояло из крестьян. И хотя в отдельных воинских частях были волнения и даже восстания, но в целом армия послужила опорой царизма в борьбе против раволюции. Недостаточно дружно действовали и рабочие. Вооруженное восстание московских рабочих не удалось превратить в единое всероссийское выступление пролетариата. Поражению вооруженного восстания способствовала также оппортунистическая политика меньшевиков, эсеров и буржуазных националистов, раскалывавших рабочий класс и вносивших дезорганизацию в его ряды.

Декабрьское вооруженное восстание, несмотря на поражение, имело огромное всемирно-историческое значение. Оценивая его опыт, В. И. Ленин вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции подчеркивал, что «до вооруженного восстания в декабре 1905 г. народ в России оказывался неспособным на массовую, вооруженную борьбу с эксплуататорами.

После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещенье. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 г...»[2]

Революция 1905—1907 гг. пробудила национально-освободительное движение всех угнетенных народов России, активизировала их борьбу за свое социальное и национальное освобождение. Революционнейший в мире рабочий класс России, выступивший гегемоном в первой русской революции, нанес удар по царизму и указал всем эксплуатируемым массам и угнетенным народам путь к самоотверженной революционной борьбе.

---

[1] «Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг. Документы и материалы», Минск, 1955, стр. 406.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 501—502.

Борясь против царизма и капиталистической эксплуатации, трудящиеся массы различных национальностей, населяющих нашу страну, выступали и против национального угнетения. В годы первой русской революции усилилась борьба белорусского народа за национальное равноправие, возросло его стремление к знаниям и образованию, к газетам, книгам и созданию школ на родном языке.

В. И. Ленин в работе «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», написанной в августе—октябре 1916 г., отмечал, что «для украинцев и белоруссов, напр., только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет еще завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой—(а это необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи)—здесь *еще* совершается».[1]

Развитие культуры белорусского народа происходило под благотворным влиянием передовой культуры братского великого русского народа, под могучим воздействием революционных идей марксизма-ленинизма. Произведения Маркса, Энгельса и Ленина, большевистские газеты и брошюры, несмотря на преследования царизма, распространялись по всей России, в том числе и среди трудящихся масс Белоруссии. Большевистские газеты на своих страницах часто публиковали статьи и корреспонденции, освещавшие революционную борьбу трудящихся масс на территории Белоруссии, положение рабочих и крестьян.

Достаточно сказать, что только в 1905 г. на страницах большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий» было опубликовано более 50 различных корреспонденций и сообщений о революционном движении трудящихся Белоруссии, а также о работе большевистских организаций и групп, действовавших в белорусских городах и других населенных пунктах.

Большевистские организации и группы, действовавшие на территории Белоруссии, руководствуясь ленинскими программными установками по национальному вопросу, вели решительную борьбу со всякого рода национализмом, как с великорусским, так и с местным, выступали против политики национального утнетения, против разжигания национальной розни между народами, за братское содружество трудящихся всех национальностей в борьбе с царским самодержавием.

Под влиянием большевистской литературы и в результате развернутой воспитательной работы, проводимой большевистскими организациями и группами, рабочие и крестьяне Белоруссии уже в ходе первой русской революции все более и более проникались сознанием, что они являются неразрывной частью

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 27.

единой революционной армии всей России, что их борьба—это часть общей борьбы российского пролетариата и крестьянства против царского правительства, помещиков и буржуазии.

В период первой русской революции в национально-освободительном движении Белоруссии значительную роль играло народное учительство, требовавшее преподавания в школах на белорусском языке, а также введения его в учительских семинариях и институтах. На происходившем весной 1907 г. съезде белорусских народных учителей было принято решение, требовавшее перестроить «дело народного образования на широких, свободных, демократических началах для пользы народа, чтобы поднять его общественное сознание».[1] Съезд также высказался за введение обучения в школах на родном белорусском языке. В своих приговорах и решениях крестьянские собрания в ряде мест также требовали, чтобы все дети школьного возраста получали образование на родном языке и за государственный счет.[2]

Во многих населенных пунктах учителя организовывали белорусские культурно-просветительные общества, библиотеки и кружки по изучению белорусского языка, проводили революционную пропаганду среди крестьян, призывали их на борьбу против царя и помещиков. В своем циркулярном письме, посланном 12 декабря 1906 г. пинскому уездному исправнику, минский губернатор отмечал, что в его распоряжении имеются сведения «о возбуждении учителем с. Пинкевич Мицкевичем крестьян того же села против помещиков и о предъявлении ими незаконных требований, а при неудовлетворении таковых к насильственному захвату имущества».[3]

Борьба белорусского народа за свое социальное и национальное освобождение, его стремление к сохранению и развитию своего родного языка, своей культуры находило отражение в литературном творчестве таких выдающихся деятелей белорусской культуры, какими являются Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич) и Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич). Начало литературного творчества этих классиков белорусской литературы, а также Тетки (Алоизы Степановны Пашкевич), непосредственно связано с первой русской революцией 1905—1907 гг. В своих произведениях они приветствовали революцию, призывали белорусский народ крепить неразрывную дружбу с единокровным братским русским наро-

---

[1] Цитируется по сборнику статей «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». Статья А. И. Вороновой и Е. П. Лукьянова «Революция 1905—1907 гг. в Белоруссии», стр. 209.

[2] «Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг. Документы и материалы», Минск, 1955, стр. 333.

[3] Цитируется по сборнику статей «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России», стр. 209. Упоминаемый губернатором учитель Мицкевич (его литературный псевдоним—Якуб Колас) один из виднейших советских писателей и зачинателей белорусской литературы.

дом, вести беспощадную борьбу против угнетателей. Революционно-демократическое творчество белорусских писателей помогало трудящимся массам в их освободительной борьбе против социального и национального угнетения.

После поражения декабрьского вооруженного восстания происходил постепенный спад революционной волны и усиление реакции. Все темные силы буржуазно-помещичьей России объединились для оголтелой расправы с участниками революции.

Однако, несмотря на свирепый террор, революционные рабочие, крестьяне и солдаты не прекращали борьбы. Они отступали медленно, с боями. В течение 1906 г. в стачках участвовало свыше миллиона рабочих и в 1907 г. — 740 тыс. В деревне же размах крестьянского движения достиг в 1906 г. еще большего размера, чем в 1905 г. Так, в первой половине 1906 г. крестьянским движением было охвачено 215 уездов, т. е. половина уездов всей России, тогда как осенью 1905 г. крестьянское движение распространилось на 160 уездов, или 37% всех уездов в России.[1] В то же время продолжались революционные выступления в армии и во флоте.

Вместе с рабочими и крестьянами всей России продолжали борьбу против царизма и трудящиеся Белоруссии. Стачечное движение рабочих в 1906 г. здесь еще имело довольно широкий размах. На предприятиях, подчиненных надзору фабрично-заводской инспекции, прошли 684 стачки. В них принимало участие 29 545 рабочих. В Гродненской губернии бастовало 15 846 рабочих, в Витебской—6322, Минской—4656, Виленской—2016 и Могилевской—705 рабочих.

Но стачечное движение в 1906 и в особенности в 1907 годах по сравнению с 1905 г. значительно снизилось. Подтверждением сказанному могут служить следующие сравнительные данные по пяти белорусским губерниям:

Таблица 9[2]

Губернии	Процент участников стачек к общему числу рабочих предприятий, охваченных стачечным движением		
	за 1905 г.	за 1906 г.	за 1907 г.
Витебская	54,3	29,4	22,5
Виленская	81,4	45,2	16,7
Гродненская	79,9	73,6	21,0
Минская	66,2	43,4	38,5
Могилевская	47,5	14,7	16,4

[1] См. А. М. Панкратова, Первая русская революция 1905—1907 гг., Госполитиздат, 1951, стр. 204 и 207.

[2] См. «Большевики Белоруссии в первой русской революции», Госполитиздат, 1955, стр. 116 и 126.

Большого размаха в 1906 г. достигло революционное движение белорусского крестьянства. В некоторых уездах острота борьбы крестьян против помещиков была такой же, как осенью 1905 г. 15 февраля 1906 г. могилевский губернатор сообщал министру внутренних дел о том, что «в Чериковском, Климовичском и Горецком уездах происходят разгромы помещичьих усадеб, составляются и передаются из деревни в деревню приговоры крестьянских обществ об отобрании земель и производится массовая рубка леса, оказывается вооруженное сопротивление властям и крестьяне отказываются платить подати».[1] По неполным данным, только за первые пять месяцев 1906 г. в Могилевской губернии было разгромлено 14 помещичьих имений.[2]

10 января 1906 г. минский губернатор в письме на имя командующего войсками Виленского военного округа просил его оставить воинские части (по одной роте на уезд) в Мозырском и Игуменском уездах, а также полусотню казаков—в Новогрудском уезде. Свою просьбу губернатор мотивировал тем, что в указанных уездах волнения крестьян «приняли настолько серьезный характер», что они грозят перерасти в крестьянские восстания.

В 1906—1907 гг. вместе с крестьянским движением происходили выступления сельскохозяйственных рабочих Забастовавшие батраки в Волковысском уезде добились значительного повышения заработной платы. Массовые забастовки батраков происходили летом 1906 г. и в 1907 г. в Гродненском, Пружанском, Новогрудском и других уездах.

Революционное движение крестьян и батраков царские власти подавляли воруженной силой. Карательные экспедиции подвергали крестьян и батраков арестам и жестоким избиениям. Летом 1906 г. только в Пружанскую уездную тюрьму в отдельные дни доставлялось до 40 крестьян. С 15 апреля по 20 сентября 1906 г. в Новогрудском уезде было арестовано 137 человек за участие в аграрном движении.

В конце 1906 г. массовые крестьянские выступления в Белоруссии становятся все реже и реже. В первой половине 1907 г. в крестьянском движении вновь появилось некоторое оживление, но оно не достигло того размаха, который был в 1906 г. Во второй половине 1907 г. крестьянское движение резко пошло на спад. Выступления крестьян происходили только в отдельных местностях и не носили массового характера.

---

[1] «Революционное движение в Белоруссии в 1905—1907 гг. Документы и материалы», Минск, 1955, стр. 514.

[2] Е. П. Лукьянов, А. И. Воронова, Революция 1905—1907 гг. в Белоруссии, Минск, 1954, стр. 47.

После поражения первой русской революции наступила полоса реакции, представлявшая собой одну из самых мрачных страниц в истории России. Объединенные силы реакции, одержав временную победу над революцией, стремились ликвидировать революционные завоевания рабочего класса и крестьянства с тем, чтобы укрепить расшатавшийся помещичье-капиталистический строй.

Жестокие репрессии обрушились на рабочих, принимавших участие в забастовках. Фабриканты заносили их в «черные списки» и увольняли с работы. Уже в 1908 г. повсеместно были понижены расценки на 10—15%. Вновь усилилась система грабительских штрафов, рабочий день удлинялся до 10—12 часов. Запрещались профсоюзы.

Так, например, владельцы кожевенных заводов Витебска, Вильно, Белостока и других городов, объединившись в кожевенный синдикат Северо-Западного края, обратились через буржуазные газеты к другим фабрикантам с предложением не допускать на предприятия рабочих, которые были уволены за участие в забастовках. В № 1 нелегальной газеты «Социал-Демократ (орган ЦК РСДРП) в феврале 1908 г. сообщалось, что деятельность профессиональных союзов сильно затруднена. Администрация закрывает их при всяком удобном случае и производит повальные аресты при первой попытке забастовочного движения.[1]

После поражения первой русской революции усилились распад и разложение в среде ее попутчиков, которые, отрекаясь от революции, всячески поносили ее, старались приспособиться к реакции и ужиться с царизмом. С большой силой проявилось разложение среди меньшевиков. Они в панике отступали и трусливо отрекались от революции, добиваясь ликвидации революционной нелегальной партии пролетариата и замены ее реформистской партией, с исключительно легальной деятельностью.

Примирившись со столыпинским режимом и приспосабливаясь к нему, меньшевики и в Белоруссии распространяли упаднические настроения, клеветали на рабочий класс и его партию. Например, минские меньшевики утверждали, что рабочие в подпольные кружки не идут и враждебно относятся к подпольным организациям, что оставшиеся на свободе социал-демократы «скованы равнодушием масс».[2]

Отказ от революционной борьбы, упадничество и ренегатство были свойственны эсерам и другим мелкобуржуазным партиям и течениям. К числу таких течений в Белоруссии принадлежала «Белорусская социалистическая громада», которая

---

[1] Газета «Социал-Демократ» № I за февраль 1908 г.

[2] Архив Белорусского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Инв. № 10 с разд. общ., д. 12. л. 10.

группировалась в годы реакции вокруг легальной белорусской газеты «Наша Нива».[1] Громадовцы проповедывали необходимость всемерной поддержки Государственной думы, всячески восхваляли политику кадетов и столыпинскую хуторизацию, осуждали борьбу рабочего класса против буржуазии и борьбу крестьян против помещиков и кулаков, отрицали закономерность и необходимость классовой борьбы и проповедывали классовый мир. Уже в первом номере, вышедшем в ноябре 1906 г., газета «Наша Нива» заявляла: «Не думайте, что мы хотим служить только, или господам или одним мужикам. Нет, нет, никогда. Мы будем служить всему белорусскому обиженному народу».[2] В национальном вопросе требования громадовцев сводились к установлению культурно-национальной автономии, изданию книг на белорусском языке и проведению мелких реформ.

В годы столыпинской реакции на позициях ликвидаторства стоял Бунд, призывавший еврейских рабочих к участию в буржуазно-просветительных обществах, в товариществах ремесленного труда и даже в религиозных обществах. Вместе с ликвидаторами и отзовистами Бунд входил в беспринципный Августовский блок, организованный Троцким против В. И. Ленина. В центре внимания Бунда стояли реакционные националистические требования: реформирование средневековой еврейской общины, установление обязательного субботнего отдыха для еврейских рабочих, устройство отдельных еврейских больниц и т. д. На VIII конференции Бунда, происходившей в сентябре 1910 г., главное внимание было уделено вопросам об еврейской общине и субботнем отдыхе, произносились «пламенные речи» ораторов с требованием «еврейских больниц», причем это требование «аргументировалось» тем, что еврейский рабочий, находясь в больнице, будет чувствовать себя плохо среди рабочих других национальностей и «будет чувствовать себя хорошо среди еврейских лавочников».

Став на путь обособления и сепаратизма, сея вражду и противопоставляя интересы еврейских рабочих интересам рабочих других национальностей, бундовцы на своей VIII конференции доходили до такого абсурдного утверждения, что якобы «в обособлении—национальное существование».

Большевики Белоруссии не прекращали вести непримиримую борьбу с бундовцами и в годы реакции. В секретном письме от 26 апреля 1913 г. «О положении партийной работы Российской социал-демократической рабочей партии в Западном районе» Департамент полиции, ссылаясь на агентурные сведения, отмечал, что наиболее активно ведут револю-

---

[1] «Наша Нива»—еженедельная легальная газета буржуазно-националистического направления. Выходила на белорусском языке с 1906 по 1915 г.

[2] «Наша Нива» № 1, ноябрь 1906 г.

ционную работу большевистские организации в Полесье, что «организации эти чисто рабочие», которыми ведется «постоянная борьба с бундовцами», примыкающими к «ликвидаторскому направлению» и идущими в некоторых вопросах еще «правее ликвидаторов». В письме также сообщалось, что большевистские организации, «существующие в Западном районе, издают листки и распространяют значительное количество подпольной литературы»[1]

В трудных условиях столыпинской реакции большевики Белоруссии готовили трудящихся к новым революционным боям. В феврале 1908 г. газета «Социал-Демократ» сообщала, что после четырехмесячного упадка возобновилась деятельность Минской группы РСДРП. Создана коллегия пропагандистов, имеются финансовая и типографская группы. В выпущенной двухтысячным тиражом прокламации давался марксистский анализ текущего момента и особо подчеркивалось, что «революция не окончена, ибо не уничтожены силы, вызвавшие ее».[2] Прокламация призывала рабочих накапливать силы и настойчиво готовиться к грядущим боям.

В одной из листовок Минская группа РСДРП разъясняла, что русская революция не умерла, а наступившая реакция не долговечна. Она не может сломить рабочего класса, и новая революция неизбежна. Обращаясь к рабочим, Минская группа писала: «Не тратьте дорогого времени, чтобы предаваться напрасным сомнениям и колебаниям, борьба скоро снова наступит. Пусть застанет она вас не слабыми и разрозненными, а во всеоружии сознательности и организованности... Теснее же, товарищи, в нашу единую российскую социал-демократическую рабочую партию!»[3]

Царизму не удалось уничтожить широко разветвленную сеть партийных организаций, возникших во время развертывания первой русской революции. На территории Белоруссии продолжал действовать Северо-Западный союз РСДРП, в состав которого входили Борисовская, Бобруйская, Копыльская и другие группы, не прекращавшие революционной борьбы и в годы реакции. В 1908 г. возобновили свою революционную деятельность социал-демократические организации в Бресте, Вилейке и Гродно.

В начале декабря 1908 г. (накануне V Всероссийской конференции РСДРП) происходила конференция организаций РСДРП Северо-Западного края. На этой конференции обсуждались следующие вопросы: 1) О текущем моменте; 2) Об отзовизме; 3) О просветительных обществах и 4) О профдвиже-

---

[1] ЦГИА, ф. ДП, 00, д. 5, ч. 11, л. 1.

[2] «Социал-Демократ» № 1, февраль 1908 г.

[3] Цитируется по книге «Большевики Белоруссии в первой русской революции», Госполитиздат, 1955, стр. 129.

нии. По всем этим вопросам были приняты большевистские резолюции.

В резолюции «О текущем моменте» конференция осуждала ликвидаторство и указывала на необходимость наряду с использованием легальных возможностей строить прежде всего нелегальные партийные организации, которые могли бы стать во главе рабочего движения. Далее, в этой резолюции подчеркивалось, что «причины, вызвавшие русскую революцию, не ликвидированы.., что мы переживаем только временное затишье, после которого неизбежно должен последовать подъем, к которому следует готовиться».[1]

По вопросу «Об отзовизме» конференцией единогласно была принята резолюция, «категорически отвергающая точку зрения «отзовистов», указывающая на необходимость участия соц.-демократических фракций в Гос. думе для использования ее, как трибуны в интересах агитационной деятельности в момент затишья,когда многие другие пути влияния на широкие слои населения отрезаны».[2]

Конференция указала на необходимость установления тесной связи между социал-демократическими организациями и думской с.-д. фракцией, а также безусловного подчинения фракции постановлениям центральных учреждений партии.

Конференция приняла решение «использовать существующие просветительные общества в интересах партийной работы», а также указала на необходимость «тесного сближения политических организаций с профессиональными союзами, вступления членов политических организаций в профессиональные союзы и образования там своих групп».[3]

Решения декабрьской конференции РСДРП Северо-Западного края свидетельствуют о том, что большевистские организации, действовавшие на территории Белоруссии и в трудных условиях столыпинской реакции, сохранили верность принципам марксизма, укрепляли связь с массами и готовились к новому революционному подъему.

Как и предвидели большевики, период реакции оказался недолговечным. Он вскоре сменился периодом нового революционного подъема. Уже в 1910—1911 гг. с наступлением подъема в промышленности началось оживление рабочего движения.

В статье «Начало демонстрации», написанной в декабре 1910 г., В. И. Ленин отмечал: «И вот, с лета текущего года начинается опять подъем. Число экономических стачечников *возрастает* и возрастает очень сильно. Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса но-

---

[1] Газета «Социал-Демократ» № 3 от 9 марта 1909 г.
[2] Там же.
[3] Там же.

вого подъема. ...Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы».[1]

Из этого ленинского указания видно, что начало нового революционного подъема следует относить не к 1912 г., как об этом говорится в пятой главе «Краткого курса истории ВКП(б)», а к лету 1910 г.

В обстановке начавшегося революционного подъема перед большевиками встала неотложная задача—навсегда покончить с формальным объединением в одной партии с меньшевиками, окончательно оформить самостоятельное существование большевистской партии. Это и было выполнено на VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, происходившей в январе 1912 г.

При этом нельзя упускать из виду, что «большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года.»[2], т. е. со всорого съезда РСДРП. В противовес этому основополагающему указанию В. И. Ленина ошибочно утверждается в «Кратком курсе истории ВКП(б)», что якобы «Пражская конференция положила начало партии нового типа, партии ленинизма, *большевистской партии».* («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 139). В действительности же большевики, находясь формально в течение ряда лет в одной партии с меньшевиками, всегда держались своих принципов, вели непримиримую борьбу против оппортунистов всех мастей и фактически имели свою отдельную организацию.

Касаясь того периода, когда большевики формально состояли в одной партии с меньшевиками, В. И. Ленин писал: «Партия тогда была едина, не было раскола, но была фракционность, т. е. *на деле* существовало в единой партии *две* фракции, две фактически отдельные организации... одна фракция оказалась побежденной на едином Стокгольмском съезде (1906), другая на едином Лондонском (1907)...

С 1912 года... *нет* в России фракционности среди организованных марксистов, нет споров о тактике в *единых* организациях, на единых *конференциях* и съездах. Есть *полная* разорванность между партией, формально заявившей в январе 1912 года о том, что ликвидаторы *не* принадлежат к ней, и ликвидаторами».[3]

В резолюции «О современном моменте и задачах партии» Пражская конференция констатировала, что в широких кругах демократии, и в первую очередь среди пролетариата, заметно усилилось политическое оживление, а также отметила начало нового подъема рабочего движения и особо подчеркнула, что

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 327.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 8.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 304—305.

«задача завоевания власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство, остается по-прежнему задачей демократического переворота в России».[1]

Мощный размах революционного движения в стране имел место весной 1912 г., когда с новой силой вспыхнули массовые политические забастовки в связи с расстрелом царскими войсками рабочих на Ленских золотых приисках 4 апреля 1912 г.

Около полумиллиона рабочих России приняли участие в забастовках, связанных с ленскими событиями. Всего же в 1912 г. бастовало свыше миллиона рабочих. По призыву большевиков рабочие Минска, Гродно, Бреста, Гомеля, Витебска, Могилева и других белорусских городов проводили политические стачки протеста, собирали деньги для оказания помощи семьям убитых ленских рабочих.

Возмущенные расстрелом ленских рабочих, рабочие гомельских промышленных предприятий в принятой на митинге резолюции заявляли, что они присоединяют свой горячий протест к протесту всего российского пролетариата против злодеяний царского правительства.

Убитые на Лене рабочие, говорилось в резолюции, завещали нам борьбу за лучшие условия труда, за свободу России, за социализм. Рабочие гомельских мастерских Либаво-Роменской железной дороги также резко протестовали против расстрела ленских рабочих.[2]

В Минске, Витебске, Гродно, Могилеве, Бобруйске на многих предприятиях происходили первомайские забастовки. В мае 1912 г. бастовали рабочие 17 слесарных мастерских в городе Минске. Забастовка продолжалась четыре недели и закончилась частичным удовлетворением требований рабочих. Рабочие других городов оказывали забастовщикам моральную и материальную поддержку.[3]

Еще более широкий размах стачечного движения имел место в 1913 г. и в особенности в первой половине 1914 г.

Если в 1912 г. по всей Белоруссии в стачках участвовало около 3 тыс. рабочих, а в 1913 г. количество стачечников увеличилось до 8 тыс., то за шесть месяцев 1914 г. (февраль—июль) на 277 предприятиях, состоявших под надзором фабричной инспекции, бастовало 17 418 рабочих.[4]

Подъем рабочего движения и массовые политические стачки способствовали развертыванию революционной борьбы

---

[1] «КПСС в резолюциях», ч. I, изд. 7, стр. 272.
[2] «Правда» № 24 от 27 мая 1912 г.
[3] «Правда» № 26 от 20 июня 1912 г.
[4] Данные о количестве бастовавших рабочих в 1913 г. заимствованы из книги «История БССР», т. I, стр. 437. Данные за шесть месяцев 1914 г. подсчитаны по таблице, приведенной в «Документах и материалах по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 712.

широких крестьянских масс. В годы нового революционного подъема крестьяне боролись против помещичьей и кулацкой кабалы, за землю и демократические свободы. В то же время росло сопротивление крестьян столыпинской аграрной политике, усиливалась классовая борьба внутри самого крестьянства.

Революционное движение широких масс белорусского крестьянства представляло грозную силу. По числу крестьянских волнений Минская губерния в 1912 г. занимала первое место в России.[1] Наряду с ожесточенной борьбой крестьян за сервитуты, наряду с массовыми порубками помещичьих лесов, потравами лугов и посевов все чаще повторялись случаи поджогов помещичьих имений, а также выступлений беднейших крестьян против «столыпинских помещиков»—кулаков.

В апреле 1912 г. крестьяне деревень Вульки и Бродницы Пинского уезда предприняли попытку захватить сервитутные земли, которые считались собственностью владельца имения Вульки. На защиту помещика прибыл отряд конной полиции. 23 апреля между крестьянами и полицейскими произошло столкновение, в результате которого было убито 2 и ранено 5 крестьян. Кроме того, 12 крестьян, оказывавших наиболее активное сопротивление полиции, было арестовано.[2]

В начале 1912 г. произошло кровавое столкновение крестьян деревни Тимохи Мстибовской волости Волковыского уезда с крупным отрядом конной полиции, насчитывавшем 56 всадников. Этот отряд предназначался для принудительного взыскания податей. Но крестьяне, вооружившись кольями и камнями, предприняли попытку не допустить полицейских в свою деревню. Тогда полицейские открыли ружейный огонь, в результате чего было убито 4 и тяжело ранено несколько крестьян.[3]

15 декабря 1911 г. крестьяне деревни Хотимск Самотевичской волости Чериковского уезда сожгли картонную фабрику помещика Голынского, причинив ему убыток на 75 тыс. руб. Поджог фабрики был совершен в отместку за то, что помещик не разрешал крестьянам переправляться на пароме через реку Бесядь, а также пасти скот на сервитутных землях.[4] Помещики Пинского уезда в октябре 1912 г. сообщали министру внутренних дел об участившихся случаях поджогов и вооруженного нападения крестьян на помещиков. Осенью 1913 г.

---

[1] См. «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 751.

[2] ГА Минской области, ф. 295, д. 395, л. 25. Сообщение минского губернатора в Департамент полиции.

[3] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 742.

[4] ЦГИА, ф. ДП, IV д-во, д. 41, ч. I, л. 10. Донесение начальника Могилевского жандармского управления в Департамент полиции.

в Могилевском уезде крестьяне совершили поджог имений Михалево, Сметаничи, Бабчино и Белыничи. 23 октября 1913 г. директор Департамента полиции сообщал министру внутренних дел о том, что «поджоги земледельческих экономий Могилевской губернии за последнее время значительно участились».[1]

В ряде мест крестьяне активно боролись против проведения столыпинской хуторизации. Крестьяне деревень Горовое и Морзы Лепельского уезда Витебской губернии три раза подряд прогоняли землемера, запрещая ему производить работы по размежеванию земель на хутора. 4 июня 1914 г. в эти деревни на усмирение прибыл отряд конной полиции в составе до 30 человек. Многих крестьян полицейские избили прикладами и нагайками. Восемь наиболее активных крестьян было арестовано.[2]

Бедняцкие и середняцкие слои деревни, разоряемые столыпинской аграрной реформой, все более активно выступали против деревенской буржуазии—кулаков, жгли их хутора, избивали землеустроителей, вступали в столкновения с полицией и войсками. Летом 1910 г. крестьяне деревни Лыково Вейнянской волости Могилевской губернии оказали сопротивление выделению на хутора четырем кулацким хозяйствам, имевшим до 100 десятин земли. Крестьяне прогнали кольями землемера и непременного члена землеустроительной комиссии, а затем сильно избили своих односельчан-кулаков, пожелавших выйти из общины. По делу о сопротивлении производству землемерных работ по отмежеванию хуторских участков было подвергнуто аресту 26 крестьян.[3]

В июле 1912 г. крестьяне села Судбова Борисовского уезда оказали сопротивление властям, прибывшим для разграничения владений местных кулаков, которые купили у помещиков землю через Крестьянский банк. Крестьяне, преимущественно женщины, отняли у землемера инструменты и прогнали пристава и земского начальника.[4]

В апреле 1913 г. крестьяне деревни Грушевка Речицкого уезда, вооружившись кольями и ружьями, разгромили хутора местных кулаков, мстя им за захват лучшей земли. За участие в разгроме 52 крестьянина были подвергнуты тюремному заключению. Летом 1914 г. один из землемеров сообщал в Минскую губернскую землеустроительную комиссию о том, что против изъявивших желание выделиться на хутора кулаков

---

[1] ЦГИА, ф. ДП, IV д-во, д. 41, ч. I, л. 12. Сообщение директора Департамента полиции министру внутренних дел.

[2] Там же, ф. ДП, д. 10. ч. I, л. 1—3.

[3] Там же, д. 41, ч. I, л. 7—8. Донесение могилевского губернатора в Департамент полиции.

[4] «Правда» № 6 от 11 июля 1912 г.

крестьянами «устраиваются в последнее время настоящие гонения с косами, топорами и кольями, и тем приходится спасаться, оставляя семьи и хозяйства».[1]

Нередко во главе крестьянских выступлений становились высланные из городов за участие в революционной деятельности рабочие, бывшие солдаты и матросы. Например, выступление крестьян Речицкого уезда, совершивших поджог помещичьей усадьбы против владельца имения Верхние Жары, возглавлял бывший матрос, который принимал участие в вооруженном восстании на броненосце «Потемкин».[2]

Все возраставшим революционным движением рабочих и крестьян руководили большевики, упорно и настойчиво готовившие широкие массы трудящихся к новой революции. Огромную роль в деле революционизирования масс играла большевистская газета «Правда», первый номер которой вышел 22 апреля (5 мая) 1912 г. «Правда» 1912 года, — писал И. В. Сталин,—это закладка фундамента для победы большевизма в 1917 году».[3]

В годы революционного подъема большую агитационно-пропагандистскую работу среди масс проводили и большевики Белоруссии. Особенно широко была развернута деятельность Полесского комитета РСДРП(б), который находился в железнодорожном районе Гомеля. Он руководил революционной работой правдистских групп, возникших в Клинцах, Жлобине, Пинске, Могилеве и других городах Белоруссии. В самом Гомеле большевистская организация весной 1912 г. насчитывала около 40 членов партии и до 30 человек, примыкавших к большевикам. Преобладающее большинство этой организации состояло из заводских и железнодорожных рабочих.[4]

Большевистские организации и рабочие коллективы поддерживали тесную связь с газетой «Правда», оказывали ей материальную поддержку. В письме в редакцию «Правды», посланном 29 декабря 1912 г., указывалось 9 адресов для высылки газеты.[5] На 1 июля 1914 г. в Северо-Западном крае было 214 подписчиков «Правды» в 48 пунктах. Из них в Могилевской губернии, где развертывал свою деятельность Полесский комитет, было 150 подписчиков в 13 населенных пунктах.[6] Как видно из отчетов о денежных поступлениях, публиковавшихся в «Правде», в фонд этой газеты большевиками Гомеля за период с июня 1913 по июль 1914 г. было проведено 10 групповых сборов и отослано в редакцию 182 руб. 07 коп.

---

[1] Цитируется по книге «История БССР», т. I, Минск, 1954, стр. 442.
[2] ЦГИА, ф. ДП, IV д-во, д. 40, ч. I, л. 73.
[3] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 128.
[4] Газета «Социал-Демократ» № 27 от 4 июня 1912 г.
[5] Партархив ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, л. 5, 8.
[6] Газета «Трудовая Правда» № 29 от 1 июля 1914 г.

Рабочие любили свою газету и всячески поддерживали ее. Они не только посылали в «Правду» собранные по копейкам трудовые деньги, но также писали корреспонденции, слали слова привета. Гомельские рабочие обратились в мае 1914 г. в редакцию «Правды» со следующим письмом: «Мы—рабочие гор. Гомеля, приветствуем дорогую защитницу наших интересов, газету «Путь Правды» и желаем успеха на ее тяжелом тернистом пути в деле просвещения российского пролетариата в духе марксизма».[1]

Читателями «Правды» являлись тысячи трудящихся белорусских городов и местечек. Ее передавали из рук в руки. Для распространения газеты правдистские группы привлекали железнодорожных рабочих, машинистов и кондукторов, которые, проезжая по различным железнодорожным станциям Белоруссии, передавали «Правду» рабочим и крестьянам, вербовали новых подписчиков.

С возникновением в 1912 г. большевистской газеты «Правда» Полесский комитет РСДРП(б) проводил огромную работу по созданию правдистских групп в городах и на отдельных промышленных предприятиях, по организации групповых рабочих сборов средств на эту газету. В статье «Итоги полугодовой работы», написанной в июле 1912 г., В. И. Ленин с большим удовлетворением отмечал работу, проведенную по групповому сбору средств на большевистскую газету «Правда» в ряде городов страны и в том числе в таких городах, как Двинск, Вильно, Гомель.[2]

«Каждый групповой сбор,—подчеркивал В. И. Ленин,—означает не только сумму пятаков и гривенников, но еще нечто гораздо более важное: сумму совместной, массовой энергии, решимость *групп* рабочую газету поддерживать, распространять, направлять, создавать своим собственным участием».[3]

Правдистские группы занимались не только сбором средств на большевистскую газету и ее распространением, но и подготовкой материалов для корреспонденций, а также разъяснением статей, публиковавшихся в «Правде». Такие группы существовали в ряде городов Белоруссии. Так, например, перечисляя нелегальные правдистские группы, возникшие с сентября 1912 г. до середины 1914 г., а также пункты, куда посылались газеты «Правда» и «Социал-Демократ» и откуда поступали групповые денежные сборы, В. И. Ленин называл такие белорусские пункты и города, как Минск, Гомель и др.[4]

---

[1] Газета «Путь Правды» № 48 от 28 мая 1914 г.
[2] См. В. И. Ленин., Соч., т. 18, стр. 173.
[3] Там же, стр. 171.
[4] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 3255/783.

В секретном сообщении Департамента полиции, посланном 23 июля 1913 г. Могилевскому губернскому жандармскому управлению, говорилось, что «в гор. Гомеле существует комитет Полесской социал-демократической организации; во главе организации состоят рабочие Либаво-Роменских железнодорожных мастерских,.. названный комитет связан с заграничным Центральным Комитетом и получает от последнего литературу и листки, которые перепечатываются затем в гор. Гомеле на гектографе... В данный момент деятельность группы выражается в сборе денег в фонд газеты «Правда», каковых и отослано в минувшем июне месяце 36 рублей».[1]

Отмечая годовщину ленского расстрела, Полесский комитет весной 1913 г. провел ряд собраний рабочих на предприятиях, а также массовок за городом—в Любенском лесу. В своих выступлениях на этих собраниях большевики вскрывали злодеяния царизма, призывали рабочих усилить борьбу против эксплуататоров.

Весной 1913 г. большевиками на территории Белоруссии широко распространялась прокламация Центрального Комитета РСДРП под названием «Годовщина ленской бойни», в которой разоблачались кровавые злодеяния царизма на ленских золотых приисках и указывалось на необходимость повсеместно отметить день ленского расстрела под знаменем борьбы за 8-часовой рабочий день — для рабочих, за конфискацию всех помещичьих и царских земель—для крестьян, за демократическую республику—для всего народа. Эта прокламация была перепечатана Полесским комитетом РСДРП и другими большевистскими организациями, действовавшими в Белоруссии.[2]

Прокламация «Годовщина ленской бойни» распространялась правдистской группой в Могилеве, которую возглавляло избранное бюро из трех человек. Могилевская правдистская группа создала свою библиотеку, укомплектовав ее марксистской литературой. В библиотеке имелись такие произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал» и «Гражданская война во Франции». Из ленинских работ в библиотеке были «Что делать?» и «Шаг вперед, два шага назад». Кроме того, библиотека располагала подшивкой газет «Правда» и журналов «Просвещение» и «Вопросы страхования».[3]

Центральный Комитет большевистской партии, избранный на Пражской конференции, оказывал систематическую помощь большевистским организациям Белоруссии путем посылки газет и литературы, а также своих представителей. В 1913 г.

---

[1] ЦГИА, ф. ДП, д. 5, ч. 45, л. 6, 1913.
[2] ЦГИА, ф. ДП, ч. II, д. 5. л. I.
[3] Архив Белорусского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Инв. № 818, разд. 5, д. 3, л. 9, 11, 13.

по заданию Центрального Комитета партии в Белоруссию неоднократно приезжал член большевистской фракции IV Государственной думы, старый большевик А. Е. Бадаев. Он объехал ряд партийных организаций, помогал им в налаживании агитационно-пропагандистской работы среди рабочих, а также в подготовке к очередному съезду партии.

В своей книге «Большевики в Государственной думе» А. Бадаев свидетельствует, что при наметке распределения мест между партийными организациями на партийный съезд, созыв которого намечался на 1914 г. (созыву съезда помешала начавшаяся летом 1914 г. первая мировая война), парторганизациям Белоруссии предполагалось предоставить 2—3 места.[1]

Рабочие ряда городов Белоруссии поддерживали тесную связь с большевистской фракцией IV Государственной думы. Газета «Трудовая правда» писала, что бастующие кожевники посадочного цеха города Могилева обращались к депутату Бадаеву с сообщением «о вмешательстве полиции в мирно протекающую стачку». После решительного протеста депутата Бадаева директор Департамента полиции вынужден был «принять меры к предотвращению такового вмешательства».[2]

Тогда же группа рабочих Витебска, арестованных полицией за принадлежность к нелегальному профсоюзу, обратилась к депутату Бадаеву «за содействием в их освобождении».[3]

Благодаря помощи, которую оказывали местным партийным организациям Центральный Комитет партии и большевистская думская фракция, в результате умелого сочетания легальной и нелегальной работы большевики Белоруссии настойчиво и терпеливо готовили массы рабочих и крестьян к свержению эксплуататорских классов, к завоеванию диктатуры пролетариата.

Революционное движение трудящихся Белоруссии под руководством большевиков являлось неразрывной частью общероссийского революционого движения рабочего класса и крестьянства, вместе с которым оно развивалось в направлении к новой революции. Первая мировая война, всей тяжестью обрушившаяся на народные массы, ускорила процесс революционизирования их и вплотную подвела к необходимости ниспровержения царизма.

IV. БЕЛОРУССИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война, начавшаяся летом 1914 г., была войной несправедливой, захватнической, империалистической. Она возникла в силу неравномерности развития капиталистических

[1] А. Бадаев, Большевики в Государственной думе, ОГИЗ, изд. 7, 1941, стр. 335.
[2] «Трудовая правда» № 22 от 22 июня 1914 г.
[3] «Трудовая правда» № 24 от 25 июня 1914 г.

стран, в силу резкого нарушения равновесия внутри мировой системы капитализма и стремления империалистов к переделу уже поделенного мира в целях получения максимальных прибылей.

В войне боролись две коалиции крупнейших империалистических государств: Германия и Австро-Венгрия—с одной стороны, Англия, Франция, Россия—с другой. Несколько позднее в войну вступили США, Япония, Турция и ряд других капиталистических государств.

В исключительно тяжелых условиях военщины и полицейского террора, с особой силой свирепствовавшего на территории, близко расположенной к театру военных действий, а значит и в Белоруссии, большевики сумели сохранить свои нелегальные организации и группы, находили пути для связи с массами, для пропаганды революционных идей.

Строго соблюдая конспирацию, большевики проводили агитационную работу на призывных пунктах, расположенных на территории Белоруссии: в Терюках Гомельского уезда, Горках Городокского уезда, Бешенковичах Лепельского уезда и т. д.[1] Они разъясняли призванным в царскую армию, что война начата в интересах помещиков и капиталистов в целях ограбления чужих народов, что против этой несправедливой, грабительской войны необходимо вести решительную борьбу.

Рабочие городов, батраки и бедняцкие слои деревни активно поддерживали большевиков, выражали недовольство развязанной господствующими классами империалистической войной. Уже в первые дни мобилизации в ряде населенных пунктов Белоруссии произошли активные выступления призванных на военную службу рабочих и крестьян, участились разгромы помещичьих имений.

Крупные антивоенные выступления происходили летом 1914 г. в Сенненском уезде Витебской губернии. Под влиянием большевистских агитаторов, разоблачавших империалистический характер войны, мобилизованные в армию сельскохозяйственные рабочие и крестьяне разгромили имения Быково, Гамшино, Рамишки, Срыдлово. Ими же было разгромлено и сожжено имение Ходцы[2]. Для «наведения порядка» в Сенненский уезд с крупным отрядом конной полиции выезжал витебский губернатор.[3]

В июле 1914 г. призванные на войну крестьяне Мозырского уезда Минской губернии разгромили и сожгли имения Буда-Софиевка, Михалки, Люденевичи, Букча, Юзефин, Великий Боков, Прудки и Санюки. Во время разгрома имений крестьяне избивали помещиков, уничтожали заведенные судебные де-

---

[1] ЦГИА, ф. ДП, IV д-во, оп. 106, д. 108, ч. 10, л. 8.
[2] ЦГИА, ф. ДП, оп. 107, д. 138, ч. 41, лл. 15, 21—22.
[3] ЦГИА, ф. ДП, IV д-во, оп. 106, д. 108, ч. 41, л. 7.

ла о порубках и других нарушениях, а также исполнительные листы по взысканию с крестьян денег.[1]

Антивоенные выступления и разгромы помещичьих имений происходили в Гомельском, Оршанском, Чаусском, Мстиславском, Могилевском, Минском, Бобруйском, Игуменском и других уездах Белоруссии.

Царские власти с особой жестокостью расправлялись с участниками антивоенных выступлений, разгромов помещичьих имений и забастовок в Белоруссии, территория которой с самого начала войны оказалась прифронтовой полосой Северо-Западного фронта, а с августа 1915 г.—театром военных действий.

Уже в июле 1914 г. начальником Минского военного округа было издано обязательное постановление для населения Брест-Литовского, Кобринского, Пружанского и Слонимского уездов Гродненской губернии «О действиях, наказуемых по законам военного времени». Строго запрещались всякого рода собрания, шествия и манифестации, продажа газет, журналов, брошюр и книг без разрешения военных властей, а также «оглашение в печати сведений и статей, возбуждающих к стачкам и забастовкам рабочих и служащих на фабриках, заводах и во всякого рода промышленных и торговых предприятиях, а равно в среде сельских рабочих». В постановлении особо подчеркивалось, что в местностях, объявленных на военном положении, все лица, включая и гражданское население, «подлежат военному суду и наказанию по законам военного времени (до смертной казни включительно): 1) за бунт против верховной власти; 2) за умышленный поджог... и т. д»[2]

14 июля 1914 г. минский губернатор в своем отношении начальникам полиции предлагал «принять самые решительные меры к быстрому подавлению... могущих возникнуть волнений и беспорядков среди рабочих в Минской губернии». В качестве упреждающих мер «к недопущению беспорядков среди рабочих» губернатор предлагал «установить наблюдение за уличной жизнью в тех местностях, где имеются фабрики, заводы, мастерские и другие предприятия.., не допуская скопления публики, каких-либо демонстраций и других выступлений». Особое внимание обращалось на то, чтобы «не печатались в местных типографиях и не распространялись в виде летучек или иным способом прокламации, воззвания и т. п. нелегальная литература, направленная к возбуждению рабочих масс».[3]

Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал Я. Жилинский в секретном распоряжении начальнику

---

[1] ГА Минской области, ф. 295, д. 10 591, л. 197—198.

[2] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 786—788.

[3] ГА Минской области, ф. 295, д. 10 591, л. 6. Отношение минского губернатора начальникам полиции губернии от 14 июля 1914 г.

снабжения того же фронта, посланном в конце июля 1914 г., писал, что по сведениям, поступающим из Департамента полиции, социал-демократические группы намечают организовать в районе фронта забастовки железнодорожников. Чтобы не допустить распространения забастовок в районе фронта, генерал Жилинский предлагал «в случае появления забастовочных движений на железных дорогах... немедленно формировать для их подавления боевые поезда и ставить во главе их людей решительных, а для подавления забастовок в других случаях немедленно арестовать возможно большее число зачинщиков и лиц, имеющих влияние на бастующих, и предавать их военно-полевому суду».[1]

На территории Белоруссии с самого начала войны были пущены в ход военно-полевые суды, которые выносили смертные приговоры за революционные выступления и поджоги помещичьих имений. Только за поджог имения Юзефин, принадлежавшего князю Радзивиллу, было привлечено к судебной ответственности 20 крестьян. Один из них — Николай Коханович 18 декабря 1914 г. был «казнен во исполнение над ним приговора Минского военно-окружного суда».[2]

За разгром помещичьих имений в начале войны по приговору военно-полевого суда было повешено четыре крестьянина Сенненского уезда Могилевской губернии и многие сосланы на каторгу. В то же время за антивоенные выступления было повешено пять человек.[3]

Применяя жестокие полицейские и военные репрессии, царские власти надеялись очистить прифронтовую полосу от революционных элементов. С этой целью наиболее активные и закаленные в классовой борьбе кадровые рабочие были отправлены на фронт. Большевистские организации в Гомеле, Минске, Витебске, Гродно и в других белорусских городах подверглись разгрому уже летом 1914 г. Еще до официального вступления России в войну все белорусские губернии были объявлены на военном положении с распространением жестокого режима военного времени.

Однако ни драконовские законы военного времени, ни чрезвычайные меры царских властей, ни жестокие приговоры военно-полевых судов не могли предотвратить надвигавшейся революции. Наоборот, первая мировая война оказалась могучим ускорителем революции в нашей стране. Ход общественного развития наглядно подтверждал предвидения В. И. Ленина, который еще в начале войны указывал, что ужасы войны будут не только запугивать и забивать массы, «...но и просве-

---

[1] ГА Минской области, ф. 295, д. 10 591, л. 281.

[2] Там же, ф. 183, д. 40 664, л. 3. Обвинительный акт товарища прокурора Минского окружного суда.

[3] ГА Минской области, ф. 295, д. 10 591, л. 198.

щать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран».[1]

Первая мировая война нанесла хозяйству царской России, и без того отсталому, большие разрушения, привела в глубокое расстройство всю экономическую жизнь страны. Бесплановость в организации и ведении военного хозяйства, стремление буржуазии поживиться за счет военных заказов и подрядов (в ущерб развитию других жизненно важных отраслей промышленности), достигшие чудовищных размеров воровство, взяточничество, спекуляция, общая отсталость промышленности, транспорта и упадок сельского хозяйства — все это приводило к развалу народного хозяйства страны.

За период 1914—1917 гг. по всей стране было закрыто 1768 промышленных предприятий, а вновь открыто только 942.[2] Таким образом, число ликвидированных промышленных предприятий почти в два раза превышало число вновь открытых. Страна испытывала острый недостаток в металле, топливе, различного рода промышленных изделиях и продуктах питания.

Вследствие быстро растущей дороговизны и ухудшения условий труда положение рабочего класса во время войны стало невыносимо тяжелым. Уже к концу 1916 г. товарные цены возросли в сравнении с 1914 г. на 200—300%, а на предметы первой необходимости—в 5—6 раз и более. В то же время номинальная зарплата была увеличена всего лишь на 80—90%. Рабочие и их семьи голодали. Рабочий день, как правило, был тогда везде удлинен обязательными сверхурочными часами для выполнения военных заказов. Для замены мобилизованных на войну рабочих-мужчин капиталисты стали широко применять женский и детский труд, хотя и менее квалифицированный, но зато более дешевый. Все это вызывало острое недовольство рабочих и работниц, создавало благоприятную почву для вовлечения их в активную революционную борьбу против эксплуататорских классов.

Особенно губительно отразилась война на положении рабочего класса и состоянии промышленности Белоруссии.

Уже к весне 1915 г. цены на продукты питания в белорусских губерниях поднялись на 200—300%. Так, в Гродненской губернии цена на рожь весной 1915 г. была на 240% выше, чем осенью 1914 г., цена на овес возросла на 330% и картофеля на 100%.[3] Резкое увеличение цен на сельскохозяйственные продукты имело место и в других белорусских губерниях. Это

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 24.

[2] Подсчитано по материалам, приведенным в книге П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР», т. II, стр. 638.

[3] См. «Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны (июль 1914—апрель 1915.)», Петроград, 1916, стр. 21.

объяснялось тем, что в связи с мобилизацией на войну мужского населения в сельском хозяйстве не хватало рабочих рук, а поэтому не весь урожай во-время был убран с поля. Кроме того, огромное количество посевов было уничтожено обозами передвигавшихся воинских частей, переполнявших весь этот район.

На взвинчивании цен наживались спекулянты, помещики и кулаки. Трудовое же население городов и деревенская беднота терпели невыносимую нужду. Даже в официальном издании «Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны», составленном в 1916 г. редакцией периодических изданий министерства финансов в в Петрограде, отмечалось, что в Виленской губернии цены на все сельскохозяйственные продукты возросли за первые 9 месяцев войны на 200—300% и что «барышами от столь значительного повышения цен воспользовались, главным образом, скупщики-спекулянты и крупные землевладельцы, которые могли выждать указанный подъем цен... беднейшие же крестьяне, которым самим приходилось прикупать хлеб на продовольствие и семена, равно как и городское население, страдали от высоких цен».[1]

Старший фабричный инспектор Минской губернии в своем донесении от 10 сентября 1915 г. сообщал министерству торговли и промышленности об исключительно тяжелом экономическом положении Минской губернии. «Положение Минской губернии,—говорилось в донесении,—по мере приближения неприятеля продолжает ухудшаться. Большинство промышленных заведений уже приостановилось и только небольшое число их в восточной части губернии продолжает еще работать пониженным темпом.

Рабочие, число которых сильно сократилось, встревожены... жить теперь в Минске, в особенности людям семейным, делается невозможно. Ввиду отсутствия подвоза и переполнения города воинскими частями, потребляющими все еще сохранившиеся у населения скудные запасы провизии, цены на все жизненные продукты сильно поднялись. Ни черного, ни белого хлеба в городе купить невозможно, и в ресторанах, не исключая первоклассных, хлеб подается к обеду не каждый день. Сахар уже давно не продается. Нет также свеч, нет и керосина. Настроение всюду тревожное».[2]

Летом 1915 г. на территории Белоруссии стали развертываться военные действия. В августе была сдана крепость Брест-Литовск, а 3 сентября русские войска оставили город

[1] «Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны (июль 1914—апрель 1915 г.)», Петроград, 1916, стр. 22.

[2] «Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.)», т. III, Минск, 1953, стр. 809, 810.

Гродно. 9 сентября германский конный корпус переправился через реку Свенту севернее Вилькомира и, оттеснив русскую конницу, стал угрожать тылам Западного фронта. Совершив свенцянский прорыв, немецкие войска заняли Вильно, Вилейку, Новогрудок и Барановичи. Ставка Верховного главнокомандующего предварительно была перемещена из Баранович в Могилев. В тылу русских войск, и в особенности в тылу X армии Западного фронта, германская кавалерия уничтожала склады, разгоняла мелкие гарнизоны и этапные батальоны. Ценой больших усилий русским войскам ко 2 октября удалось ликвидировать свенцянский прорыв и занять фронт по линии озеро Дрисвяты—озеро Нарочь—Сморгонь—Делятичи на Немане.[1] Однако и после ликвидации прорыва значительная часть территории Белоруссии оказалась оккупированной немецкими войсками.

Бездарное царское правительство и его командование оказались совершенно неспособными организовать в широких размерах эвакуацию населения и имущества из угрожаемой полосы. Из 200 промышленных предприятий Белостока эвакуировано было всего лишь 18, из Бреста—6, из Гродно только 3.[2] При этом эвакуация производилась в спешке, в виду непосредственной военной угрозы и без всякого плана. Нередки были случаи, когда оборудование одного и того же предприятия отправлялось в разные концы страны, а поэтому не могло быть использовано на новом месте и, в конечном итоге, приходило в негодность.

Сотни фабрик и заводов белорусских городов Бреста, Гродно, Кобрина, Слонима и других были разрушены в результате наступления немецких войск, а промышленное оборудование вывезено в Германию.

Нависшая опасность дальнейшего продвижения немецких войск заставила царских министров эвакуировать ряд лучших предприятий из Белоруссии вглубь России. Наиболее крупный металлообрабатывающий завод «Якобсон и Лившиц» из Минска был эвакуирован в Ярославль. Два механических завода из Минской губернии (заводы товариществ Янишевского, Майзель и Шлапаков) были перевезены в Харьков, а Минский завод «Энергия»—в Москву. Там же были размещены обувные фабрики «Орел», «Быстроход» и «Русь». Некоторые промышленные предприятия были эвакуированы из Белоруссии в Царицын, Самару, Ярославль и другие города.[3] Оборудование за-

---

[1] См. А. Зайончковский, Мировая война 1914—1918 гг., т. I, Воениздат, 1938, стр. 324—326.

[2] «История БССР», т. I, Минск, 1954, стр. 475.

[3] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 811.

вода сельскохозяйственных машин, находившегося в Витебске, было вывезено в город Рыбинск.[1]

Уровень промышленности Белоруссии, как и всей России, во время войны катастрофически падал. Предприятия некоторых отраслей промышленности (например, дрожжево-винокуренной и деревообделочной) уже в первый период войны почти полностью прекратили производство. Так, в одном только Речицком уезде Минской губернии к весне 1916 г. бездействовало 12 лесопильных заводов. В группе лесопильного и фанеропильного производства число предприятий по Минской губернии сократилось с 85 в 1913 г. до 56 в 1915 г., а количество рабочих уменьшилось с 3438 в 1913 г. до 1445 в 1915 г.[2]

На ряде предприятий произошло сокращение рабочих и уменьшение объема производства. Так, например, в Минской губернии на 23 лесопильных заводах количество рабочих сократилось с 669 в 1913 г. до 405 по состоянию на 1 июля 1915 г. Количество рабочих на машиностроительных и металлообрабатывающих заводах соответственно сократилось почти наполовину (с 803 в 1913 г. до 439 рабочих в 1915 г.)[3]

На машиностроительном заводе товарищества «Якобсон, Лившиц и К°» количество рабочих к лету 1915 г. сократилось почти наполовину (с 227 в 1913 г. до 125 рабочих в 1915 г.), а объем производства уменьшился на 40%. Владельцы этого завода в своем прошении жаловались старшему фабричному инспектору Минской губернии на отсутствие подвоза чугуна, кокса, угля и других необходимых для производства материалов. «Все материалы,—говорилось в прошении,—на исходе, а подвоза нет. Мы вынуждены будем из-за этого закрыть свои заводы».[4]

Из-за прекращения отправки по железной дороге готовой продукции и отсутствия подвоза необходимых материалов летом 1915 г. в Минской губернии была закрыта обойная фабрика Канторовича и выброшено на улицу 200 рабочих. Такое же количество рабочих было выброшено на улицу из-за прекращения работы гребенной фабрики фирмы «Турнье Франсуа». Тогда же закрылась обойная фабрика Эпштейна, на которой было занято 80 рабочих и ряд других предприятий.[5]

О сильном сокращении производства и упадке промышленности в годы первой мировой войны свидетельствуют материа-

---

[1] «Промышленность БССР. Итоги и перспективы», отд. II, Изд. ВСНХ БССР, Минск, 1928, стр. 66.

[2] «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», том VII, вып. I, М., 1921, стр. 12—13.

[3] Подсчитано по таблице, приведенной в III томе «Документов и материалов по истории Белоруссии», Минск, 1953, стр. 800—803.

[4] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 799.

[5] Там же, стр. 797.

лы промышленной переписи 1918 г. по Витебской и Могилевской губерниям. Так, в Могилевской губернии из 212 предприятий, работавших в 1913 г., продолжало действовать к 1916 г. 141 промышленное предприятие, а в Витебской губернии из 186—только 93. Валовая продукция промышленных предприятий по указанным выше губерниям упала на одну треть, с 41292,5 до 29082,1 тыс. рублей (в довоенных ценах). Перед войной (в 1914 г.) в Минской губернии промышленных предприятий, подчиненных действию законов о фабрично-заводской промышленности, было 292 с количеством рабочих около 15 000. На 1 января 1917 г. в числе действующих предприятий было всего лишь 134 с 7300 рабочих.[1]

Одновременно с быстрым падением промышленного производства в целом, отдельные отрасли промышленности в некоторых губерниях Белоруссии (металлообрабатывающая, деревообрабатывающая, предприятия кожевенного производства, обувной и швейной промышленности), выполнявшие военные заказы, значительно расширились и увеличили выпуск продукции. Так, количество рабочих, занятых в металлообрабатывающей промышленности в Могилевской и Витебской губерниях в 1916 г. увеличилось на 50% в сравнении с 1913 г.[2]

Часть металлообрабатывающих заводов Белоруссии во время войны была переведена на изготовление военного снаряжения и боеприпасов, преимущественно трехдюймовых артиллерийских снарядов и ручных гранат. В одном только Минске изготовлением ручных гранат занималось пять механических заводов.[3]

Наживаясь на военных заказах, капиталисты деревообрабатывающей промышленности Могилевской губернии увеличили объем производства, дав валовой продукции на 7625,9 тыс. руб. в 1916 г. против 1800,4 тыс. руб. в 1913 г. Количество металлообрабатывающих предприятий в Могилевской губернии увеличились с 26 в 1913 г. до 34 в 1916 г.

В связи с массовым пошивом обмундирования для армии, в Белоруссии был создан ряд крупных пошивочных мастерских с сотнями рабочих. Производство предметов одежды и туалета по Могилевской и Витебской губерниям увеличилось в 1916 г. почти в четыре раза: с 363,2 тыс. руб. в 1913 г. до 1400,4 тыс. руб. в 1916 г. В начале войны в Белоруссии возникло несколько новых кожевенных заводов.[4] Во второй половине 1914 г. в Горецком уезде Могилевской губернии было открыто 20 но-

---

[1] ГА Минской области, ф. 311, д .235, л. 28.

[2] См. «Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР», Минск, 1949, стр. 25.

[3] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 811.

[4] «Материалы к отчету ВСНХ о состоянии промышленности Белоруссии за 1921—1922 гг.», Изд. ВСНХ БССР, 1922, стр. 38.

вых промышленных предприятий, в числе которых преимущественно были лесопильные и кожевенные заводы, выполнявшие военные заказы.[1] Однако этот подъем был временным. К концу 1916 г. и особенно в 1917 г. объем производства стал быстро уменьшаться и в этих отраслях промышленности.

Непосредственная близость к фронту обусловила значительные изменения в качественном составе промышленности Белоруссии к 1917 г. Наряду с расширением некоторых старых металлообрабатывающих и деревообрабатывающих предприятий, во время войны в Белоруссии было создано много временных, приспособленных к обслуживанию нужд фронта мастерских и предприятий.

Для обслуживания нужд фронта в Белоруссии было сосредоточено большое количество кадровых рабочих из Петрограда и Москвы, из Урала, Донбасса и других промышленных центров страны, прошедших огромную школу революционной борьбы с царизмом. Достаточно сказать, что только в Гомельских автомобильных мастерских, на военной базе, в авиационных и артиллерийских парках работало около 10 000 человек, а в военных мастерских в городе Бобруйске было занято около 1400 рабочих.[2] По состоянию на 18 августа 1915 г. на предприятиях Минской губернии, выполнявших заказы военных ведомств, было занято около 2000 рабочих. Из указанного количества на четырех махaнических заводах в Минске, изготовлявших шрапнельные токарные станки и трансмиссии, было занято 320 рабочих, а в артиллерийской починочной мастерской, производившей ремонт артиллерийских орудий, работало 800 квалифицированных рабочих.[3] Многие из них были отправлены в прифронтовую полосу и на фронт за революционную деятельность. Таким способом царское правительство пыталось покончить с революционными выступлениями рабочих внутри страны. Но эти расчеты не оправдались. Как известно, мобилизация революционных рабочих на фронт увеличивала пролетарскую прослойку в армии, благодаря чему армия крепче связывалась с движением рабочего класса, проникалась революционными идеями. Опираясь, прежде всего, на солдат-рабочих, большевики и развертывали агитационно-пропагандистскую работу по разоблачению империалистического характера войны, по мобилизации широких солдатских масс на борьбу за претворение в жизнь лозунгов партии по вопросам войны, мира и революции.

Кроме того, необходимо учитывать, что крупные военные мастерские и промышленные предприятия, расположенные в

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, д. 100, л. 5—6. Ведомости о фабрично-заводских промышленных заведениях по Горецкому уезду за 1914 г.

[2] «История БССР», т. I, Минск, 1954, стр. 482.

[3] ГА Минской области, ф. 311, д. 231, л. 73. Список предприятий, занятых изготовлением заказов по государственной обороне.

прифронтовой полосе на таких важных железнодорожных узлах, как Минск, Гомель, Орша, Витебск и других, являлись важнейшей опорой большевистских организаций на территории Белоруссии в борьбе против контрреволюционных сил в 1917 г., за победу социалистической революции в нашей стране.

* * *

Огромные опустошения причинила война сельскому хозяйству всей страны.

Массовые мобилизации населения в армию оторвали от производительного труда около 16 млн. человек. Кроме 1423 тыс., состоявших на военной службе в царской армии до объявления войны, за три с половиной года войны было призвано в армию дополнительно еще 14 375 тыс. человек.[1]

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., по 50 губерниям Европейской и Азиатской России, не оккупированным немецкими империалистами, было мобилизовано в армию 47,4% всех трудоспособных мужчин. В Белоруссии же, в связи с ее положением как прифронтовой полосы, в армию было мобилизовано: в Могилевской губернии—50,7%, в Витебской—52,2% всех трудоспособных мужчин.[2]

Приведенные фактические данные показывают, что более половины общего количества крестьянских семейств на территории Белоруссии оставались без кормильцев. По состоянию на 1 сентября 1917 г. число призванных в сельской местности Витебской губернии составило 178,6 тыс., Могилевской—219,4 и Минской—236,4 тыс. чел.[3]

В то же время требовалось большое количество рабочих рук для обслуживания нужд фронта. Полицейские и военные власти принудительно заставляли население прифронтовой полосы рыть запасные окопы, ставить проволочные заграждения, производить ремонт грунтовых дорог и мостов, подвозить на своих подводах к фронту колючую проволоку, продовольствие, топливо и другие материалы. К принудительным работам привлекалось поголовно все более или менее работоспособное население прифронтовой полосы, не исключая стариков, женщин и подростков. Так, минский губернатор в циркуляре за № 658 от 24 февраля 1916 г. предписывал всем начальникам полиции немедленно произвести строгий учет всех работоспособных мужчин и женщин, не исключая и подростков, а также указать количество возможного использования подвод.

---

[1] «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)», Центр. статистическое управление. Отдел военной статистики, М., 1925, стр. 4.

[2] Там же, стр. 21.

[3] Там же, стр. 49.

Такой строгий учет населения и подвод, писал губернатор, вызывается необходимостью более полного «распределения между населением губернии обязанности по поставке рабочих и подвод, принудительно привлекаемых на оборонные, дорожные, мостовые и другие военного значения работы».[1]

В ответ на указанную директиву минский уездный исправник доносил губернатору, что по состоянию на 3 марта 1916 г. во всех 16 волостях уезда осталось всего лишь 1880 более или менее работоспособных людей, пока еще не занятых на принудительных работах. Остальное же население уезда в количестве 16 514 человек уже длительное время выполняет «принудительные работы, связанные с государственной обороной».[2]

Принудительные работы ложились тяжелым бременем на местное население прифронтовой полосы. Уже к концу 1915 г. новогрудский уездный исправник доносил минскому губернатору о том, что «...оставшееся население незанятой неприятелем части уезда почти все занято исключительно работами по укреплению позиций».[3] Из уезда на принудительные работы в феврале 1916 г. было направлено 11 000 рабочих и 1200 подвод.[4]

2 марта 1916 г. Комитет инженерно-строительных дружин Западного фронта просил мобилизовать на окопные работы в помощь инженерно-строительным дружинам 3500 подвод и 34 500 рабочих. Указанное количество рабочих и подвод распределялось по следующим населенным пунктам: Столбцы, Алехновичи, Горынь, Снов-Гуличи, Молодечно, Койданово, Кривичи, Видибор, Погорельцы, Слуцк, Полоцк, Воропаево, Минск и др.[5]

Помимо гражданских властей население прифронтовой полосы насильно заставляли выполнять окопные и другие оборонные работы командиры даже мелких воинских подразделений. Так, командир 4 роты 5 Кавказского этапного батальона 2 марта 1916 г. издал распоряжение о мобилизации на длительное время всех пригодных к труду мужчин, женщин и подростков деревень Койданово, Ольховка, Ясево и Чапли для выполнения окопных работ. «Рабочие,—говорилось в распоряжении,—будут проживать продолжительное время на участках и бараках и потому должны взять с собой все необходимое».[6] В начале марта 1916 г. минский уездный исправник сообщал губернатору, что для срочных работ вблизи позиций воинские власти мобилизовали все местное население «без предъявления требований к чинам полиции». Население таких

---

[1] ГА Минской области, ф. 295, д. 11 444, л. 23.
[2] Там же, л. 58.
[3] Там же, д. 486, л. 4.
[4] Там же, д. 11 444, л. 58, 33.
[5] Там же, л. 159.
[6] Там же, л. 327.

волостей, как Сверженская, Столпецкая, Семково-Городецкая, Заславская и Острошицко-Городецкая, говорилось в сообщении, полностью привлечено воинскими властями «к принудительным и другим военным работам и свободных рабочих в этих волостях совершенно нет».[1]

В связи с подготовкой и проведением весеннего сева в адрес гражданских и воинских властей все чаще поступали настойчивые требования о сокращении принудительных работ для сельского населения, хотя бы на 50%. Под напором этих требований Главнокомандующий армиями Западного фронта дал «распоряжение об освобождении населения от принудительных работ с 20 марта».[2]

Однако это распоряжение осталось только на бумаге, и мобилизация для выполнения окопных и других работ продолжалась в течение весны и лета 1915 г. Оторванные от своих полей в самую горячую пору сельскохозяйственной страды, крестьяне обращались к начальству с бесчисленными жалобами. Например, группа крестьян Волковыского уезда, работавшая без смены с 15 мая по 7 июня 1915 г. по укреплению передовых позиций под Липском, просила гродненского губернатора освободить их от продолжения работ на 8 участке крепости, куда их посылало военное ведомство. 20 июля 1915 г. выборные от 180 крестьян Слонимского уезда писали гродненскому губернатору, что их уже на протяжении трех недель не отпускают с работ по укреплению позиций 1 Гродненского участка. «Дома у нас,—писали крестьяне,—рабочих не осталось и поля наши не убраны, несмотря на плохой урожай в нашем уезде». Крестьяне деревень Чепели, Раубецка и Мурава Сухопольской волости 13 августа 1915 г. жаловались гродненскому губернатору, что их в течение месяца не отпускают с работ по укреплению 6 форта крепости, в результате чего урожай остается неубранным и нет кому вести обработку земли для озимого сева.

О массовых мобилизациях крестьян на принудительные работы в самый разгар сева и уборки урожая свидетельствует множество и других фактов. Так, начальник этапно-хозяйственного отдела V армии в телеграмме от 20 июня 1915 г. просил минского губернатора мобилизовать 600 крестьян (из них 200 с подводами) сроком на один месяц для строительства подъездов на реке Березине, возле Бобруйска. В начале июня того же года было мобилизовано на принудительные работы свыше 700 крестьян Волковыского и Бельского уездов Гродненской губернии. В телеграмме от 4 июня 1915 г. гродненский губернатор предлагал уездным исправникам перед отправкой крестьян на принудительные работы «внушить им, что за укло-

---

[1] ГА Минской области, ф. 295, д. 11 444, л. 59.
[2] Там же, л. 358.

нение или побег они будут подвергнуты тюремному заключению и сейчас же по освобождении отправлены на работу на вдвое более продолжительное время, а в случае вторичного уклонения или побега, выселены, как неблагонадежные».[1]

Не избавлялось от непосильных принудительных работ население и тех волостей Витебской и Могилевской губерний, которые находились на значительном удалении от фронта. В принудительном порядке тысячи крестьян посылались на фортификационные работы за сотни километров от своего местожительства, голые и босые, голодные и больные.

Массовые мобилизации населения на принудительные работы происходили также в 1916—1917 гг. В течение трех весенних месяцев (март—май) в 1916 г. на окопах и других военных работах было занято 14 956 рабочих и 5141 подвода из Бобруйского уезда, 13 854 рабочих и 5786 подвод из Игуменского уезда.[2] Такое же, примерно, количество рабочих и подвод выполняло принудительные работы и в других уездах. Военный инспектор в Полоцке 29 марта 1916 г. предлагал срочно мобилизовать 1000 рабочих и 500 подвод «для исправления дороги, имеющей важное военное значение» в районе Сеславино.[3]

В начале мая 1916 г. канцелярией минского губернатора была получена телеграмма от старосты Дубровенского общества Лельчицкой волости с жалобой на то, что военные власти самоуправно мобилизовали 30 крестьян, которых заставляют производить рубку дров в урочище Горно. «Если этих крестьян, — говорилось в телеграмме, — не вернуть на полевые работы, то их земля останется не засеянной, а их семьи останутся без хлеба».[4]

Мобилизация на принудительные работы не прекращалась и в летние месяцы. Так, 9 июня 1916 г. минский губернатор телеграфировал уездным исправникам о необходимости послать «в разные пункты Новогрудского, Слуцкого, Пинского и Минского уездов для выполнения военных работ 21 000 рабочих и 2100 подвод».[5]

В июне 1916 г. крестьяне Копаткевичской волости Мозырского уезда обращались с жалобой к председателю Государственной думы на действия местных властей, которые в разгар сенокоса и уборки урожая мобилизовали из волости 500 человек на рытье запасных окопов. Большинство крестьянских семей, говорилось в жалобе, в результате мобилизации на при-

---

[1] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 821, 822 и 823.

[2] ГА Минской области, ф. 295, оп. 1, д. 11 419, л. 3.

[3] Там же, л. 391.

[4] Там же, л. 420.

[5] Там же, д. 11 454, л. 6.

нудительные работы «остались без работников, почему сенокос и хлеб останутся неубранными».[1]

Один из крестьян-бедняков деревни Мочулище Минского уезда в своем заявлении губернатору писал, что в его семье имеется трое малолетних детей от 7 до 11 лет. Жена тяжело больна и несмотря на это местный староста «внес меня и единственную лошадь мою в список для работ в окопах и мне необходимо 16 сего июня уже явиться в Сенницкую волость для отправки на место работы. Таким образом, все мое хозяйство остается на произвол судьбы и нам грозит нищета и голод».[2]

Подобного рода заявления и жалобы на имя минского губернатора летом 1916 г. поступали от крестьян дер. Слободка, Межу-Речье, Курган, Мартыновичи, Ванющицы, Пережира и ряда других.

За выполнение принудительных работ устанавливалась весьма низкая оплата (предельная оплата за одноконную подводу 4 руб. 75 коп. и рабочему—полтора рубля в сутки). Но руководители работ зачастую выплачивали только половину заработанных денег, или вовсе отказывались платить, присваивая эти деньги себе путем различных махинаций. Например, один из производителей работ, военный инженер-капитан Еремеев 21 февраля 1916 г. послал в Самохваловичское волостное правление Минского уезда официальное отношение, извещавшее, что будет производиться расчет с крестьянами за произведенные принудительные работы только 28 и 29 февраля в дер. Прилуки Мирской волости Новогрудского уезда. За получением денег надо было идти более, чем за 100 километров, а поэтому многие крестьяне совсем отказались «от явки за деньгами... ввиду дальности расстояния».[3] Таким образом, заработанные крестьянами деньги попали в карман производителя работ.

На неуплату денег за выполненные ими работы жаловались крестьяне Станьковской, Койдановской, Докшицкой, Бортниковской и других волостей. В коллективном заявлении крестьяне дер. Ляскович, Харчиц и Дмитрович Борисовского уезда писали: «Несколько сот рабочих, пеших и конных, работало в течении шести недель на постройке мостов и дорог,... не получая никакого расчета. Работы приостановлены и уже около трех месяцев не выплачиваются следуемые нам деньги».[4]

75 крестьян села Дмитрович Борисовского уезда в конце февраля 1916 г. подали коллективную жалобу на имя минского губернатора, в которой писали, что за произведенные ими принудительные работы в ноябре и декабре 1915 г. в райо-

---

[1] ГА Минской области, ф. 295, оп. I, д. 11 454, л. 16.

[2] Там же, л. 37.

[3] Там же, д. 11 444, л. 121. Пометка старшины Самохваловичской волости.

Там же, л. 149. Заявление крестьян от 29 февраля 1916 г.

не войск X армии, они получили расчет на 50% ниже установленной платы. На запрос губернатора руководитель работ по устройству дорог и мостов для X армии инженер И. Г. Мухин ответил, что такое произвольное снижение расценок произведено им в связи «с наступлением зимней поры и очень коротким (6 и 7 часов) рабочим днем». Значительные суммы денег недополучили и 114 крестьян, производившие ремонт грунтовой дороги на участке Гнездиво—Осово.[1]

16 июня 1916 г. крестьяне деревни Вольберович Тумиловичской волости Борисовского уезда в количестве 73 человек в коллективном заявлении на имя минского губернатора писали: «Военно-дорожные работы мы производили с 20 января сего года по 20 февраля. За работы нам уплатили лишь за первую неделю, а за остальное время нам вовсе не уплочено».[2]

Мобилизация и сопровождение крестьян на принудительные работы производились под конвоем стражников и полицейских. 1 июня 1916 г. канцелярия главного начальника Минского военного округа сообщала минскому губернатору о том, что в его распоряжение командируется «53 стражника из полицейского резерва Главного начальника Минского военного округа, для направления их одновременно с рабочими по расчету одного стражника на 500 рабочих, или 200 подвод».[3] Об одной из таких мобилизаций, происходивших в конце 1916 г. в Велижском уезде, газета «Оршанский вестник» сообщала, что сначала крестьян вызывали в волостное управление, а потом под конвоем гнали пешком на земляные работы в Витебск. Среди мобилизованных большинство составляли женщины и девушки. «Сцены и картины, имевшие место при высылке этих девушек и женщин, ...по своему трагизму и тяжести не поддаются никакому описанию. Несколько человек умерло в пути. Многие девушки были изнасилованы конвоирами. А сколько было слез, рыданий, душу раздирающих сцен, этого не перечесть».[4]

Непосильные принудительные работы, отсутствие заботы об условиях труда, организации питания и жилищных условий, а также различные мошеннические махинации с выплатой заработанных денег вызывали массу недовольств, перераставших зачастую в открытое сопротивление крестьян полиции. Например, 5 декабря крестьяне деревни Мельдерешки Витебской губернии убили урядника 5 участка Двинской полицейской стражи, прибывшего наряжать подводы на принудительные работы, а 8 декабря крестьянами деревни Гамзеново Полоцкого уезда по тем же причинам был убит стражник. Сообщая об этих фактах в Департамент полиции, витебский губернатор

[1] ГА Минской области, ф. 295, д. 11 444, л. 154, 141, 436.
[2] Там же, д. 11 454, л. 28.
[3] Там же, л. 4.
[4] Газета «Оршанский вестник» № 694 за январь 1917 г.

писал, что население губернии «...вообще враждебно настроено против чинов полиции за постоянное беспокойство всевозможными нарядами на работы, вызываемые военным временем».[1]

Комиссия штаба Западного фронта, обследовавшая условия труда на нескольких участках, где производились принудительные работы, вынуждена была отметить, что огромное недовольство у крестьян вызывает то обстоятельство, что их заставляли работать подряд по 2—3 месяца, тогда как при посылке на работу обещали отпустить не позже, чем через две недели. Кроме того, в ряде мест руководители работ произвольно снижали размер платы. «Это обстоятельство,— говорилось в отчете комиссии,—также вызывает немало недоразумений и недовольства среди рабочих, считающих, что они оказываются обманутыми, что им незаконно не выдают всего, что им причитается».[2]

Даже минский губернатор, обеспокоенный все возрастающим недовольством населения непосильными принудительными работами, в своем отношении за № 844, посланном в марте 1916 г., обращал внимание Главного начальника снабжения армий Западного фронта на то обстоятельство, что «привлечение населения к принудительным работам в Минской губернии находится в исключительных условиях, созданных близостью боевой линии... Количество требуемых рабочих и подвод нередко превышает наличные работоспособные силы на местах, срок же сбора их очень часто определяется почти часами, а поэтому воинские власти берут без всякого разбора всех, кого только можно привлечь к работам».[3]

В знак протеста против произвола крестьяне отказывались выходить на работы, самовольно уходили с участков производимых работ, или скрывались при проведении мобилизаций. В ноябре 1916 г. руководитель работ 4 участка Западного фронта сообщал о самовольном уходе с принудительных работ большой группы крестьян селений Ремезы, Васьковка, Маховичи, Скрыгалов Мозырского уезда. Тогда же пристав 2 стана Мозырского уезда составил протокол по обвинению группы крестьян Копаткевичской волости в самовольном уходе с принудительных работ. Как видно из протокола, крестьяне жаловались на непосильный изнурительный труд, плохое питание и отсутствие какой бы то ни было медицинской помощи.[4]

За уклонение от принудительных работ крестьян штрафовали, подвергали тюремному заключению и даже высылке «как неблагонадежных». 27 декабря 1916 г. пристав 1 стана Мозырского уезда в рапорте на имя уездного исправника предлагал подвергнуть 16 крестьян штрафу по 300 руб. каждого,

---

[1] ЦГИА, ф. 102, оп. 108, д. 10, ч. 9, л. 2.
[2] ГА Минской области, ф. 295, д. 11 444, л. 273.
[3] Там же, л. 277.
[4] Там же, д. 11 453, л. 10 и 23.

или дать им по три месяца тюрьмы «за нарушение обязательного постановления Главного начальника Минского военного округа от 31 июля 1914 года, выразившемся в том, что будучи высланы в Пинский уезд на принудительные работы, самовольно возвратились домой».[1]

Трехмесячному тюремному заключению за уклонение от принудительных работ подверглись в 1916 г. многие крестьяне деревни Гармович и села Славковичи Бобруйского уезда. Тюрьма города настолько была переполнена, что бобруйский уездный исправник в донесении за № 436 от 23 ноября 1916 г. сообщал минскому губернатору о невозможности вместить в местную тюрьму всех, приговоренных к заключению, «так как заключению там подлежит до 550 человек, а ее помещение—на 40 человек».[2]

Тюремному заключению и штрафам подвергались многие крестьяне и других уездов Белоруссии. Но эти репрессивные меры только подливали масло в огонь растущего недовольства и озлобления крестьянских масс против виновников войны, разжигали чувство ненависти к царским чиновникам, помещикам и капиталистам.

Война в корне подорвала все средства производства в сельском хозяйстве. Массовые реквизиции лошадей, крупного рогатого скота, свиней и овец губительно сказались на состоянии животноводства страны. Уже за первые 19 месяцев войны общая убыль скота составляла до 26 млн. голов. Общее число рабочих лошадей по 50 губерниям Европейской России сократилось с 17,9 млн. в 1914 г. до 12,8 млн. голов в 1917 г.[3] Всего за время войны 1914—1917 гг. в стране было реквизировано 2760 тыс. голов рабочих лошадей, из них 955 183[4]—в 1917 г. В результате этих реквизиций огромное количество крестьянских хозяйств превратились в безлошадные.

В Белоруссии, как прифронтовой полосе, реквизиции скота производились в еще более широких размерах, чем в тех губерниях, которые находились дальше от фронта. Кроме реквизиционных комиссий, созданных гражданскими властями, в прифронтовой полосе действовали армейские, корпусные и дивизионные реквизиционные комиссии, которые при помощи вооруженной силы забирали у населения лошадей, коров, свиней, овец, а также сено, солому и зерновые продукты.

Всею своею тяжестью реквизиции обрушились на бедняцко-середняцкие слои деревни. Существовавшие волостные и

---

[1] ГА Минской области, ф. 295, д. 11 453, л. 18.
[2] Там же, д. 11 442, л. 6.
[3] П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, ОГИЗ, 1948, стр. 643—644.
[4] «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)», ЦСУ, Отдел военной статистики, М., 1925, стр. 22.

уездные реквизиционные комиссии состояли из помещиков и местных чиновников. Что же касается армейских, корпусных и дивизионных реквизиционных комиссий, то они состояли из офицеров царской армии, т. е. сынков тех же помещиков и капиталистов. Все эти комиссии стояли на страже интересов помещиков и деревенской буржуазии—кулаков.

В Минской губернии уже в самом начале 1915 г. предназначалось к реквизиции 18 000 голов крупного рогатого скота. Из них: в Игуменском уезде—3000, Мозырском—2700, Речицком—2700, Бобруйском—2100, Пинском—1800, Слуцком—1500, Новогрудском—1200 и т. д.[1]

Реквизиции следовали одна за другой без всякой плановости и порядка. В том же Новогрудском уезде, где в начале 1915 г. было реквизировано 1200 голов рогатого скота, при повторной реквизиции, происходившей с 23 сентября по 8 октября того же года, было реквизировано 1290 лошадей, 1548 коров, 8550 пудов сена, 29 254 пуда соломы, 3220 пудов ржи, 401 пуд ячменя, несколько комплектов упряжи, повозок и другого имущества.[2]

Характеризуя тяжелое продовольственное положение местного населения, новогрудский уездный исправник в середине декабря 1915 г. доносил минскому губернатору о том, что все население вообще, а крестьяне в особенности, поставлены в очень затруднительное положение из-за нехватки продуктов первой необходимости. У местного населения фураж реквизирован войсковыми частями, в результате чего оставшийся у крестьян скот пропадает от бескормицы.[3]

Перебои в централизованном снабжении армии, вызванные нераспорядительностью и гнилостью государственного аппарата царской России, общей разрухой хозяйства страны, и в особенности железнодорожного транспорта, командование воинских частей старалось компенсировать за счет ограбления населения прифронтовой полосы.

Даже предводитель дворянства Борисовского уезда в своем донесении, посланном минскому губернатору 14 октября 1915 г., вынужден был признать, что армейскими реквизиционными комиссиями «совершенно игнорируются интересы местного населения», что в результате «полного отсутствия порядка в производстве реквизиций» зачастую в один и тот же населенный пункт прибывает одновременно по нескольку реквизиционных комиссий. В частности, говорилось в донесении,

---

[1] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 820.

[2] Подсчитано по материалам донесения новогрудского уездного предводителя дворянства минскому губернатору от 16 октября 1915 г. ГА Минской области, ф. 299, д. 2564, л. 319.

[3] Там же, ф. 295, д. 486, л. 3. Рапорт новогрудского уездного исправника от 13 декабря 1915 г.

в местечко Логойск почти одновременно прибыло три комиссии: из II армии и две из III Сибирского и 26 армейского корпусов X армии. После крупных пререканий комиссию II армии заставили уехать в другие волости, а когда одна из реквизиционных комиссий окончила свою работу, то представитель другой комиссии тут же объявил, что «теперь он начнет в Логойске и южной части Логойской волости реквизицию всего фуража и всего зерна». Обеспокоенный ростом недовольства местного крестьянства, предводитель дворянства просил минского губернатора «возбудить вопрос перед военным начальством об ограждении интересов местного населения и об отмене столь тяжелых для населения реквизиций».[1]

На явное бесчинство воинских реквизиционных отрядов обращал внимание в своих сообщениях от 15 октября 1915 г. на имя начальника интендантства X армии председатель Заславской волостной реквизиционной комиссии. Реквизиция военными, говорилось в сообщении, производится так: «приходит один военный и делит все пополам; на следующий день другой делает то же.»[2]

Доведенные до отчаяния крестьяне нередко оказывали реквизиционным комиссиям ожесточенное сопротивление, бросались на вооруженных фуражиров с вилами и кольями. Но всякий раз подобного рода выступления крестьян жестоко подавлялись. Их избивали, арестовывали и предавали военно-полевому суду.

Часто повторявшиеся реквизиции скота, фуража и продуктов продовольствия для армии обрекали население прифронтовой полосы на нищету и голод, причиняли крупный ущерб сельскому хозяйству Белоруссии. Из материалов сельскохозяйственной переписи 1916 г. видно, что по неоккупированным немецкими войсками 12 уездам Минской и Витебской губерний количество крупного рогатого скота только с 1915 по 1916 г. сократилось на 393 100 голов, или на 27,9%. Общее количество скота в Белоруссии к 1917 г. сократилось на 50%. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. одна пятая часть крестьянских дворов Белоруссии осталось без лошадей. В то же время было много крестьян, совсем не имеющих рабочего и продуктивного скота.

За годы войны на неоккупированной немецкими империалистами территории Белоруссии посевная площадь сократилась на 47% по ржи и на 53% по овсу и ячменю. Урожайность зерновых культур снизилась на 25—30%.[3] Повсеместно происходило обнищание широких масс крестьянства Белоруссии.

---

[1] ГА Минской области, ф. 299, д. 2564, л. 339.

[2] Там же, л. 472.

[3] См. «Народное хозяйство в 1917 году», вып. VII, а также «Историю БССР», т. I, стр. 479.

В связи с отступлением русских армий летом 1915 г. тяжелому бедствию подвергалось население обширной территории Белоруссии, по которой непосредственно проходил фронт. Лишенное имущества и крова, оно вынуждено было покидать родные места и эвакуироваться вглубь страны. Массовое неорганизованное бегство мирного населения из фронтовой полосы приняло катастрофический характер. С остатками жалких пожитков жители покидали горящие города, местечки и села, включались в людской поток беженцев, растянувшийся по дорогам на многие сотни километров.

Во время войны эвакуациями было охвачено более 500 тыс. квадратных километров территории царской России. По далеко неполным данным в числе беженцев, состоявших на учете, к началу 1917 г. было 1 320 511 человек, проживавших ранее в Белоруссии. Из одной только Гродненской губернии было 750 680 беженцев. В пределах Минской губернии к 1 января 1916 г. насчитывалось 116 812 беженцев.[1]

По состоянию на 8 октября 1915 г. по тракту Койданово—Столбцы—Мир и Городея—Снов находилось под открытым небом, в лесах и на полях до 35 тысяч беженцев,[2] не имевших средств к существованию.

Белорусские города и населенные пункты в прифронтовой полосе оказались переполненными беженцами. Достаточно сказать, что в таком сравнительно небольшом городе уездного типа, как Пинск Минской губернии (по переписи 1897 г. в Пинске насчитывалось 28 368 жителей обоего пола), к осени 1915 г. оказалось «осевших беженцев в количестве около 20 000».[3] По 5—6 тысяч беженцев проживало в таких маленьких белорусских местечках, как Койданово, Замирье и других.[4]

В середине августа 1915 г. пинский предводитель дворянства сообщал минскому губернатору, что материальное положение беженцев «самое неудовлетворительное». Чтобы купить хотя бы небольшое количество продуктов многие из них вынуждены продавать за бесценок своих лошадей с упряжью, чем широко пользовались спекулянты. «Бывали, например, случаи,—говорилось в сообщении,—продажи пары лошадей с возом и упряжью за 10 руб.»[5] О подобного рода фактах говорилось и в письме коменданта 5 Сибирского армейского корпуса от 4 октября 1915 г. «На станции Столбцы,—говорилось в письме,—беженцы, стараясь попасть на поезд, ...продают своих лошадей и повозки за бесценок, по 5—10 рублей. Причем, покупателями по преимуществу являются ...барышники,

---

[1] Партархив ЦК КПБ, ф. 60, оп. 1, д. 53, л. 27, 28.

[2] ГА Минской области, ф. 295, д. 10 841, л. 31. Журнал особого совещания по вопросу об устройстве беженцев.

[3] Там же, д. 11 162, л. 126.

[4] Там же, д. 11 163, л. 73.

[5] Там же, д. 11 162, л. 139.

которые потом приводят этих лошадей в пункты реквизиции и сдают в казну, получая большие барыши».[1]

На заседании Речицкого уездного комитета по оказанию помощи пострадавшим от военных действий, происходившем 14 сентября 1915 г., было установлено, что на станции Речица продолжительное время стоят без движения 6 поездов, в которых насчитывается не менее 6 тыс. беженцев. Всего же, на сравнительно небольшом расстоянии по линии железной дороги от станции Василевичи до станции Речица, образовался затор в 58 поездов с 58 тыс. беженцев. На этом же заседании отмечалось, что в результате большого наплыва беженцев в городах ощущается острый «недостаток продуктов первой необходимости, в том числе ржаной муки, сахару и соли».[2]

До конца 1915 г. через территорию Могилевской губернии проследовало более одного миллиона беженцев и осталось на жительство в губернии около 43 тыс. человек.[3]

Ограбленное постоянными реквизициями белорусское население прифронтовой полосы не имело возможности оказать сколько-нибудь существенной помощи беженцам. От голода и холода, от возникших на этой почве эпидемий, без какой-либо медицинской помощи, они сотнями умирали в страшных мучениях.

8 сентября 1915 г. владелец имения Хмельники Бобруйского уезда Витольд Станкевич в письме на имя председателя Совета министров следующим образом характеризовал бедственное положение беженцев: «В моем дворе и садах помещается 20—40 тысяч несчастного народа, холодного и голодного; холера забирает ежедневно массу жертв, лежит падаль, которую никто не убирает, во флигеле ютятся десятки холерных больных, санитарной помощи никакой, воздух ужасный, народ уезжает, а новоприбывшие занимают их места в сплошной грязи и тут же умирают. Покойников закапывают тут же на пол аршина глубины на дворе».[4]

Мозырский уездный предводитель дворянства 28 августа 1915 г. телеграфировал минскому губернатору о том, что из-за отсутствия свободных мест в больницах приходилось отправлять заболевших в пути беженцев даже такими заразными болезнями, как холера и сыпной тиф, «вместе со здоровыми», что влекло за собой быстрое распространение эпидемий.

15 сентября 1915 г. начальник Минского отделения жандармского управления железной дороги, сообщал минскому гу-

[1] ГА Минской области, ф. 295, оп. 1, д. 11 196, л. 68.

[2] Там же, д. 10 920, л. 84, 85.

[3] ЦГИА, ф. 102, оп. 16, д. 167, л. 6, ч. 45.

[4] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 836.

бернатору о том, что «на станции Минск, ожидая посадки, лежат на платформах и путях до трех тысяч больных беженцев, в большинстве женщины и дети. Вокруг станции в городской черте лежит их до 10 тысяч. Ни те, ни другие медицинской помощи не получают, хотя заболевания, даже холерные, весьма значительны».[1] По состоянию на 30 сентября 1915 г., когда почти не переставая шли дожди и установилась холодная, пасмурная погода, только возле такой маленькой железнодорожной станции, как Житковичи Полесской железной дороги, скопилось более 10 тыс. беженцев, в том числе много больных, живших под открытым небом.[2]

Работники санитарной службы сообщали в сентябре 1915 г., что в пределах Минской губернии беспрерывно тянутся толпы голодных, разутых и раздетых беженцев, «а многие малые дети по разным причинам отстали от своих родных и, не имея средств к существованию и без крова, заболевают и многие на дороге умирают. ...Это бедственное положение,—подчеркивалось в этом документе,—губит народу больше, чем гибнет на войне».[3]

Врачебно-санитарный отдел Минского железнодорожного узла в середине октября 1915 г. сообщал, что только на одном братском кладбище, на земле помещика Чарноцкого, за несколько дней было похоронено 1516 трупов и что в сентябре 1915 г. «наплыв мертвых тел доходил до 100 в день».[4]

Комитет Бобруйского отдела Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны в сообщении от 18 ноября 1916 г. доносил Центральной комиссии Литовского общества следующее: «Вследствие скученности в тесных помещениях, плохого питания и, вообще неблагоприятных условий в каких находятся беженцы, имеют место заразные болезни и вследствие этого наблюдается громадный процент смертности как детей, так и взрослых, а именно: на 2467 человек в месяц умирает около 25 человек».[5]

Большое количество беженцев проживало в населенных пунктах Белоруссии вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Например, в одном только городе Бобруйске и его окрестностях в августе 1917 г. проживало 2634 беженца, не считая детей, потерявших родителей и размещенных в приютах.[6]

Массовый наплыв беженцев в города и села Белоруссии истощал последние запасы продовольствия, служил одной из причин распространения эпидемий среди местного населе-

---

[1] ГА Минской области, ф. 295, оп. I, д. 11 011, л. 315.
[2] Там же, д. 11 161, л. 99.
[3] Там же, д. 11 011, л. 355.
[4] Там же, д. 11 163, л. 94.
[5] ЦГАОР БССР, ф. Р-617, оп. 2, д. I, л. 3.
[6] Там же, л. 51.

ния. Их бедственное положение, обусловленное войной, вызывало все возраставшее недовольство рабочих, крестьян и солдат политикой господствующих классов, затягивавших войну. Этапно-транспортный отдел штаба IV армии еще в октябре 1915 г. в специальном письме на имя минского губернатора обращал внимание на то, что «бедственное положение беженцев в ближайшем тылу армии вредно отражается на моральном состоянии войск, особенно если принять во внимание, что были случаи встречи нижних чинов тыловых частей войск, управлений и учреждений, происходящих из районов, занятых противником, с их блуждающими семьями, от которых они узнают печальную картину их скитаний без поддержки и помощи. Рассказы эти,—подчеркивалось в письме,—через нижних чинов тыла, быстро доходят до строевых частей и там производят угнетающее впечатление и, надо полагать, служат причиною самовольных отлучек».[1]

Приведенные выше факты показывают, что, обрушиваясь всей своею тяжестью на плечи трудящихся, война ускоряла процесс революционизирования трудящихся масс. Широкие народные массы в ходе войны все больше и больше приходили к убеждению, что единственный выход из этого невыносимо тяжелого положения заключается в свержении самодержавия. Война до крайности обострила все внутренние противоречия политической и экономической жизни России, ускорила и приблизила не только буржуазно-демократическую, но и социалистическую революцию в нашей стране.

Во главе повсеместно нараставшего революционного движения шел рабочий класс нашей страны под руководством большевистской партии. Нелегальные большевистские организации сплачивали и активизировали рабочие массы на борьбу за превращение войны империалистической в войну гражданскую, за поражение царского правительства. Руководя борьбой российского пролетариата против самодержавия и буржуазии, партия большевиков в то же время проводила огромную работу по революционному воспитанию трудящихся в духе непримиримости к оппортунизму, в духе пролетарского интернационализма, проводила, как указывал В. И. Ленин, «...максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*».[2]

Центром рабочего движения и наиболее определенных политических его требований в той конкретной исторической обстановке был Петроград с его революционными традициями,

---

[1] ГА Минской области, ф. 295, оп. 1, д. 11 011, л. 423.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 269.

с его наиболее сознательным и революционным пролетариатом. В письме к питерским рабочим В. И. Ленин отмечал, что «Питер—не Россия. Питерские рабочие—малая часть рабочих России. Но они—один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России. А в критические минуты жизни народов бывало не раз, что даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собой всех, зажигали огнем революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги».[1]

Уже со второй половины 1915 г. забастовки рабочих Петрограда все более и более начали приобретать политический характер. В июле бастовало 217 рабочих трубочного завода «Промет», 1570 рабочих завода «Новый леснер», 300 рабочих воздухоплавательного завода и ряда других промышленных предприятий.[2]

Одновременно происходили массовые стачки в Москве и ряде других городов страны. По данным фабрично-заводской инспекции в 1915 г. произошло 1034 стачки, из них—215 политических. В стачках принимало участие около 524 000 рабочих.[3] Наибольшее количество стачек и участвовавших в них рабочих было в таких важнейших экономических и политических центрах страны, как Петроградский и Московский промышленные районы. В 1915 г. в Петроградской и Московской губерниях произошло 322 стачки, в которых участвовало 285 972 рабочих. Следовательно, в этих двух губерниях было 36% всех стачек, имевших место во всей стране. В них участвовало более 53% всех бастовавших рабочих.[4]

Значительно возросло количество забастовок и число участвовавших в них рабочих в 1916 г. На предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, в указанном году было зарегистрировано 1284 забастовки, в которых участвовало 951 700 рабочих.[5]

С осени 1916 г. в рабочем движении Петрограда и Москвы начинается период всеобщего и массового нарастания политических требований под непосредственным руководством подпольных большевистских организаций, вооруженных гениальными установками В. И. Ленина по вопросам войны, мира и

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 358—359.

[2] См. «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1917 гг.», Лениздат, 1939, стр. 236.

[3] ЦГВИА, ф. 2048, д. 18, л. 1.

[4] Ф. А. Романов, Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции, Профиздат, 1949, стр. 84.

[5] П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, ОГИЗ, 1948, стр. 659

революции. К началу 1917 г. питерский пролетариат, возглавляемый большевиками, выступает уже вполне подготовленной силой, способной нанести сокрушительные удары царизму и всей системе российского капитализма.

Все возраставшая борьба рабочего класса встречала сочувствие и поддержку со стороны солдат. Так, 17 октября 1916 г. забастовавших рабочих завода «Русский Рено» дружно поддержали солдаты 181 пехотного полка, казармы которого были размещены поблизости от завода. Когда полиция, вооруженная шашками и револьверами, стала нападать на рабочих, солдаты разломали забор, отделявший казармы от завода, и вместе с рабочими разогнали полицейских.

На следующий день солдаты того же полка, численностью около батальона, проходя мимо завода, приветствовали рабочих и угрожали избить городовых. За открытое выступление на стороне рабочих тогда же было арестовано 130 солдат, которым угрожал военно-полевой суд.[1]

Один из участников этих событий, вольноопределяющийся Александр Войткевич (уроженец Витебской губернии), в письме от 19 марта 1917 г. писал, что в конце 1916 г. «для усмирения бастовавших рабочих на Выборгской стороне был командирован 181 пехотный запасной полк. Но учебная команда, как и весь полк, не исполнила требования своего командира стрелять в рабочих. Командир был убит солдатами, и впоследствии полк в полном составе как «бунтарский» старым правительством был из Петрограда выслан в гор. Галич Костромской губернии». Автор этого письма возбуждал ходатайство перед Петроградским Советом присвоить 181 полку наименование «1-й революционный», а принятую царским правительством меру наказания отменить.[2]

Вслед за пролетариатом промышленных центров страны поднимались на революционную борьбу и рабочие Белоруссии. В первой половине января 1915 г. бастовали 57 рабочих ткацкой фабрики в местечке Городок Гродненской губернии. С 31 марта по 7 апреля бастовало до 60 рабочих аппретурной (аппретура—окончательная отделка тканей, придающая им гладкость и лоск) фабрики в гор. Василькове Гродненской губернии. С 3 по 17 июня бастовало 95 рабочих суконных фабрик в местечке Городок, а в конце июня бастовало 400 белостокских ткачей Гродненской губернии.[3] Всего за два летних месяца (июнь—июль) в Гродненской губернии было 73 стачки, в которых участвовало 5534 рабочих. В своем большинстве

[1] «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1917 гг.», Лениздат, 1939, стр. 270.

[2] ГАОРЛО, ф. 313, оп. 9, д. 244, л. 251.

[3] ЦГИА, ф. 102, оп. 107, д. 16, ч. 2, лл. 1, 5 и 6. Донесения гродненского губернатора в Департамент полиции.

стачки оканчивались полным или частичным удовлетворением экономических требований рабочих.[1]

В марте 1915 г. бастовало 80 рабочих щетинной фабрики в г. Витебске, требовавших повышения заработной платы.[2] В апреле того же года бастовали рабочие Витебской типографии Подземского и табачной фабрики Колбановского. Забастовка закончилась частичным удовлетворением требований рабочих о повышении заработной платы. По далеко неполным данным отчетов старших фабричных инспекторов, представленных в министерство торговли и промышленности, в 1915 г. в Витебской губернии происходили забастовки на трех предприятиях, на которых было занято 220 рабочих.[3]

С 16 по 19 июня 1915 г. бастовало 140 рабочих фанерной фабрики Кеневича в Мозырском уезде Минской губернии. Рабочие выдвинули требование об увеличении заработной платы на 15 копеек в день, мотивируя его тем, что вздорожали цены на продукты первой необходимости. Организатором забастовки был рабочий-большевик Васильев, приехавший по заданию партийной организации из Киева. До войны этот рабочий работал на фанерной фабрике Кеневича.[4]

В июле 1915 г. происходила забастовка 250 рабочих на Мозырской фанерной фабрике (бывш. «Прима» Лурье). Рабочие потребовали отмены распоряжения администрации о снижении расценок на отдельные виды работ и добились удовлетворения своих требований.[5]

Особенно большого размаха забастовочное движение в Белоруссии, как и во всей стране, достигло в 1916 г. Трижды (в январе, мае и в середине июня) бастовали в этом году рабочие и работницы табачной фабрики в Витебске, на которой было занято 66 взрослых рабочих и 120 работниц-учениц. В марте бастовало 60 рабочих щетинной фабрики, а в апреле—78 рабочих сапожных механических мастерских в городе Витебске.[6]

В апреле 1916 г. бастовали рабочие суконной фабрики барона Корфа в Горецком уезде Могилевской губернии. Забастовка продолжалась 22 дня и закончилась победой рабочих, требовавших некоторого увеличения зарплаты.[7]

---

[1] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 854.

[2] ЦГИА, ф. 102, оп. 107, д. 10, ч. 2, л. 2. Донесение начальника Витебского губернского жандармского управления Департаменту полиции.

[3] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 854.

[4] «ЦГИА, ф. 102, оп. 107, д. 40, ч. 2, л. I. Донесение начальника Минского губернского жандармского управления Департаменту полиции 9 июля 1915 г.

[5] ГА Минской области, ф. 295, д. 11 409, л. 506. Донесение старшего фабричного инспектора минскому губернатору 14 июля 1915 г.

[6] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 856, 857, 859.

[7] ЦГИА, ф. 102, оп. 108, д. 41, ч. 2, л. 3. Рапорт горецкого уездного исправника могилевскому губернатору 16 апреля 1916 г.

Во второй половине августа бастовало 113 рабочих Речицкого проволочно-гвоздильного завода Минской губернии. Рабочие требовали «заменить сдельную плату повышенной, поденной».[1]

Чтобы не дать повода для полицейского террора, рабочие во время войны не всегда открыто выставляли политические требования. Но, выдвигая на первый план экономические претензии, они бастовали с ясно осознанной целью—помешать выполнению военных заказов, дезорганизовать работу промышленных предприятий, обслуживающих потребности ненавистной войны. Это обстоятельство придавало забастовкам с экономическими требованиями глубокий политический антивоенный характер.

Примером в этом отношении могут служить забастовки на Витебской льнопрядильной фабрике «Двина», где работало 1 100 рабочих, и на прядильной ткацкой фабрике акционерного общества Днепровской мануфактуры (515 рабочих) и т. д. В начале июня 1916 г. рабочие фабрики «Двина», которая вырабатывала продукцию для военного ведомства, потребовали увеличения заработной платы на 30%. Забастовку возглавили рабочие-агитаторы Яков Игнатьевич Голевич, Иван Иванович Прудников, Елена Трофимовна Закревская и другие. Эта забастовка была поддержана рабочими других предприятий гор. Витебска.

«Имея в виду,—доносил начальник Витебского жандармского управления в Департамент полиции,—что означенная фабрика вырабатывает нитки по указанию Московского военно-промышленного комитета и поставляет таковые на фабрики, вырабатывающие полотно для военных нужд,—были приняты экстренные меры» полицией к прекращению забастовки. Наиболее активные забастовщики вызывались на допросы, где им угрожали, что в случае продолжения или «повторения на фабрике забастовки все они и другие подстрекатели будут высланы из пределов губернии».[2]

Поставленная под угрозу срыва выполнения военного заказа, администрация фабрики вынуждена была пойти на уступки, увеличив зарплату каждому работнику на 20 коп. в день.

Дубровенская фабрика Днепровской мануфактуры в августе 1916 г. получила крупный заказ от московского интендантства через Военно-промышленный комитет на изготовление 300 тыс. аршин бумазеи для военного ведомства. Этот заказ администрация фабрики обязалась выполнить к 1 ноября 1916 г.[3] Узнав об этом заказе, рабочие фабрики объявили за-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, д. 168, л. 10.

[2] ЦГИА, ф. 102, оп. 108, д. 10, ч. 2, л. 6. Донесение начальника Витебского жандармского управления в Департамент полиции 10 июня 1916 г.

[3] Там же, д. 41, ч. 2, л. 8.

бастовку, предъявив следующие требования: повышение зарплаты на 100%, открытие фабричной лавки с дешевой продажей продуктов первой необходимости, оплата за прогул по вине фабрики, выдача сахарного пайка рабочим и их семьям, обеспечение квартир рабочих дровами из фабричных складов.

Несмотря на вмешательство полиции (15 рабочих было вызвано на допрос к становому приставу), основные требования рабочих были удовлетворены и после недельной забастовки рабочие возобновили работу.

По призыву большевистских агитаторов 26 августа 1916 г. забастовало 300 рабочих депо станции Витебск. Вскоре к ним присоединились рабочие, занятые на текущем ремонте и путейцы. Чтобы предотвратить выход из числа действующих этого важного железнодорожного узла, полиция и жандармерия приняли срочные меры к подавлению забастовки. Несколько наиболее передовых рабочих были уволены с работы и «за вредную агитацию» среди рабочих и мастеровых депо Витебск были переданы в распоряжение воинского начальника для отправки на фронт».[1]

Стачечная борьба рабочих на территории Белоруссии особенно усложнялась тем, что помимо полицейских репрессий здесь, как в прифронтовой полосе, в подавлении стачек принимали участие и военные власти. В связи с усилившимся стачечным движением начальник генерального штаба в специальной директиве, посланной 3 марта 1916 г. в штаб Минского военного округа, указывал на необходимость принимать соответствующие «меры для предупреждения и прекращения фабричных забастовок». Рабочие, подчеркивалось в этой директиве, которые за участие в забастовках по мнению гражданских властей подлежат отправке в войска, «могут быть лишены права даже на трехдневную льготу для сборов... призванные рабочие подлежат отправлению в запасные батальоны округа, расположенные вне района забастовавшего предприятия, причем призываемые должны распыляться по отдельным батальонам небольшими партиями».[2]

Штаб Минских военно-окружных управлений на театре военных действий 17 апреля 1916 г. разослал начальникам жандармских управлений белорусских губерний секретное письмо, в котором просил «немедленно доносить в штаб округа» о всех случаях возникновения забастовок и в особенности на предприятиях, выполняющих военные заказы, для принятия совместных решительных мер к их подавлению. В письме обращалось внимание на необходимость своевременного выявления зачинщиков забастовок и агитаторов с целью их изоляции,

[1] ЦГИА, ф. 102, оп. 108, д. 10, ч. 2, л. 16.
[2] ГА Минской области, ф. 295, оп. 1, д. 11 369, л. 237.

а также на необходимость пристальной слежки за настроением рабочих.[1]

Однако никакие репрессии не могли приостановить все возраставшее революционное движение рабочего класса России. К началу 1917 г. забастовочным движением были охвачены все важнейшие экономические и политические центры страны. Усиливалось забастовочное движение и рабочих Белоруссии. В конце 1916 г. бастовали рабочие ряда предприятий Минской, Витебской и Могилевской губерний.

Таким образом, все вышеприведенные фактические данные показывают, что стачечная борьба в годы войны охватила рабочих всех отраслей промышленности и транспорта на территории Белоруссии. Все эти стачки, хотя бы и начинавшиеся на экономической почве и не всегда заканчивавшиеся победой рабочих, имели то громадное политическое значение, что подготавливали рабочие массы Белоруссии к нанесению сокрушительного удара по царизму.

Революционная борьба рабочего класса, еще более ухудшившееся во время войны и без того тяжелое положение трудящихся крестьянских масс, оказывали революционизирующее воздействие на белорусскую деревню. Уже в начале 1915 г. и в последующий период отмечается ряд выступлений крестьян против помещиков, а также усиление антивоенных настроений среди крестьянства. Крестьяне рубили помещичьи леса, захватывали луга, громили имения. Все чаще и чаще они открыто высказывали недовольство продолжавшейся войной.

Крестьяне деревень Барбарово, Зарекитно, Стрельск и Половки Речицкого уезда, а также Окулинка, Митьки и Кустовница Мозырского уезда в начале 1915 г. производили частые порубки леса, принадлежавшего крупному помещику Горватту.

По заданию главного начальника Минского военного округа речицкий уездный исправник в феврале 1915 г. учинил расследование дела о посягательстве крестьян на имущество помещика. При этом им было установлено, что «в последнее время самовольные порубки значительно участились», а лесная стража боится показываться в лес, так как крестьяне угрожают ей побоями, что были случаи, когда крестьяне избивали лесных сторожей, а одного из них даже убили. В самовольных порубках, писал далее исправник, принимают участие, главным образом, новобранцы, у которых сложилось убеждение, что сейчас их земский начальник судить не будет, они уйдут на войну, откуда, быть может, не возвратятся и, таким образом, совершенные ими проступки пройдут совершенно безнаказанно.[2]

---

[1] ЦГИА, ф. 102, оп. 108, д. 41, ч. 2, л. 2.

[2] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 870.

14 марта 1915 г. владелец имения Волосевичи обращался к минскому губернатору с жалобой на крестьян деревни Семеновичи Озаричской волости Речицкого уезда, которые скопом рубят его лес, и, вооружившись топорами, прогоняют лесных сторожей, угрожают их всех перебить и «дерзко во всеуслышание заявляют, что никого не боятся».[1]

Во второй половине мая 1915 г. мозырский предводитель дворянства доносил минскому губернатору о том, что у крестьян Мозырского уезда всегда наблюдалась «тенденция к захвату чужой собственности, с открытием же военных действий у них... сложилось вполне определенное и глубокое убеждение, что раз их отцы, мужья, сыновья и братья призваны на войну, то оставшиеся члены семьи должны бесплатно и безнаказанно пользоваться и помещичьим сеном и дровами».[2]

В ряде случаев крестьяне не ограничивались разрозненными порубками помещичьих лесов, а все чаще и чаще переходили к более решительным действиям. Например, 21 января 1915 г. крестьяне сожгли крахмальный завод, принадлежавший владельцу имения Побоево Волковысского уезда Гродненской губернии, причинив ему убытки на 27 970 руб. В течение марта в Гродненской губернии был совершен поджог имения Орехово Брестского уезда и имения Сикорица Гродненского уезда. 23 марта крестьяне избили до смерти лесного сторожа имения Горки Кобринского уезда, а 1 апреля батраки нанесли тяжелые побои арендатору имения Новый двор Гродненской губернии.[3]

25 июня 1915 г. мозырский уездный исправник доносил минскому губернатору о том, что 17 июня в урочище Ельнички, принадлежавшем князю Романову Александру Михайловичу (из царской семьи), произошел большой пожар, распространившийся до 8 километров. Этот пожар возник «от умышленного поджога крестьянами деревни Бучки Тонежской волости». В конце июня 1915 г. крестьяне села Славкович Бобруйского уезда Минской губернии организованно рубили лес, принадлежавший графу Грабовскому. Группа крестьян в количестве до 50 человек, «с кольями и камнями в руках, нанесла лесной страже сопротивление действием и на словах».[4]

Обостренные формы борьбы против помещиков имели место также в других уездах и губерниях Белоруссии. Так, 8 сентября 1915 г. крестьяне Слуцкого уезда Минской губернии разгромили имение Богдановка. Инициаторами разгрома были новобранцы. 26 ноября крестьяне Оршанского уезда Могилевской губернии сожгли сукновальню владельца имения

---

[1] ГА Минской области, ф. 295, оп. 1, д. 10 595, л. 239.

[2] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 873.

[3] ЦГИА, ф. 102, оп. 107, д. 16, ч. 10, л. 5, 8, 11, 12 и 17.

[4] Там же, д. 40, ч. I, л. 13 и 15.

Пнево. Поджоги помещичьих имений совершались крестьянами в декабре 1915 г. в Чериковском, Гомельском и Климовичском уездах Могилевской губернии.[1]

Порубки помещичьих лесов и выступления крестьян Белоруссии против помещиков продолжались также и на протяжении всего 1916 г. Начальник Могилевского губернского жандармского управления доносил в Департамент полиции, что с 23 по 29 сентября 1916 г. крестьяне деревни Пузьки Замочской волости Сенненского уезда Могилевской губернии во главе с призванными в армию ратниками ополчения рубили лес, принадлежавший помещице имения Малешкевичи, не повиновались лесной страже, пытавшейся остановить порубку, и угрожали убийством всей помещичьей семьи. С 20 сентября по 10 октября 1916 г. производилась порубка помещичьих лесов крестьянами дер. Великое село, Пески, Рубежи и Подворицы в имениях Ганькевичи и Лугиновичи Латыговской волости того же Сенненского уезда. Порубка была прекращена при помощи отряда конной полиции.[2]

В отдельных местностях крестьяне нескольких деревень выступали одновременно и объединенными силами оказывали дружное сопротивление властям, заставлявшим выполнять непосильные принудительные работы, проводившим реквизиции и взыскание денежных сборов. Так, по сообщению буржуазной газеты «Речь», крестьяне трех деревень Волковыского уезда Гродненской губернии 18 марта 1916 г. выступили против отряда стражников, взыскивавших денежный сбор. Крестьяне забросали стражников камнями и прогнали их из своих деревень.[3]

Усилению все возраставшего сопротивления крестьян властям способствовало близкое общение белорусского населения с революционно настроенными солдатскими массами, заполнявшими все населенные пункты прифронтовой полосы. Достаточно сказать, что на территории Белоруссии размещались фронтовые и тыловые части II, III и X армий Западного фронта, насчитывающие (по списку на 1 мая 1917 г.) 1659,2 тыс. личного состава.[4]

О большом скоплении солдат в тыловых районах Западного фронта свидетельствуют и такие данные: только в деревне Лошица-Большая Минского уезда в сентябре 1915 г. находились 39 и 137 полевые хлебопекарни, 38 армейского корпуса, 132 полевая хлебопекарня 2 артиллерийского корпуса, 1, 2 и 3 батареи 61 артиллерийской бригады, 32 особая Оренбургская казачья сотня, 592 вольнонаемный

---

[1] ЦГИА, ф. 102, оп. 107, д .41, ч. I, лл. 2, 3 и 4.

[2] Там же, оп. 108, д. 40, ч. I, л. I.

[3] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, стр. 874.

[4] «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)», Центральное стат. управление, отдел военной статистики, М., 1925, стр. 24.

транспорт, 4 рота Гренадерской дружины и расходный магазин 38 армейского корпуса. Большое количество войск находилось в Лошице-Малой, Сеннице и ряде других сельских населенных пунктов.[1]

Между солдатами и местным белорусским населением устанавливались дружеские, братские отношения. Переодетые в солдатские шинели русские рабочие и крестьяне, которых царское правительство насильно погнало на империалистическую бойню, искренне сочувствовали трудящимся Белоруссии, которым приходилось переносить тяжелейшие испытания войны, и оказывали им посильную помощь, нередко поддерживали выступления белорусских крестьян против помещиков. Наблюдались случаи, когда солдаты тыловых частей подбирали голодных и оборванных детей, потерявших родителей, и кормили их за счет своих пайков. Последним куском сухаря делились солдаты с беженцами и местными жителями, вконец разоренными войной, терпевшими нужду и голод.[2]

Крестьяне Новогрудского уезда при поддержке солдат в начале сентября 1915 г. разгромили имение князя Святополк-Мирского.[3] 5 августа 1916 г. владелец имения Барборово Речицкого уезда Минской губернии телеграфировал в министерство внутренних дел о том, что призванные в армию солдаты и крестьяне деревни Кустовницы организованно, на глазах у лесной стражи, рубят лес, захватывают сенокос и что «каждая воинская мобилизация крестьян сопряжена с усилением аграрного движения».[4] С подобного же рода телеграммой обращался 9 октября 1916 г. и владелец имения Седельники Мозырского уезда Минской губернии.

Под влиянием общения с революционно настроенными солдатами крестьяне ряда деревень Речицкого, Мозырского и других уездов уже в конце 1915 г. употребляли «дерзко-оскорбительные выражения» в адрес царя и его министров. В постановлении мозырского уездного исправника от 30 ноября 1915 г. об аресте группы крестьян деревни Копцевичи Лясковичской волости отмечалось, что в этой деревне солдаты и крестьяне «публично произносили противоправительственные речи».[5]

В секретном циркуляре № 45 209, разосланном 23 января 1916 г., минский губернатор обращал внимание начальников полиции на то обстоятельство, что среди сельского населения распространяются различные «...слухи, которые волнуют народные массы, создают нежелательную атмосферу возбужде-

---

[1] ГА Минской области, ф. 295, оп. I, д. 11 196, л. 62. Рапорт старшего военного врача от 20 сентября 1915 г.

[2] Там же, д. 11 011, л. 355, 362.

[3] ЦГИА, ф. ДП, IV д-во, д. 40, ч. 3, л. 26.

[4] Там же, ф. 102, оп. 107, д. 40, ч. I, л. 16.

[5] ГА Минской области, ф. 295, оп. 1, д. 11 387, л. 69.

ния и вызывают недоверие к начальствующим лицам». Главным источником распространения этих слухов, по мнению губернатора, являлись «рассказы прибывающих в сельские местности нижних чинов и их письма».[1]

Борисовский уездный предводитель дворянства в своем донесении за № 1699 от 11 ноября 1916 г. сообщал минскому губернатору, что настроение крестьянского населения в связи с войной «за последний год значительно ухудшилось, а в настоящее время начинает заметно принимать нежелательное направление. ...Главным и самым угрожающим фактором поддержки и даже увеличения неудовольствия среди крестьян являются солдаты или проходящих тыловых частей, или возвращающиеся домой на побывку, ...нижние чины упорно распространяют среди крестьянской массы слух о том, что после окончания войны они с оружием в руках приступят к переделу земли и к сведению счетов с богатыми классами».[2]

Приведенные факты показывают, что в годы первой мировой войны, еще до свержения царизма, крестьяне все более и более активно выступали против помещиков, чиновников и полиции, против непосильных тягот, обрушившихся на население в связи с войной. Трудящиеся массы крестьян искали выхода из своего тяжелого положения в революционной борьбе против всего самодержавного строя России, в борьбе за землю. за свободу, против империалистической войны, против разрухи и голода.

* * *

Лишения и тяготы окопной жизни, миллионы убитых, раненых на войне и умерших в результате эпидемий, поражения на фронте и разруха в тылу—все это усиливало и обостряло недовольство широких солдатских масс против царизма, порождало антивоенные настроения и ненависть к виновникам войны. Участились случаи отказа солдат выполнять приказы офицеров, усиливались солдатские волнения и открытые восстания, увеличилось количество дезертиров. В 1916 г. русская армия насчитывала более полутора миллионов дезертиров, а в трех армиях Западного фронта уже к началу указанного года их было около 11 000.[3]

Солдаты не только самовольно оставляли окопы, но также уходили из тыловых частей и команд нового пополнения. Так, в первой половине ноября 1916 г. из команды пополнения, направлявшейся из Минска в м. Ляховичи, к месту назначения из

---

[1] ГА Минской области, ф. 295, оп. 1, д. 11 369, л. 212.

[2] ЦГИА, ф. 102, оп. 108, д. 40, ч. 9, л. 4.

[3] «История гражданской войны в СССР», т. I, стр. 34, (большой формат), а также статья Ф. Попова «Лютаўская буржуазна-дэмакратычная рэволюцыя 1917 года ў Беларусі», Журнал «Большэвік Беларусі» № 5, 1945, стар. 30.

700 человек дошло только 200, а остальные дезертировали. Сообщая об этом факте, начальник контрразведки штаба III армии отмечал все увеличивавшиеся из месяца в месяц случаи дезертирства, и как меру борьбы с ними предлагал «ввести обязательное телесное наказание дезертиров с последующим преданием суду».[1]

В течение декабря 1916 г. только в шести уездах Могилевской губернии (Чериковском, Горецком, Мстиславском, Гомельском, Климовичском и Быховском) полицейскими и урядниками было задержано 223 дезертира.[2]

Уклонение от воинской повинности и дезертирство не уменьшались и в последующие месяцы. Если в декабре 1916 г. в Быховском уезде Могилевской губернии было задержано 50 дезертиров, то в январе 1917 г. количество задержанных возросло на 15 человек. 8 января 1917 г. в городе Витебске производились облавы на дезертиров и лиц, уклоняющихся от воинской повинности. Облавами руководили представители воинского ведомства. Военные патрули, оцепившие вокзал и все места наибольшего скопления народа, проверили документы у всех мужчин призывного возраста. При этом оказалось, что из общего числа задержанных, уклоняющихся от воинской повинности было до 50%.[3]

Недовольство солдат продолжавшейся империалистической войной возрастало с каждым месяцем и зачастую выливалось в открытые выступления против ненавистного начальства. Например, 13 января 1915 г. солдаты 6 батареи 2 артиллерийской бригады, находившейся в то время в Витебске, ночью сильно избили своего командира, притеснявшего нижних чинов. Ему было нанесено несколько штыковых ран в левую руку, которую впоследствии пришлось ампутировать. 31 октября в Витебске солдатами был убит офицер Шапаров «за придирки, за всякую мелочь».[4]

Крупное волнение солдат произошло 23 августа 1915 г. в Бобруйском гарнизоне. Тысячная толпа солдат, собравшись на базарной площади, стала открыто выражать недовольство возросшей дороговизной на продукты питания, а некоторые солдаты начали разгонять спекулянтов и громить лавки. Произошло столкновение солдат с полицией и вооруженным комендантским отрядом патрулей, во время которого были избиты один офицер, пристав 2 части и несколько полицейских. На подавление солдатского волнения были вызваны войска 339 Могилевской дивизии. При этом 13 солдат и 1 прапор-

---

[1] ЦГВИА, ф. 25, д. 4, л. 153.

[2] Подсчитано по сведениям, приведенным в «Документах и материалах по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 880—882.

[3] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 882.

[4] ЦГИА, ф. 102, оп. 107, д. 10, ч. 4, л. 2 и 14.

щик были арестованы как «зачинщики».[1] 1 октября 1915 г. в местечке Ветка Гомельского уезда солдаты сильно избили местного полицейского пристава. На их усмирение был вызван отряд чеченцев.[2]

В ряде мест происходили волнения солдат на железнодорожных станциях. Особенно сильны солдатские волнения были в тех воинских эшелонах, которые следовали на фронт. 10 августа 1915 г. солдаты 180 пехотного полка на станции Пуховичи разогнали местных полицейских и произвели разгром нескольких продовольственных магазинов.[3] 16 августа во время стоянки поезда № 51 на станции Салтановка солдаты, следовавшие из Гомеля, забросали камнями полицейских и до полусмерти избили жандармского офицера.[4] 26 августа на станции Руденск во время стоянки поездов №№ 33, 53 и 57 солдаты избивали полицейских, разогнали военный патруль и бросали камнями в своих офицеров.[5] 26 сентября 1915 г. солдаты 90 запасного батальона на станции Жлобин избили нескольких полицейских, а у одного из них отняли шашку и револьвер. Для усмирения солдат была вызвана рота пехоты местного гарнизона.[6] В общей сложности на протяжении августа—сентября 1915 г. на железнодорожных станциях Белоруссии имело место до 10 солдатских волнений.[7]

Еще более острый и массовый характер носила борьба солдат в 1916 г. Например, 4 мая 1916 г. солдаты сборной команды, следовавшей из Гомеля, на станции Жлобин забросали камнями патруль 2 роты 421 пешей Полтавской дружины. Эшелон с взволновавшимися солдатами удалось отправить лишь после того, когда на помощь патрулю прибыла вооруженная команда из 45 человек. В результате завязавшейся перестрелки несколько солдат было ранено.[8]

20 октября 1916 г. во время стоянки на станции Минск воинского эшелона солдаты категорически потребовали от комендантского управления немедленного освобождения из-под

---

[1] ГА Минской области, ф. 295, д. 11 409, л. 290; ЦГВИА, ф. 1925, оп. 1, д. 180, л. 10 и ЦГИА, ф. ДП, д. 40, ч. 4, л. 6—7.

[2] ЦГИА, ф. 102, оп. 107, д. 41, ч. 3, л. I.

[3] Там же, д. 40, ч. 3, л. 7—8.

[4] Там же, д. 41, ч. 4, л. 3.

[5] Там же, д. 40, ч. 1, л. 13.

[6] Там же, д. 41, ч. 4, л. 2.

[7] В книге «Дзейнасць М. В. Фрунзе ў Беларусі ў перыяд падрыхтоўкі Вялікай Кастрычніцкай социялістычнай рэволюцыі» (стр. 18) автор Ф. О. Попов ряд событий, происходивших в 1915 году, ошибочно относит к событиям 1916 г. (волнения солдат на станциях Салтановка и Руденск, а также в гор. Бобруйске). Подлинные документы, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве в Москве, подтверждают, что указанные события имели место не в 1916, а на год ранее, т. е. в 1915 г.

[8] ЦГИА, ф. 102, оп. 108, д. 41, ч.3, л. 2. Рапорт № 4997 рогачевского уездного исправника могилевскому губернатору.

ареста своего однополчанина. Они силой ворвались во двор комендатуры, стали ломиться в дверь и бросать камни в окна здания комендантского управления. Для усмирения взбунтовавшихся солдат была вызвана резервная рота в полном вооружении.[1]

Крупным революционным событием на Западном фронте и в Белоруссии было восстание 4 тысяч солдат, происходившее 22—26 октября 1916 г. на распределительном пункте в Гомеле. Это восстание явилось откликом на революционные события в Петрограде, где во второй половине октября начались массовые политические стачки, которыми было охвачено 45 промышленных предприятий с 66 625 участниками.[2] Оно было также тесно связано с одновременно начавшимся восстанием солдат в городе Кременчуге.[3]

Внешним поводом к восстанию послужил арест солдата Босакина, на выручку которого поднялись все солдаты и матросы Гомельского распределительного пункта. Они стали избивать своих офицеров, захватили оружие в караульном помещении и обезоружили караульную команду, а затем выломали окна и двери в помещениях гауптвахты и выпустили на волю содержащихся там под арестом свыше 800 солдат. Тогда же была разгромлена канцелярия гауптвахты и уничтожены все документы по обвинению солдат, находившихся под стражей.

Особой активностью отличались в ходе восстания матросы Балтийского и Черноморского флотов, среди которых находились и большевики, списанные с кораблей и направленные в Гомель на распределительный пункт, где формировались подразделения для отправки на фронт. Восстание подготовлялось и проходило под руководством большевиков, работавших в Гомеле, которые были тесно связаны с Петроградским большевистским комитетом. Эта связь некоторое время осуществлялась через одного из старых участников революционного движения—видного партийного работника Клавдию Ивановну Николаеву.[4]

В донесении начальнику Петроградского охранного отделения Могилевское губернское жандармское управление сообща-

---

[1] ЦГВИА, ф. 1925, оп. 1, д. 42, л. 1. Из постановления военного следователя гор. Минска.

[2] См. «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1918 гг.», Лениздат, 1939, стр. 270.

[3] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 879.

[4] **К. И. Николаева** (1893—1944) вступила в большевистскую партию в 1909 г. За революционную деятельность неоднократно подвергалась арестам и ссылкам. После Февральской буржуазно-демократической революции она редактировала журнал «Работница», а затем, в течении ряда лет находилась на ответственной партийной и профсоюзной работе. На XIV, XV, XVI съездах партии избиралась в кандидаты, а на XVII и XVIII съездах—в члены ЦК ВКП(б). С 1936 г. и до конца жизни она работала секретарем ВЦСПС.

ло, что на имя одного из бывших матросов Черноморского флота, находящегося на Гомельском распределительном пункте, 9 ноября была прислана телеграмма из Петрограда за подписью Клавдии Николаевой. Содержание перехваченной телеграммы, говорилось в донесении, ясно «указывает на тесную связь беспорядков в Балтийском флоте с беспорядками Гомельского распределительного пункта и в гор. Кременчуге».[1]

Гомельские большевики, поддерживавшие тесную связь с Петроградским комитетом РСДРП(б), в годы войны основное внимание уделяли развертыванию революционной работы среди солдатских масс. Вот почему полицейские и контрразведывательные органы неоднократно обращались в Ставку Верховного главнокомандующего с просьбой перевести распределительный пункт из Гомеля в другое место, т. к. «городской революционный элемент ведет разлагающую работу в армии».[2]

Царское правительство жестоко расправилось с восставшими солдатами и матросами Гомельского распределительного пункта. На их усмирение были срочно вызваны 483 Московская дружина, 16 железнодорожный батальон и части «дикой дивизии». 16 наиболее активных участников восстания были преданы военно-полевому суду. 9 из них были приговорены к смертной казни, а остальные к каторжным работам на разные сроки.[3]

Осужденные на смерть матросы и солдаты стойко держались, будучи уверены в том, что дело, за которое они боролись, будет доведено до конца оставшимися на свободе товарищами. 28 ноября 1916 г., когда осужденных привели на место казни и привязали к столбам, солдат Цариченков и матрос Архипов Сафрон Васильевич крикнули в лицо палачам: «Всех не перестреляете, на распределительном пункте и в других местах есть много наших товарищей, которые отомстят за нашу смерть!»[4]

К концу 1916 г. революционные идеи стали все глубже и глубже проникать в сознание широких солдатских масс на фронте. Под влиянием большевистской агитации солдаты отказывались идти в бой, не подчинялись приказам офицеров. В декабре 1916 г. целые части 34 стрелкового корпуса III армии Западного фронта организованно отказались выступить на позицию. Среди солдат 5 и 56 стрелковых дивизий той же армии в декабре большевиками было распространено большое

---

[1] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 879.

[2] Архив Белорусского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, инв. № 10/с, д. 12, л. 154.

[3] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, Минск, 1953, стр. 879.

[4] ЦГИА, ф. 102, оп. 108, д. 40, ч. 4, л. 60. Донесение Могилевского жандармского управления в Департамент полиции.

количество листовок, разъясняющих империалистический характер войны и призывавших к борьбе против царизма.[1]

Революционной борьбой рабочих, крестьян и солдат руководили большевики. Хотя существовавшие перед войной во многих городах Белоруссии большевистские группы и организации, в том числе Полесский комитет РСДРП(б), в самом начале ее были разгромлены царской охранкой, однако уже в конце 1914 г., в 1915 г. и в особенности в 1916 г. деятельность их вновь активизируется.

В декабре 1914 г. был восстановлен большевистский комитет в Гомеле (Полесский комитет), который на первом же своем заседании рассмотрел вопрос о выпуске антивоенных листовок и создании нелегального Красного Креста для оказания помощи революционерам. Тогда же было принято решение об установлении организационной связи с большевиками Петрограда.[2] На заседании Полесского комитета, происходившем 17 января 1915 г., было принято решение о необходимости установления связи с Центральным Комитетом большевистской партии.[3]

В начале 1915 г. возобновила свою деятельность большевистская организация в Минске. Начальник Минского губернского жандармского управления 10 августа 1915 г. сообщал минскому губернатору, что «большевиками составлен областной комитет, коим принята резолюция о призыве к стачкам, для перехода при неудовлетворении требований к вооруженному восстанию».[4]

Тогда же минские большевики установили связь с Московской большевистской организацией. Осенью 1915 г. представитель московских большевиков приезжал в Минск, где выступал на нелегальном партийном собрании с докладом о задачах партийной работы в условиях войны.[5]

Придавая огромное значение Западному фронту, близко расположенному к важнейшим политическим и экономическим центрам страны,—Петрограду и Москве, Центральный Комитет большевистской партии направлял сюда опытных партийных руководителей, способных организовать революционные силы и наладить агитационно-пропагандистскую работу среди широких солдатских масс.

Уже в апреле 1916 г. в Минск, на Западный фронт, нелегально под фамилией Михайлова Михаила Александровича прибыл выдающийся деятель большевистской партии, верный ученик В. И. Ленина—Михаил Васильевич Фрунзе, который

---

[1] Журнал «Красный архив», т. 65—66, 1934, стр. 120.
[2] Партархив ЦК КПБ, ф. 60, оп. 3, д. 415, л. 45.
[3] Архив Белорусского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, инв. № 10/с, д. 12, л. 155.
[4] ГА Минской области, ф. 295, д. 11 396, л. 40.
[5] Партархив ЦК КПБ, ф. 60, оп. 3, д. 7, л. 106.

сразу же начал развертывать работу по созданию и укреплению подпольных большевистских организаций в городах Белоруссии и воинских частях.

С присущей ему неутомимой энергией М. В. Фрунзе особое внимание уделял установлению широких связей с солдатскими массами, среди которых он вел большевистскую пропаганду. В результате энергичной деятельности М. В. Фрунзе на Западном фронте уже к началу Февральской буржуазно-демократической революции были созданы значительные большевистские группы в 3 и 10 армиях.

В послужном списке, составленном 20 января 1923 г., о начале своей революционной деятельности на Западном фронте М. В. Фрунзе писал следующее: «В начале марта 1916 года вынужден был бросить службу в областном переселенческом управлении в гор. Чите и, опасаясь ареста, под фамилией Михайлова Михаила Александровича в апреле 1916 года поступить на службу в Комитет Западного фронта Всероссийского земского союза».

Однако вскоре М. В. Фрунзе уволился из указанного комитета и «поступил на военную службу охотником на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в 57-ю артиллерийскую бригаду (май 1916 г.). Поступил на военную службу нелегально и в скором времени был вынужден службу оставить и снова поступить в Комитет Западного фронта Всероссийского земского союза, где последовательно занимал должности: статистика, помощника районного заведующего хозяйством и, наконец, заведующим хозяйственного отдела Всероссийского земского союза при X армии до марта 1917 года.»[1]

Условия работы во Всероссийском земском союзе давали возможность М. В. Фрунзе как «сотруднику» указанного учреждения беспрепятственно посещать ряд населенных пунктов на территории Белоруссии, общаться с гражданским населением и солдатскими массами. Эту возможность умело и всесторонне использовал М. В. Фрунзе для установления связи с подпольными большевистскими организациями, их организационного укрепления и создания новых организаций, а также всемерного развертывания революционной работы среди трудящихся Белоруссии и в особенности среди солдат Западного фронта.

Свою революционную деятельность того периода сам М. В. Фрунзе охарактеризовал в написанной им автобиографии следующим образом: «Под фамилией «Михайлов» попал на Западный фронт в Всероссийский земский союз. Работал здесь над созданием нелегальной революционной организации. К моменту февральской революции стоял во главе подпольной

---

[1] М. В. Фрунзе, Соч., т. 1, Госиздат, М., 1929, стр. 673, 674.

революционной организации с центром в Минске и имевшей отделения в X и III армиях».[1]

После приезда М. В. Фрунзе в Минске и других городах Белоруссии, и в особенности в армиях Западного фронта, значительно усилилась антивоенная работа большевиков. Минское губернское жандармское управление сообщало в Департамент полиции, что в ряде воинских частей усилилась агитация за прекращение войны и свержение самодержавия. Ссылаясь на сведения, поступившие в штаб армий Западного фронта (штаб находился в Минске), начальник Могилевского губернского жандармского управления доносил в Департамент полиции, что большевиками «выпускаются для распространения среди нижних чинов прокламации, призывающие к возможно скорому прекращению войны и низвержению существующего государственного строя».[2]

В начале 1916 г. в Минске была создана социал-демократическая организация 32 эвакопункта.[3] Такая же группа летом того же года была организована в хозяйственном отделе Земгора в Минске.[4] По агентурным сведениям, поступившим в феврале 1917 г., «общежитие для служащих ВЗС в г. Минске представляет собой очаг революционной пропаганды».[5]

Талантливый организатор масс, накопивший богатейший опыт подпольной революционной работы, твердый и принципиальный большевик-ленинец М. В. Фрунзе сумел в труднейших условиях военного времени сплотить большевистские силы на территории Белоруссии и направить их усилия на развертывание революционной работы среди трудящихся Белоруссии и широких солдатских масс Западного фронта, по мобилизации их на борьбу за свержение царизма.

Будучи в Минске, М. В. Фрунзе сумел установить связь с руководящими деятелями большевистской партии, находившимися в эмиграции за границей, и с партийными организациями Петрограда и Москвы. Подтверждением сказанному служат следующие документальные данные. В одном из своих писем из Минска М. В. Фрунзе писал: «Россия из этой войны никак не может уйти непобитой. Обратите внимание на заграничные письма Ленина. Готовится большевистская конференция, места ее я еще не знаю. Получил свежие газеты из Женевы. Михайлов».[6]

Органы контрразведки в августе 1916 г. сообщали, что по имеющимся в штабе Западного фронта сведениям, в Минск из

---

[1] М. Ф. Фрунзе, Соч., т. 1, Госиздат, М., 1929, стр. 6.
[2] ЦГИА, ф. 102, д. 293, ч. 45, л. 1.
[3] Партархив ЦК КПБ, ф. 60, оп. 3, д. 7, л. 106.
[4] ЦГИА, ф. 102, д. 341, ч. 45, л. 1.
[5] ЦГВИА, ф. 26, д. 7, л. 83.
[6] Цитируется по книге В. П. Кузнецова «Окружной агитатор «Арсений», Ивановское обл. издат., 1935, стр. 38.

Москвы приезжал старый большевик Н. Г. Полетаев,[1] который устанавливал связи с местными революционными организациями. 16 мая 1916 г. начальник Минского жандармского управления сообщал в штаб Западного фронта о том, что в Могилев и Бобруйск приезжал представитель из Петрограда, который занимался распространением «литературы преступных изданий по разным городам империи».[2]

Большую революционную работу на Западном фронте в эти же годы проводил старый большевик Александр Федорович Мясников, который впоследствии являлся одним из выдающихся руководителей большевиков Белоруссии.[3]

---

[1] ГЦВИА, ф. 26, д. 7, л. 54. Упоминаемый в донесении начальника контрразведки штаба Московского военного округа (донесение от 13 августа 1916 г.) **Полетаев** Николай Гурьевич (1872—1930) являлся одним из старейших деятелей революционного движения, в котором участвовал с 1891 г. В большевистскую партию вступил в 1904 г. Принимал участие в ряде партийных совещаний за границей, созываемых В. И. Лениным, а также в издании большевистских газет «Звезда» и «Правда». Активный участник подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. С 1918 г. был на хозяйственной работе. Умер в 1930 г.

[2] ЦГВИА, ф. 2048, д. 18, л. 124.

[3] **А. Ф. Мясников** (1886—1925)—видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Вступил в большевистскую партию в 1906 г. До начала первой мировой войны вел революционную работу в Баку, Москве и других городах. После окончания юридического факультета Московского университета (1911—1912 гг.) он отбывал воинскую повинность, а затем (1912—1914 гг.) занимался революционной пропагандистской и литературной деятельностью в Москве. С начала войны находился в армии, ведя там революционную работу. После Февральской буржуазно-демократической революции А. Ф. Мясников был избран членом фронтового комитета Западного фронта. В качестве делегата от Минской организации РСДРП(б) выступал с докладом на VI съезде большевистской партии о деятельности Минской партийной организации и положении на Западном фронте.

Выполняя решения VI съезда партии, А. Ф. Мясников вместе с М. В. Фрунзе проводил большую работу по подготовке и проведению Великой Октябрьской социалистической революции в Белоруссии и на Западном фронте. На I Северо-Западной конференции большевиков, проходившей в Минске в сентябре 1917 г., был избран председателем Северо-Западного комитета РСДРП(б). В Октябрьские дни 1917 г. возглавлял Военно-революционный комитет в Минске. На II съезде депутатов Западного фронта (ноябрь 1917 г.) был избран главнокомандующим войсками Западного фронта и некоторое время исполнял обязанности Верховного главнокомандующего.

В качестве главнокомандующего Поволжским фронтом А. Ф. Мясников участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа чехословацкого корпуса, поднятого весной 1918 г. по заданию американо-англо-французских империалистов.

После изгнания немецких оккупантов и восстановления Советской власти в Белоруссии А. Ф. Мясников в начале 1919 г. был избран Председателем ЦИК БССР, а затем председателем Центрального бюро компартии Белоруссии. С конца 1919 г. и до момента своей трагической смерти А. Ф. Мясников занимал ряд ответственных постов в партийных и советских учреждениях (был секретарем и военным организатором Московского комитета большевиков, начальником ГПУ Западного фронта, Председателем СНК Армении, Председателем Союзного Совета ЗСФСР, первым

«А. Ф. Мясников,—сказано во II томе «Истории гражданской войны в СССР»,—старый большевик, вступивший в революционное движение еще в 1904 году. ...С начала войны был мобилизован в армию в качестве прапорщика запаса. В полку Мясников наладил связи с большевиками, распространял литературу. Спокойный, твердый, скромный, хорошо подготовленный организатор, Мясников создал в Дорогобуже в учебной команде полка, начальником которой он состоял, большевистскую группу. Мясников подчеркнуто враждебно относился к реакционному офицерству, чуждался офицерской среды и в то же время умело и осторожно подбирал одиночек-революционеров. Он собирал у себя на квартире солдат команды, будущих унтер-офицеров, и незаметно, исподволь превращал их в борцов против самодержавия. ...К началу революции в полку оказалось 13 членов организации».[1]

Большевистские организации и группы, действовавшие на территории Белоруссии, проводили огромную агитационную, пропагандистскую и организаторскую работу среди солдат Западного фронта и тыловых частей, стоявших гарнизонами в городах и других населенных пунктах Белоруссии. Они разоблачали захватнический империалистический характер войны, разъясняли лозунги большевистской партии, распространяли листовки и прокламации с призывом бороться против войны.

В сентябре 1914 г. в Минске распространялась листовка, вскрывавшая империалистический характер войны и призывавшая солдат обратить свое оружие против врагов народа, объявить войну помещичьему правительству за свободу и землю.[2] Осенью 1914 г. в городах и местечках Витебской губернии широко распространялись листовки, изданные ЦК РСДРП Латышского края под названием «Правда о войне», «На борьбу с тиранами», «К народу» и др., в которых наряду с разъяснениями захватнических целей и характера войны содержались призывы к революционной борьбе. Так, листовка «К народу» заканчивалась следующим призывом:

«Народ, пробудись! Не позволяй убивать своих сыновей. Вместе со всеми трудящимися и рабочими всего мира подними свое оружие против войны и смерти, против царственных палачей.

секретарем Закавказского крайкома большевистской партии, членом Реввоенсовета СССР и т. д.).

На XII и XIII съездах большевистской партии А. Ф. Мясников избирался кандидатом в члены ЦК РКП(б), был членом президиума Московского Совета и членом президиума ЦИК СССР.

Отправляясь в Сухуми на съезд Советов Абхазии, А. Ф. Мясников погиб 22 марта 1925 г. вследствие аварии самолета.

[1] «История гражданской войны в СССР», т. II, ОГИЗ, 1942, стр. 80.
[2] ЦГИА, ф. 102, оп.15, д. 5, ч. 11, л. «Г».

Долой войну! Долой самодержавие! ...Да здравствует восстание народов! Да здравствует социализм! ...Да здравствует согласие народов! Да здравствует революция!»[1]

Весной 1915 г. среди солдатских гарнизонов, стоявших в белорусских городах, распространялась листовка «К солдатам», в которой говорилось: «Товарищи солдаты! ...Российский пролетариат и революционное крестьянство зовет вас в свои ряды. Устраивайте ротные, батальонные, полковые и дивизионные комитеты, имейте твердую связь с рабочими организациями, чтобы когда настанет час, дружно с трудовым народом России двинуться в бой с самодержавным правительством за освобождение народа».[2] Эта листовка распространялась 17 марта 1915 г. среди солдат на Минской железнодорожной станции и 6 апреля в минских казармах. Кроме того, эта же листовка 8 апреля распространялась среди солдат 376 пешей Витебской дружины.[3]

Летом 1915 г. на железнодорожных станциях в Орше, Осиновке, Осиповичи, Красное и других среди воинских эшелонов распространялась листовка под названием «Товарищи солдаты», выпущенная Оршанской группой РСДРП. Листовка разъясняла, что война ведется в интересах эксплуататорских классов и всею своею тяжестью легла на плечи трудящихся масс, которым она несет закабаление, нищету и голод. «Товарищи,—говорилось в листовке,—в ваших руках оружие. Не лучше ли чем добывать землю и золото разным паразитам, сидящим на ваших плечах и сосущих вашу кровь, обратить свое оружие против них и добыть себе землю и свободу». Листовка призывала солдат к борьбе за свержение царизма, за победу революции.[4]

Уже в ноябре 1914 г. минский военный прокурор сообщал, что во 2 запасном артиллерийском батальоне велась антивоенная пропаганда. Находившиеся в батальоне революционеры разъясняли солдатам, что развязанная империалистическими правительствами война «не нужна для народа», что она «несет только истребление людей».[5]

8 сентября 1915 г. начальник Витебского губернского жандармского управления сообщал в Департамент полиции о значительном усилении антивоенных настроений солдат Витебского гарнизона, вызванных распространением среди них большевистских идей. Далее в донесении говорилось, что жандармерия приняла ряд мер к тому, «чтобы вредная агитация от-

---

[1] ЦГИА, ф. ДП, 9 д-во, д. 2156, л. 5.
[2] ЦГВИА, ф. 25, д. 4, л. 94.
[3] Там же, л. 93.
[4] Там же, ф. 2048, д. 18, л. 54—55.
[5] ЦГИА, ф. ДП, 9 д-во, д. 2156, л. 60.

нюдь не проникала в воинские части при посредстве местных революционных элементов».[1]

Большое революционизирующее влияние оказывали на солдат политические беседы рабочих Петрограда, Москвы и других промышленных городов, мобилизованных в армию «в виде репрессий» за участие в забастовках. Начальник контрразведки штаба II армии Западного фронта в донесении за № 2912 от 28 апреля 1916 г. сообщал, что такие рабочие, направленные в воинские подразделения, «пропагандируют среди солдат социал-демократические идеи, склоняя их к неповиновению власти и к отрицанию войны, как братоубийства... А так как населенние уже утомлено войной, то агитация забастовщиков находит благоприятную почву».[2]

Большевистский агитатор П. Ф. Федотов свидетельствует, что, находясь на военной службе в 479 полку 120 дивизии, он систематически поддерживал связь с Петроградом через своего товарища, работавшего слесарем на заводе «Новый Лесснер». При его помощи он постоянно получал большевистские листовки, брошюры и заграничную большевистскую газету «Социал-Демократ». Возвращаясь из 20-дневного отпуска, проведенного в Москве, П. Ф. Федотов в марте 1916 г. привез на фронт два чемодана большевистских прокламаций, которые были распространены среди солдат 120, 11, 13 и 53 дивизий. Распространением большевистских листовок и агитационной работой на Западном фронте занимался также рабочий-большевик А. С. Раков.[3]

Огромную помощь большевикам Белоруссии в проведении политико-воспитательной работы среди солдат Западного фронта оказывали Петроградский и Московский большевистские комитеты, которые в большом количестве присылали в прифронтовую полосу и на фронт свои печатные издания. Так, например, в начале 1916 г. среди воинских частей, находившихся на территории Витебской губернии, в большом количестве распространялась прокламация Петербургского комитета РСДРП(б). В прокламации разъяснялся грабительский характер войны, затеянной «в интересах крепостников-дворян и хищнической буржуазии». Прокламация призывала солдат прислушиваться к голосу передовых рабочих, внимательно следить за событиями, создавать ротные, батальонные и полковые революционные организации, активно готовиться самим и готовить своих товарищей для того, чтобы, «сорганизовавшись, выступить вместе с революционным пролетариатом на борьбу с царским самодержавием и кровожадно-хищными капиталистами, ибо только революционное выступление пролетариата и

---

[1] ЦГИА, ф. 102, оп. 107, д. 10, ч. 4, л. 3.

[2] ЦГВИА, ф. 25, д. 4, л. 202.

[3] См. О. Чаадаева, Армия накануне Февральской революции, Соцэкгиз, 1935, стр. 37, 38.

революционной армии сможет положить конец этой кровавой ненужной войне, несущей с собой разорение и порабощение трудящимся массам—крестьянам и рабочим».[1]

Летом 1916 г. среди рабочих и крестьян Белоруссии распространялась прокламация Петроградского комитета РСДРП(б) под названием «Стачечное движение и задачи момента».

Отмечая, что забастовочное движение мощной волной разливается по всей России, прокламация призывала пролетариат еще теснее сплотить свои ряды вокруг большевистской партии, всесторонне готовиться к решающим битвам против царизма. «При настоящих условиях,—подчеркивалось в прокламации,—всякое движение пролетариата должно неизбежно вылиться в протест против войны. ...Из экономической борьбы с капиталом в стенах фабрик и заводов движение должно превратиться в борьбу широко политическую, в борьбу за власть, в гражданскую войну. Лозунги долой войну и долой царскую власть должны быть провозглашены при каждой стачке и должны выноситься на улицы демонстрациями».[2]

Призывы большевиков встречали активную поддержку широких масс рабочих, крестьян и солдат всей России. Под руководством большевистской партии рос и укреплялся боевой союз рабочего класса и крестьянства как великая общественная сила, готовящаяся к революционным боям с царизмом. Большевистская партия, созданная и руководимая Лениным, привела народные массы в феврале 1917 г. к свержению царского самодержавия, к победоносному завершению буржуазно-демократической революции. Активнейшее участие в революции вместе со всеми народами России принимали и трудящиеся Белоруссии.

* * *

Победа Февральской буржуазно-демократической революции в России, в том числе и Белоруссии, положила начало превращению империалистической войны в гражданскую. Она оказала могучее влияние на развитие революционного движения трудящихся во всем мире. Еще в самом начале XX века В. И. Ленин писал, что разрушение царской монархии, являвшейся мощным оплотом не только европейской, но азиатской реакции, «... сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата».[3]

---

[1] «Большевики в годы империалистической войны (1914—февраль 1917 г.)», Сборник документов, Госполитиздат, 1939, стр. 99.

[2] Там же, стр. 122.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 345.

Весь дальнейший ход развития истории целиком и полностью подтвердил ленинское предвидение. Падение царизма способствовало подъёму рабочего движения в странах Европы, оживлению национально-освободительного движения в колониальной Азии.

Богатый опыт революционного движения в России, опыт народных революций в Китае и других странах со всей убедительностью показал, что в эпоху империализма борьба против остатков феодализма неизбежно сливается с борьбой против капитализма, буржуазно-демократическая революция перерастает в революцию социалистическую. Именно так произошло и в России. Февральская революция явилась непосредственным прологом Октябрьской социалистической революции. Завершив попутно, мимоходом дело буржуазно-демократической революции, Коммунистическая партия привела трудящихся в октябре 1917 г. к свержению буржуазного Временного правительства и установлению Советской власти в России.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции спасла нашу Родину от национальной катастрофы и вывела советский народ на широкую дорогу невиданных еще в истории человечества социалистических преобразований.

Благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции и последовательному осуществлению мудрой ленинской национальной политики, белорусский народ при братской помощи всех народов Советского Союза впервые в истории создал свою государственность и в исторически короткий срок добился преобразования ранее отсталой окраины царской России в индустриально-колхозную социалистическую республику. За сорок лет Советской власти в Белоруссии построены тысячи новых промышленных предприятий, создана крупная машиностроительная и станкостроительная промышленность. Чтобы судить о темпах развития экономики республики достаточно сказать, что валовой выпуск промышленной продукции в 1956 г. увеличился по сравнению с 1913 г. в 22 раза, выработка электроэнергии соответственно возросла в 710 раз.

Неузнаваемо преобразилась и белорусская деревня. Вместо сохи, деверянной бороны и косули на колхозных и совхозных полях Белоруссии уже в 1955 г. работало около 38 тысяч тракторов (в переводе на 15-сильные), тысячи комбайнов и других сельскохозяйственных машин, значительно облегчающих труд советского крестьянства.

Бурного расцвета достигла социалистическая культура белорусского народа. Белоруссия, где до революции 80% населения являлось безграмотным, уже к 1940 г. стала республикой сплошной грамотности.

В настоящее время белорусский народ под руководством Коммунистической партии, не жалея сил, трудится над выпол-

нением грандиозных задач, намеченных историческим XX съездом КПСС, над выполнением и перевыполнением плана шестой пятилетки. Белорусский народ в дружной семье народов Советского Союза смело смотрит в своё светлое будущее, имя которому—коммунизм.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Саладков
Иосиф Иванович

Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции
(конец XIX—начало XX в.)

Редактор *Баркан В. А.*
Техредактор *Беленькая И. Е.* Корректор *Канторович А. Я.*

Печатается по постановлению РИСо БГУ им. В. И. Ленина

АТ 01616 Зак. № 377 Тираж 3.250 экз.
Сдано в набор 5.IV.1957 г. Подписано к печати 18.IX-1957 г.
Бумага $60 \times 92^1/_{16}$ Печатных листов 10,25. Уч.-изд. листов 11,8
Цена 7 руб.

Типография Издательства Белгосуниверситета имени В. И. Ленина.
Минск, Кирова, 56-а

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
15	9 снизу	6 771 625	6 671 625
39	9 снизу	В имени	В имении
70	14 снизу	стр. 5	стр. 7
73	5 сверху	Бобруйскую—150	Бобруйскую—75
163	1 снизу	VI	IV

Цена 7 руб.